

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

10 2023
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 10 (457) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Юлиан Константинович Щуцкий* (1897–1938) — известный востоковед и антропософ. Родился в семье ученого-лесоведа. Его мать преподавала французский язык и фортепиано и с ранних лет привила сыну любовь к языкам и музыке. В 1913 году семья Щуцких переехала в Петроград. Юлиан два года учился в приюте принца Ольденбургского, затем провел год в Петроградском политехническом институте и поступил в Петроградский университет, где изучал китайский язык и культуру вплоть до окончания в 1922 году.

В 1920-м, еще будучи студентом, Щуцкий начал работать в Азиатском музее Академии наук, а после окончания университета был зачислен научным сотрудником на кафедру китайской филологии Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока.

В 1922 году в университете Юлиан Щуцкий увлекся антропософией. В ней востоковед нашел универсальное объяснение внешнему устройству мира, его глубинной структуре и индивидуальному развитию. Тогда же он встретил поэтессу Елизавету Васильеву, отношения с которой превратились в симбиоз платонической любви и серьезной антропософской работы на фоне обостренного чувства приближающейся катастрофы. Васильеву арестовали за занятия антропософией и выслали в Ташкент, где она умерла в 1928 году, оставив после себя сборник стихов «Домик под грушевым деревом», написанный в стиле переводов китайской поэзии Щуцкого.

В 1924 году Юлиан Константинович получил право на преподавание китаеведения в качестве доцента и с этого времени вел различные синологические курсы в ряде ленинградских вузов, а в 1936–1937 годы сотрудничал с Государственным Эрмитажем.

В 1928 году Щуцкий был командирован Академией наук в Японию для приобретения японских и китайских книг и ознакомления с научно-исследовательской деятельностью японских синологов. В Японии он пробыл четыре с половиной месяца, живя в Осаке при буддийском храме.

Совместно с Борисом Васильевым написал в 1934 году учебник китайского языка (байхуа).

Прирожденный полиглот, знавший несколько восточноазиатских языков, Щуцкий написал ряд книг и учебников, но самой значительной его работой стал перевод древнейшего китайского текста И-Цзин («Книга перемен») и фундаментальное исследование его проблематики и истории происхождения. Эта блестящая работа вышла в свет только в 1960 году и до сих пор является уникальным трудом, приближающим читателя к пониманию И-Цзин.

В 1930-е годы Юлиан Щуцкий занимался активной научной и преподавательской деятельностью, поддерживал связи с бывшими участниками антропософских групп: скульптором Риммой Николаевой, востоковедом Федором Ростопчиным, метеорологом Алексеем Синягиным и другими эзотериками, обвиняемыми советской властью в принадлежности к антисоветским террористическим «анархо-мистическим организациям». В августе 1937 года Щуцкий был арестован по аналогичному надуманному обвинению, принужден к самооговору и расстрелян 18 февраля 1938 года.

В ряде изданий советского времени указана неверная дата смерти — 1941 или 1946 год. В штате Института востоковедения он числился до 1943 года. Большая часть из того, что было написано им, оставалось в рукописях: ноты, лингвистические, литературные и философские труды. Они были изъяты во время ареста 1937 года и безвозвратно исчезли в недрах НКВД.

Место захоронения Юлиана Константиновича предположительно на Левашовской пустоши.

В 1956 году Щуцкий был реабилитирован за отсутствием состава преступления. 21 марта 2015 года на доме по улице Декабристов в Санкт-Петербурге, где жил в свои последние годы Юлиан Константинович, установлен памятный знак «Последний адрес», ставший одним из первых в Петербурге (гражданская инициатива, направленная на увековечивание памяти о людях, ставших жертвами политических репрессий в годы советской власти).

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Аттаев И. Б.**
Понятие и виды произведений искусства 65
- Вассалатий Ж. В., Берсенев Р. А.**
Субъект налоговых преступлений 68
- Волгушева А. С.**
Предъявление для опознания человека или его фотографии 70
- Гасанов Р. И.**
Краткий очерк о правовой природе неустойки в налоговом праве 72
- Глибина А. С.**
Правовое регулирование квалификации преступлений, совершенных с использованием сети Интернет 74
- Горбачева Е. О.**
Правовая природа объектов цифрового искусства (digital art) 76
- Гуцан Д. В.**
К вопросу об истории возникновения коррупции в России 78
- Дубинин В. А.**
Теоретические и практические вопросы стадии возбуждения уголовного дела 82
- Зинченко Я. И.**
Национальные ценности и идеалы как важнейшие составляющие национальной безопасности государства 84
- Каблахова А. М.**
Некоторые аспекты осуществления наследственных прав несовершеннолетними ... 86
- Кононенко Е. А.**
Защита частной собственности: проблемы и перспективы развития законодательства 88
- Кучеров Н. С.**
Уголовная ответственность за похищение человека по действующему российскому законодательству 90
- Лукашова Е. А.**
Возможности использования сократического метода в служебной деятельности сотрудника ОВД 92
- Метальникова М. К.**
Дети и защита семьи как приоритет государственной политики России 94
- Муратшин А. И.**
Договор выкупного лизинга: о некоторых аспектах обеспечительной функции права собственности лизингодателя 97
- Пасечник С. Н.**
Особенности правового режима имущества государственных унитарных предприятий 98
- Печенин А. В.**
Опыт зарубежных стран в вопросе ресоциализации осужденных 100
- Рахимова Е. В.**
Проблемы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства 103
- Сидорцов Р. В., Танюхина В. В.**
Формы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного и муниципального контроля 106
- Степченкова Е. В.**
Применение насилия в отношении представителя органа власти: уголовно-правовые аспекты противодействия 109
- Устюжанина А. В.**
Некоторые аспекты применения электронных доказательств в арбитражном процессе 111

Черкасова Е. В. Отказ от ребенка: правовой аспект 113	Шишкина Е. М. Особенности обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество..... 121
Шанаев О. В. Специфика обязательств, возникающих из договора коммерческой концессии (франчайзинга).....115	Штомпель Ю. Н. Недействительность сделок по делам о несостоятельности (банкротстве) 123
Шишкин А. Е. Сравнительно-правовой анализ некоторых аспектов конституционно-правового статуса судей конституционных судов Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан116	Шуст А. М. Практические проблемы защиты и реализации прав и законных интересов граждан, возникающие в ходе доследственной проверки 126

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие и виды произведений искусства

Аттаев Исмаил Борисович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье проанализированы различные подходы к определению понятия «произведение искусства», автор отмечает, что главная специфика произведений искусства состоит в том, что они предназначены для эстетического восприятия. Кроме этого, исследована проблема выбора критерия для отнесения произведений искусства к произведениям изобразительного искусства.

Ключевые слова: произведения искусства, произведения изобразительного искусства

В соответствии с п. 1 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации [5] (далее — ГК РФ) произведения искусства относятся к числу объектов авторского права. При этом само понятие «произведение искусства» в гражданском законодательстве не раскрывается. В правовой доктрине эта категория также разработано слабо — ученые либо вообще не акцентируют внимание на данном вопросе, либо посвящают исследования изучению отдельных видов произведений искусства.

В связи с этим, Ю.В. Мацкевич, автор одной из многих научных публикаций, посвященных определению понятия «произведение искусства», для раскрытия сущности такового обращается к Энциклопедии по культурологии. Автор приводит следующую цитату: «произведение (искусства) — продукт художественного творчества; результат обработки того или иного материала (речь, камень, полотно, краски и т.п.) с целью создания такого предмета, который является носителем смысла, одновременно личного и сверхличного, индивидуального и традиционного, ответного по отношению к предшествующим предметам того же рода и вместе с тем актуального для созерцателя-адресата в настоящем и будущем; имеющего отношение и к жизненной практике, и к отвлеченной идеологии, но не сводимого ни к тому, ни к другому, а самоценного (т.е. эстетически, а не практически или идеологически значимого)» [11, с. 13-14].

На энциклопедический словарь по культурологии в своем монографическом исследовании ссылается и В.В. Лебедь. Автор полагает, что наиболее четкое представление о произведениях искусства в целом как объектах авторских прав, можно сформулировать, обозначив отличия таковых от произведений науки и литературы. Именно с этими объектами авторских прав произведения искусства перечисляются в одном ряду в п. 1

ст. 1259 ГК РФ. При этом В.В. Лебедь отмечает, произведения науки, в соответствии с энциклопедическим представлением являются творческими результатами «рациональной реконструкции мира на основе постижений его существенных закономерностей, единство объяснения и понимания» [10, с. 14], а произведения литературы рассматриваются как «письменная форма искусства слова», как объект, который «при помощи слова создает реальное живое бытие» [10, с. 14]. В результате формулируется аналогичный приведенному выше вывод — главная специфика произведений искусства в том, что они предназначены для эстетического восприятия.

Из вышеизложенного следует, что к произведениям искусства следует причислять те объекты авторского права, которые представляют интерес с позиции своих эстетических (художественных) достоинств. Ю.В. Мацкевич считает, что такому критерию отвечают:

- произведения изобразительного искусства;
- архитектурный или ландшафтный дизайн;
- музыкальные композиции и музыкальные импровизации;
- театральные постановки, постановки балетного или оперного театра;
- кинематограф [11, с. 14].

Обозначим некоторые особенности перечисленных произведений искусства.

Из содержания абз. 7 п. 1 ст. 1259 ГК РФ следует, что законодатель к числу произведений изобразительного искусства относит произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и оставляет приведенный перечень открытым.

В то же время, Т.Ю. Мацкевич полагает, что анализируемую группу объектов составляют живопись, фотография, объекты декоративно-прикладного искусства, скульптура

и др. [11, с. 14]. Видно, что приведенная позиция расходится с содержанием ст. 1259 ГК РФ — законодатель произведения декоративно-прикладного искусства и фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии рассматривает как отдельную группу произведений искусства.

В. П. Большаков в зависимости от объекта приложения творческих усилий, используемых художественных и технических средств и исторически сложившихся концепций выделяет такие виды изобразительного искусства и соответствующие им произведения — архитектура, скульптура, живопись, графика, каллиграфия, дизайн, фотоискусство, граффити, декоративно-прикладное искусство и др. [2, с. 35]. Данный подход также вступает в противоречие с положениями ст. 1259 ГК РФ.

В. А. Удалкин в целом соглашается с походом законодателя к определению перечня произведений изобразительного искусства, предлагая исключить из него и выделить в отдельную группу только произведения дизайнера [15, с. 9].

Очевидно, что в основе обозначенных противоречий лежит проблема выбора критерия для отнесения произведений искусства к произведениям изобразительного искусства. Так, некоторые ученые считают, что главная отличительная особенность произведений изобразительного искусства состоит в том, что эти объекты воспринимаются исключительно на зрительном уровне [7, с. 38]. При этом, образы произведений изобразительного искусства могут быть воспроизведены как на плоскости, так и в пространстве [6, с. 3]. Другие исследователи — предлагают авторские критерии. Так, В. В. Ефремова специфической особенностью произведений изобразительного искусства называет их «изобразительность» [6, с. 3], а В. А. Удалкин считает, что «основным признаком, объединяющим произведения изобразительного искусства в обособленную группу объектов авторских прав, является наличие оригинала произведения, в рамках которого произведение существует в неразрывной связи со своей предметной формой» [15, с. 9].

Полагаем, что критерии для отнесения произведений искусства к произведениям изобразительного искусства должны быть четко определены. Это важно в контексте того, что в настоящее время появляются новые объекты авторского права (стрит-арт, граффити, татуировки) и возникает необходимость определить особенности правового регулирования их использования, защиты и т. д. Большинство из таких объектов ученые причисляют к произведениям изобразительного искусства [3, с. 72], однако такой подход можно поставить под сомнение, поскольку до настоящего времени наука не смогла определить четкого перечня даже уже давно известных объектов.

ГК РФ не раскрывает и содержание понятий «произведения архитектуры», «произведения градостроительства» и «произведения садово-паркового искусства». Отсутствуют такие дефиниции и в специальных законодательных актах — Федеральном законе «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» [12], Градостро-

ительном кодексе Российской Федерации. В то же время зарубежный опыт правового регулирования рассматриваемой сферы, показывает, что произведения архитектуры и произведения градостроительства могут рассматриваться в качестве синонимов. Такой подход реализован в частности в Законе Республики Казахстан от 16.07.2001 № 242 «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан». Согласно п. 55 ч. 1 ст. 1 этого нормативно-правового акта произведения архитектуры (градостроительства) представляют собой объект авторского права «являющийся результатом творческого процесса в профессиональной деятельности физических лиц, направленного на создание какого-либо архитектурного объекта или формирование градостроительного пространства, включая авторский замысел, зафиксированный в форме проектной документации, отдельного чертежа, макета или эскиза, а также реализованный в натуре проект (часть проекта)». Такую позицию казахстанского законодателя можно было бы воспринять, однако остается не совсем понятным как она согласовывается с тем, что понятия «архитектурная деятельность» и «градостроительная деятельность» в вышеназванном законе все же разграничиваются.

В российской правовой доктрине отмечается, что к числу произведений архитектуры следует относить в первую очередь архитектурные проекты и документацию для строительства. Однако, отсутствие четкого представления о содержании понятия «произведения архитектуры», порождает определенные дискуссии, связанные с перечнем соответствующих произведений. Основная такая дискуссия касается вопроса о том, входят ли в число произведений архитектуры здания и сооружения. Некоторые ученые называют таковые основной формой воплощения архитектурных произведений, другие — возражают против этого [4, с. 33]. При этом, полагаем, что позиция законодателя в этом вопросе вполне однозначна и прямо следует, например, из содержания подп. 1 п. 1 ст. 1273 ГК РФ. Названная норма устанавливает запрет на свободное воспроизведение в личных целях «произведений архитектуры в форме зданий и аналогичных сооружений». Аналогичный подход к решению этого вопроса демонстрирует и названный выше Закон Республики Казахстан «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан». Итак, полагаем, что произведение архитектуры может быть воплощено в форме архитектурного проекта, документации для строительства и архитектурного объекта.

Произведения садово-паркового искусства рассматриваются в ГК РФ в качестве отдельного произведения изобразительного искусства (ст. 1259 ГК РФ). Однако такой подход противоречит положениям Федерального закона «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации». В ст. 2 этого законодательного акта объект садово-паркового искусства признан одним из видов архитектурных объектов. Н. В. Слесарюк такую позицию признает верной, в связи с чем предлагает «исключить из нормы ГК

РФ упоминание о произведениях садово-паркового искусства, относя их к произведениям архитектуры» [13, с. 85].

В ГК РФ не раскрывается сущность понятия «музыкальное произведение». Исследователи делают попытки сформулировать таковое, исходя из понятия «музыка» и «произведение». Так, например, Н.В. Иванов под музыкальным произведением предлагает понимать «совокупность идей и образов, получивших в результате творческого процесса отражения человеком реальной действительности свое выражение в форме организованных по высоте и по времени звуковых последований» [8].

О.А. Касаткина рассматривает музыкальное произведение как «совокупность художественных образов, отражающих действительность в виде звуковых последований, состоящих из особым образом организованных по высоте и во времени акустических колебаний, выраженных в объективной форме» [9, с. 116].

В целом, следует констатировать, что серьезных противоречий по вопросу отнесения конкретных объектов авторского права к числу музыкальных произведений не возникает. Таковыми признаются народные песни, инструментальные импровизации, арии, музыкальные пьесы и т. д. [1, с. 279].

Таким образом, по результатам проведенного анализа были выявлены проблемы, связанные с отсутствием легального определения таких понятий как «произведение искусства», «произведение изобразительного искусства», «произведение архитектуры», «произведение градостроительства» и некоторых иных. Это существенно затрудняет правоприменительную практику, создает сложности при отнесении некоторых объектов авторских прав к той или иной группе произведений и, следовательно, при определении особенностей правового регулирования их использования и защиты.

Литература:

1. Алиев, Т.Т. Авторское право на музыкальные произведения как объект гражданского права: тенденции развития // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2020. 2020. с. 278-282.
2. Большаков, В. П. История и теория культуры: учеб, пособие для академического бакалавриата/Л. Ф. Новицкая, К. Ф. Завершинский, В. П. Большаков; под общ. ред. В. П. Большакова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. 289 с.
3. Бундин, Ю.И. Авторское право на произведения искусства татуировки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. с. 93-102.
4. Гольцов, В. Б., Голованов Н. М., Беляков В. Г. Авторские права на произведения архитектуры и проблемы их защиты // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3. с. 30-38.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
6. Ефремова, В.В. Авторское право на произведения изобразительного искусства в России и Франции: автореф. дис. ... канд. юр. наук:12.00.03. М., 2008. 21 с. с. 3.
7. Жеглова, А.Р. Особенности защиты авторских прав на произведения изобразительного искусства // Дневник науки. 2020. № 3 (39). с. 38-40.
8. Иванов, Н.В. Авторские и смежные права в музыке. 2-е издание. Монография./Под ред. А.П. Сергеева. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=551363&p=1> (дата обращения: 20.05.2022).
9. Касаткина, О.А. Музыкальное произведение как объект авторского права // Синергия Наук. 2021. № 55. с. 115-121.
10. Лебедь, В.В. Произведения искусства в авторском праве: монография. М.: Книгодел, 2011. 112 с.
11. Мацкевич, Т.Ю. Определение понятия «произведение искусства» и обозначение критериев его оценки // Искусство и культура. 2012. № 3 (7). с. 13-16.
12. Об архитектурной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.11.1995 № 169-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4473.
13. Слесарюк, Н.В. Правовая охрана произведений архитектуры и градостроительства // Сибирское юридическое обозрение. 2012. № 2 (19). с. 84-87.
14. Специфика архитектурных произведений как объекта авторского права/М. А. Ершова, Е. А. Малахова, Е. А. Овликова, А. Н. Рябко // Научные исследования молодых учёных. 2020. с. 155-160.
15. Удалкин, В. А. Интеллектуальные права на произведения изобразительного искусства: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. М., 2010. 25 с.

Субъект налоговых преступлений

Вассалатий Жанна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент;
Берсенева Роман Андреевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Актуальность темы связана с высокой опасностью и пагубными последствиями неуплаты обязательных платежей в бюджет Российской Федерации. Данный порок может привести к плачевной ситуации для страны в целом, так как не будет сформирован капитал страны, который позволяет финансировать предприятия, способствовать развитию национальных проектов России, а также обеспечивать социально уязвимые слои населения. Это подтверждается и на законодательном уровне, начиная с Конституции Российской Федерации, которая гласит согласно со статьей 57 Конституции Российской Федерации [1], что существует конституционная обязанность платить законно установленные налоги и сборы. Эта обязанность закреплена на высшем уровне из-за ее значимости для государства и страны в целом, ведь как было сказано ранее именно налоги формируют бюджет Российской Федерации, который позволяет государству расти и развиваться. Поэтому настолько важно исполнение каждым своей налоговой обязанности, потому как уклонение от их уплаты нарушает не только права и охраняемые законом интересы граждан Российской Федерации, а также общества и государства в целом, но и те общественные отношения, которые охраняются налоговым, административным законодательством, а также уголовным законом. В этом и состоит актуальность данной темы исследования.

Объектом данной статьи является субъект налоговых правоотношений как сложный элемент правоотношений. Будет рассматриваться субъект с точки зрения его отличительных черт и особенных признаков по которым определяется его свойство в налоговых правоотношениях, то есть тот, кто понимается законом как субъект.

Предметом будет являться субъект налоговых преступлений с точки зрения уголовного законодательства, для выявления отличительных признаков, присущих только субъекту преступления.

Целью статьи является анализ налогового и уголовного законодательства для выявления отличительных признаков субъектов налоговых правоотношений и преступлений налоговой направленности.

В соответствии с поставленной целью в статье будут решаться следующие основные задачи:

— определение термина «налогоплательщик», с точки зрения этимологии слова и его лингвистического толкования, а также смысл понятия, закладываемого налоговым законодательством.

— разграничение субъекта как лица, участвующего в налоговых правоотношениях и лиц, подлежащих уголовной ответственности в связи с нарушением налогового законодательства.

— определение различительных черт и универсальных признаков для субъекта налоговых правоотношений и субъекта налоговых преступлений.

В качестве методологической основы научной статьи выступают общенаучные методы познания анализ, синтез, классификация, индукция, сравнение, описание, диалектический и системный методы.

Нормативной базой научной статьи выступают Конституция Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты.

Эмпирической базой исследования являются Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Прежде чем говорить об отличительных чертах, присущих тому или иному субъекту, необходимо обратиться к самой сути значимых понятий, определяющих и начинающих такие правоотношения.

Для этого обратимся к существующим толкованиям терминов «налог», «налогоплательщик», даваемые словарями. Это необходимо в первую очередь для определения этимологии данных слов, чтобы в дальнейшем иметь понимание рассматриваемых понятий.

Толковый словарь Ожегова [2] понимает под «налогом» установленный обязательный платеж, взимаемый с граждан и юридических лиц. Под «налогоплательщиком» понимается плательщик налога. Таким образом, уже на данном этапе возникает сложность в едином понимании кто есть субъект налоговых правоотношений, хотя довольно-таки четко определен круг лиц, обязанных уплачивать этот самый обязательный платеж.

Толковый словарь Ушакова [3] обозначает, что «налогом» называют, что необходимо подчеркнуть, государственный сбор, взимаемый с населения. Но в данном случае не определен круг лиц.

Стоит отметить, что данное в статье 8 Налогового кодекса Российской Федерации [4] (далее — НК РФ) понятие термину «налог» тесно переплетается с теми понятиями, которые были даны лингвистами, однако стоит отметить их точность и универсальность присущих им признаков, таких как индивидуальный безвозмездный характер.

Налогоплательщиком же в настоящее время в статье 19 НК РФ закон признает плательщика сборов и страховых взносов в виде организаций и физических лиц, а также индивидуальных предпринимателей, на которых возложена обязанность уплаты обязательных платежей. Данное понятие не противоречит мнению лингвистов, однако обозначает на законодательном уровне перечень лиц, которых признают субъектом налоговых правоотношений.

Налоговым законодательством также предусмотрены случаи ответственности налогоплательщика. Как было сказано ранее круг лиц определен в понятии данном выше, однако стоит уточнить кто же в соответствии со статьей 107 НК РФ может понести ответственность. Такими лицами могут быть как физические, так и юридические лица. Также указывается, что в зависимости от типа такого налогоплательщика может определяться и наказание [5].

Несмотря на то что налоговое законодательство приводит исчерпывающий перечень лиц ответственных за неуплату обязательных платежей, данные лица не соответствуют требованиям, которые закреплены в уголовном законе, что не дает нам возможности выделить именно те, присущие именно уголовному закону признаки субъекта налоговых преступлений.

Для того, чтобы отыскать именно те, необходимые нам признаки, следует обратиться к уголовному закону и рассмотреть составы налоговых преступлений через призму актов судебного толкования.

Речь идет о таких составах как уклонение от уплаты налогов с физического лица, предусмотренное статьей 198 Уголовного кодекса Российской Федерации [6] (далее — УК РФ); за те же деяния, но с организации — статьей 199 УК РФ; неисполнение обязанностей налогового агента — статей 199.1 УК РФ; сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов — статьей 199.2 УК РФ. Название статей также не дает четкого понимания кто является субъектом в том или ином составе, так, например, речь идет даже об уклонении от уплаты налогов с организации. В связи с этим следует изучить каждый состав более детально с использованием соответствующего Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Для начала следует рассмотреть состав преступления, предусмотренный статьей 198 УК РФ, в котором идет речь об ответственности за уклонение физическим лицом от уплаты обязательных платежей, а также за непредставление (либо включение заведомо ложных сведений) налоговой декларации.

Следует обратиться к пункту 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [7] субъектом в данной статье является гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин, лицо без гражданства, вменяемое (презюмируется) достигшее шестнадцатилетнего возраста физическое лицо. Это общие признаки субъекта преступления, однако в нашем случае идет речь о специальном субъекте, так как на него возлагается обязанность по уплате обязательных платежей, именно за нарушение данных обязательств (указанных в диспозиции) лицо может быть привлечено к ответственности со статьей 198 УК РФ.

В случае, когда идет речь об уклонении от уплаты налогов с организации, следует уточнить, что уголовная ответственность, предусмотренная статьей 199 УК РФ, рас-

пространяется на физических лиц, которые представляют интересы этой организации, таким образом организации и участвуют в налоговых правоотношениях. Согласно пункту 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 субъект также обладает всеми общими признаками (вменяемость, гражданство, достижение шестнадцатилетнего возраста), специальными выступают вновь особые обязанности в связи с их особой ролью в деятельности организации. Такое лицо уполномочено в силу закона или на основании доверенности и обязано вести документооборот с налоговыми органами, представляя тем самым интересы организации, которая выступает в качестве налогоплательщика.

Ответственность за неисполнение обязательств налогового агента предусмотрена статьей 199.1 УК РФ. Анализируя положения акта судебного толкования можно прийти к выводу о том, что субъект обладает всеми общими признаками, однако специальными признаками называются обязанности налогового агента, в силу которых лицо обязано исчислять, удерживать и перечислять налоги в бюджетную систему Российской Федерации. Таким образом субъект в данном составе также специальный.

Отличительной чертой налогового преступления, предусмотренного статьей 199.2 УК РФ, является диспозиция, которая непосредственно определяет кто является субъектом данного преступления. Речь идет о специальном субъекте, на которого возложена обязанность уплаты налогов, сборов, а также страховых взносов [8].

Итак, проанализировав положения уголовного законодательства, а также акта судебного толкования можно прийти к некоторым выводам о том, что субъект налоговых преступлений обладает всеми признаками общего субъекта преступлений, что разграничивает его с субъектом налоговых правоотношений, однако, такой субъект также обладает присущими только ему признаками, что делает его специальным, данные признаки состоят в особых обязанностях субъекта по отношению к налоговой системе Российской Федерации. Также следует отметить особый статус таких субъектов и их полномочия в связи, с которыми они обязаны исполнять налоговые обязательства в силу закона. Таким образом, ответственность наступает при неисполнении возложенных на субъект конституционных обязанностей по уплате налогов [9].

Налог является обязательным платежом, каждый должен платить налоги. Но смысл налога не только в обязательстве, смысл в формировании бюджета страны общими усилиями, в том, чтобы обеспечить возможность стабильности и развития государства. Поэтому данное требование заложено в самой Конституции.

Однако, уклонение от уплаты обязательных платежей наносит существенный вред государственному бюджету. Данные пагубные деяния не способствуют прогрессу, они негативно сказываются на тех отраслях, экономических направлениях, социальных группах, которые менее защищены, что может привести к более плачевным результатам. Именно поэтому необходимо четко понимать

субъекта налоговых преступлений, чтобы пресекать нарушения законодательства о налогах.

В связи с этим следует выделить основные признаки таких субъектов для четкого понимания и разграничения субъектов налоговых правоотношений. Для составов налоговых преступлений, предусмотренных УК РФ, ха-

рактерно наличие специального субъекта — это вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, обязанное исчислять, платить налоги и сборы в силу закона или особых обязательств, которые были возложены на него договором, доверительными отношениями или в связи с занимаемой должностью.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 19 мая 2022 г. // Российская газета. — 2020. — № 144.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка./С. И. Ожегов — Москва: А ТЕМП, 2004. — 937 с.
3. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка./Д. Н. Ушаков — Москва: ОГИЗ, 1935-1940. с. 1500.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146 — ФЗ: по сост. 19 мая 2022 // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31 — Ст. 3824.
5. Хуснутдинова, Е. В. Уголовная ответственность налоговых агентов/Е. В. Хуснутдинова — Москва, 2008. — 26 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63 — ФЗ: в ред. от 25 марта 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25 — Ст. 2954.
7. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. — 2019. — № 276.
8. Ковалев, В. А. Налоговые преступления: взаимосвязь норм уголовного и налогового права/В. А. Ковалев — Владимир, 2006. — 214 с.
9. Зрелов, А. П., Краснов М. В. Налоговые преступления./Зрелов А. П. — Москва, 2004. — 192 с.

Предъявление для опознания человека или его фотографии

Волгушева Алёна Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В настоящей статье автором рассмотрены проблемы правового регулирования предъявления для опознания живого лица или его фотографии. На основании анализа выявленных проблем, автором предложено их решение путем внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: предъявление для опознания, опознающий, статист, следственное действие, допрос.

Presentation for identification of a person or his photo

In this article, the author considers the problems of legal regulation of the presentation of a living person or his photo for identification. Based on the analysis of the identified problems, the author suggests their solution by making changes to the current criminal procedure legislation.

Keywords: presentation for identification, identifying, statistician, investigative action, interrogation.

Предъявление для опознания — это одно из сложных следственных действий, имеющее большое значение в качестве доказательств при расследовании уголовных преступлений. Отличительной чертой предъявления для опознания от других механизмов идентификации является то, что при предъявлении для опознания применяется специальный процессуальный порядок, закрепленный в УПК РФ [1] и выработанная на протяжении длительного времени тактика проведения данного следственного действия.

Конечные результаты опознания и их значение в процессе доказывания по уголовному делу самым серьезным образом зависят от качества проведенных следователем организационно-подготовительных мероприятий [2, с. 31].

Следует отметить, что предъявление для опознания — единственное следственное действие, тактические аспекты производства которого, в отличие от иных действий, нашли процессуальное закрепление в УПК РФ.

Живой человек (лицо) предъявляется опознающему вместе с другими лицами, общее число которых, включая

и опознаваемого, должно быть не менее трех. Лица, среди которых предъявляется опознаваемый, должны по возможности быть сходны с ним по внешности.

Иногда бывает ситуация, когда в деле имеются несколько потерпевших, которые должны опознать одно лицо. В таких случаях следует проводить допрос каждого по отдельности и исключить возможность опознающим делиться между собой информацией об опознаваемом объекте, чтобы не выходить за рамки объективности. Для этого, следователем должны быть созданы необходимые условия.

При осуществлении допроса, между допрашиваемыми лицами могут возникнуть разногласия относительно признаков опознаваемого объекта, связанное с тем, как данное лицо восприняло произошедшее событие и запечатлело его в своей памяти. В таком случае, следователем, проводящим допрос, необходимо приложить усилия для выявления причин противоречий и по возможности их устранения. Связано это с тем, что противоречия, возникшие при допросе, предшествующем опознанию, перенесутся также и на сам процесс опознания, что сделает его неэффективным, не имеющим никакого прямого доказательственного значения.

При предъявлении для опознания среди опознаваемого лица должны находиться также статисты, которые должны быть внешне схожими с опознаваемыми лицами. Данным участникам процесса опознания следователь также как и понятым должен довести до сведения процессуальный порядок и последовательность действий при выполнении данного следственного действия. После того, как статистам будет разъяснен порядок следственного действия, в помещения должен зайти опознаваемый человек. Опознаваемому лицу следователь в присутствии адвоката обязан довести до сведения права и обязанности, а также порядок проведения процедуры опознания и последовательность действий.

При опознании живого человека, опознающему необходимо описать подробно отличительные признаки лица, которое будет предъявлено для опознания, если опознающий их смог запомнить. Это может быть шрам, особенности в походке, цвет волос, отличительные черты в одежде, например, яркий принт и др.

То, что опознания осуществлялись по фотографиям, в данном случае не нарушает положения ч. 5 ст. 193 УПК РФ, поскольку из указанной нормы уголовно-процессуального закона не следует, что наличие потенциальной возможности проведения опознания с непосредственным участием опознаваемого во всяком случае исключает проведение этого следственного действия по фотографиям [3].

От изложенного выше нужно отличать ситуации, когда в отношении лица осуществляется публичное уголовное преследование в любых его формах, а также когда в целях его изобличения проводятся те или иные следственные действия, но лицо не было поставлено в статус подозреваемого или обвиняемого. К таким лицам следует отнести

лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ [4, с. 13].

Еще одним из проблемных вопросов является то, что в рассматриваемом следственном действии в случае участия адвоката-защитника обвиняемого (подозреваемого), вопрос о том, где он должен находиться в момент производства предъявления для опознания лица, в ст. 193 УПК РФ не раскрывается.

По сложившейся практике, защитник располагается в месте, где находится его подзащитный. Такое нахождение защитника обосновано тем, что он должен иметь возможность оказать своему подзащитному квалифицированную юридическую помощь.

В то же время в рассматриваемой ситуации адвокат будет лишен возможности осуществлять наблюдение за процессом и результатами опознания, а также соблюдения процессуального порядка проведения следственного действия.

Следует отметить, что одним из вопросов, требующих своего правового разрешения, является вопрос о том, где именно должны находиться понятые, участвующие в данном следственном действии: на стороне опознающего или опознаваемого. Согласно ч. 8 ст. 193 УПК понятые должны находиться в месте нахождения опознающего. При этом понятые имеют возможность воспринимать обстановку и в месте нахождения опознаваемого.

По мнению Трубчик И. С. «Типичными следственными ошибками, которые допускаются следователями при производстве данного следственного действия, являются: неправильный подбор статистов, который может быть выражен в том, что они разного возраста, национальности, и это бросается в глаза; одежда, в которую они одеты, например, опознаваемый одет в рубашку с длинным рукавом, а статисты — один в футболке, другой в рубашке и пиджаке и т. д». [5, с. 9].

Предъявляемые лица не должны иметь резких различий по телосложению, возрасту, росту, форме и цвету лица, волос, глаз, прическе. Помимо этого, на статистах должна быть надета одежда, аналогичная по цвету и фасону той, что надета на опознаваемом лице. Если в момент преступления опознаваемое лицо было в очках, то в момент предъявления для опознания целесообразно ему также быть в очках. Это касается и лиц, предъявляемых к опознанию вместе с опознаваемым лицом.

В связи с тем, что одежда человека может иметь наиболее запоминающийся образ, в целях эффективности опознания, лучше, чтобы опознающее лицо находилось в той же одежде, которая была в тот момент, когда его видел опознающий, что будет способствовать более точному восприятию ситуации.

При проведении данного следственного действия, трудности вызывает наличие у опознаваемого особых примет, например, татуировка определенного изображения на лице. В этом случае достаточно сложно найти

статистов с такими же или похожими индивидуальными признаками. В подобных ситуациях целесообразно предъявлять такого человека не в натуре, а по фотоснимку.

В отдельных случаях, когда отсутствует возможность предъявить для опознания живое лицо, может производиться опознание по фотографии данного лица. Также помимо фотографии может быть предъявлена к опознанию видеозапись с участием опознаваемого лица.

Если провести сравнение очного опознания и опознания по фото или видеозаписи, то последнее по своей эффективности будет уступать, т.к. фотоизображение может быть нечетким, не передающим всех мелких подробностей предъявляемого к опознанию объекта.

Предъявляя к опознанию фотографии, следователь должен их заблаговременно подготовить. Фотографии нумеруются, скрепляются печатью и удостоверяются подписью следователя на фототаблице, изготовленной на бланке протокола предъявления для опознания.

При предъявлении для опознания, в отличие от некоторых других следственных действий, не выносятся постановления о назначении данного следственного действия. В то же время, несмотря на то, что уголовно-процессуальные нормы не содержат обязанности составления постановления, в тех случаях, когда опознание производится по фотографии, следует составлять данный процессуальный акт. В нем стоит аргументировать причины невозможности предъявления для опознания самого лица.

В случае предъявления опознания по фотографиям большой давности следует предусмотреть возможность проведения повторного опознания путем предъявления непосредственно конкретного лица опознающему.

Данное положение следует закрепить в ч. 5 ст. 193 УПК РФ в следующем виде: «5... При проведении опознания лица по фотографии, на которой опознаваемое лицо было изображено более 10 лет назад, указанное лицо может быть предъявлено для опознания вновь».

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Вражнов, А. С. Проблемные ситуации защитника на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Адвокатская практика. 2019. № 2. с. 31-34.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.08.2018 № 4-АПУ18-30 <https://legalacts.ru/sud/apelliatcionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22082018-n-4-aru18-30/>
4. Пашутина, О. С. Очная ставка: проблемные аспекты уголовно-процессуального регулирования // Российский следователь. 2020. № 6. с. 13-16.
5. Трубчик, И. С. Теоретические и практические аспекты проведения опознания // Российский следователь. 2019. № 11. с. 9-11.

Краткий очерк о правовой природе неустойки в налоговом праве

Гасанов Рамиль Ибрагимович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматривается взгляд в науке на пеню в налоговом праве, согласно которой этот институт выполняет обеспечительную функцию, а не является видом налогово-правовой ответственности.

Ключевые слова: неустойка, ответственность, обеспечение, залог, гражданское право, налоговое право.

Тезис о важности налоговых поступлений для государства и общества вряд ли нуждается в обсуждении. Несомненно, это очевидно, и несколько неудачных попыток в прошлом отменить налоги являются тому подтверждением.

Для защиты налоговых интересов государства, при уважении законных интересов налогоплательщиков, институт неустойки, по одному мнению, направлен для обеспечения соблюдения налогового обязательства.

Между тем, сама неустойка в форме пени не подразумевает под собой формирования материальной базы по-

гашения основного обязательства, тем самым, не давая кредитору в лице публичного образования никакого преимущества перед другими кредиторами (преимущества для государства, по сравнению с некоторыми другими кредиторами, установлены в законодательстве о банкротстве).

Природа этого института налогового права, его значительная неоднородность обусловлены особенностями вопроса правовой защиты, а именно характером исполнения налоговых обязанностей.

Российское конституционное право, при этом возлагая на всех обязанность уплаты законно установленных

налогов и сборов (статья 57 Конституции РФ), при этом уточняет, что для обеспечения этого публичного обязательства законодатель вправе устанавливать меры государственного принуждения, которые могут быть не только карательными (меры налоговой ответственности), но и обязательными для всех, но и восстановление закона, обеспечивающее соблюдение налогоплательщиком своей конституционной обязанности по уплате налогов (возмещение просроченных и возмещение ущерба, причиненного несвоевременной и неполной уплатой налогов).

Налоговый кодекс (НК) Российской Федерации, не определяя институт обеспечения налогового обязательства, содержит исчерпывающий перечень способов, которыми может быть обеспечено соблюдение налогового обязательства. В этом списке представлены три группы вспомогательных методов.

Первая группа состоит из способов обеспечения добровольного выполнения налоговых обязательств или способы обеспечения уплаты налога. К ним относятся залог имущества, поручительство и банковская гарантия. Эти методы были заимствованы налоговым правом из гражданского права. Однако нормы налогового права используются для регулирования налоговых отношений, в которых существует залог, поручительство или банковская гарантия. Нормы гражданского права могут применяться только в том случае, если они прямо предусмотрены законодательством о налогах и сборах. Пределы гражданско-правового регулирования отношений по обеспечению исполнения налоговых обязательств с использованием залога, поручительства или банковской гарантии также установлены в Гражданском кодексе Российской Федерации, согласно которому гражданское законодательство не распространяется на имущественные отношения, основанные на административном или ином подчинении органа власти одной стороны другой, включая налоговые отношения, если иное не предусмотрено законом (статья 2 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Применение способов обеспечения исполнения налоговой обязанности, представленных в первой группе, связано, как правило, с изменением сроков исполнения налоговой обязанности и предоставлением налогоплательщикам отсрочки (рассрочки) уплаты налогов.

Непростая ситуация, складывающаяся в российской экономике в результате санкционной политики западных государств, заставляет российских налогоплательщиков чаще обычного обращаться за разрешением о переносе сроков исполнения налоговой обязанности и, как следствие, использовать предусмотренные законодательством о налогах и сборах способы обеспечения исполнения обязанности по уплате налоговых и таможенных платежей. Такая ситуация требует достижения оптимального соот-

ношения фискальных интересов государства и законных интересов налогоплательщиков.

Вторая группа представлена способами обеспечения исполнения налоговой обязанности, имеющими властную, публично-правовую природу.

В нее входят приостановление операций по счетам в банке и наложение ареста на имущество. Эти способы обеспечения, в отличие от отнесенных к первой группе, соответствуют принудительному порядку исполнения налоговой обязанности и касаются не добровольной уплаты налога, а его взыскания.

Если использование поручительства, залогового обеспечения и банковской гарантии как способов обеспечения исполнения налогового обязательства в первую очередь направлено на фактическое обеспечение материальных интересов государства, то методы, объединенные во вторую группу, в первую очередь стимулируют налогоплательщика к надлежащему (полному и своевременному) исполнению налогового обязательства. Если стоимость арестованного имущества или средств, находящихся на счетах, операции по которым были приостановлены, сопоставимы с размером возникшей задержки, то эти инструменты исполнения налогового обязательства также могут эффективно выполнять функцию обеспечения материальных интересов государства.

В третью — особую — группу следует выделить пенью. Ее появление в налоговом законодательстве в качестве способа исполнения налоговой обязанности вызывает многочисленные вопросы.

Указанное деление было взято мною из статьи А. Н. Козырина «Пеня по российскому налоговому праву: способ обеспечения исполнения налоговой обязанности или мера ответственности за нарушение налоговых правил?».

Между тем, следует указать, что позиция, согласно которой у государства за несвоевременную уплату налогов возникает убыток, который пеня и возмещает является умозрительной настолько, что её нельзя взять даже в качестве фикции.

Кроме прочего всего: 1) убыток должен быть определен; 2) должна быть связь убытка с неуплатой налога конкретного лица. Кто-то скажет, что нельзя перекладывать категорию «убытка» из гражданского права с его свойствами в налогово-правовую область, между тем, понятие «убыток казны» порой используется судами в том числе в гражданско-правовом смысле, чтобы обосновать возможность применения гражданско-правовых институтов по аналогии закона.

В ином же случае, пеня в налоговом праве, это такая же мера юридической ответственности на ненадлежащее исполнение налогоплательщиком своей налоговой обязанности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая/Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — ст. 410. — 143 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 03.12.2001. — N 49. — Ст. 4552. — 31 с.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 03.08.1998. — № 31. — ст. 3824.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 07.08.2000. — № 32. — ст. 3340.
7. Постановление КС РФ от 15.07.1999 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»// Взято из СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 08.03.2023
8. Козырин, А.Н. Пеня по российскому налоговому праву: способ обеспечения исполнения налоговой обязанности или мера ответственности за нарушение налоговых правил?// Закон. 2018. N 7. с. 148-159.

Правовое регулирование квалификации преступлений, совершенных с использованием сети Интернет

Глибина Ангелина Сергеевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассмотрены проблемы квалификации преступлений, которые совершаются с использованием компьютерной информации и в сети Интернет. Выявлены особенности квалификации преступлений против собственности. Показаны проблемы квалификации военных преступлений и преступлений против общественной безопасности (на примере призывов к террористической деятельности посредством социальных сетей).

Ключевые слова: компьютерная информация, уголовное право, квалификация, цифровое имущество, квалификация.

Legal regulation of qualification of crimes committed using the Internet

The article discusses the problems of qualification of crimes that are committed using computer information and on the Internet. Features of the qualification of crimes against property were revealed. The problems of qualification of war crime and crimes against public security (using the example of calls for terrorist activities through social networks) are shown.

Keywords: computer information, criminal law, qualifications, digital property, qualifications.

В условиях цифровизации общества обеспечение безопасности в сфере компьютерной информации становится достаточно актуальной проблемой, и нормы уголовного права в решении этой проблемы играют главенствующую роль. Компьютерные технологии, сеть Интернет на современном этапе являются не только незаменимым источником информации и коммуникации, но и средством совершения преступления. А компьютерная информация, с позиции норм уголовного права, является одновременно средством совершения преступления (например, программы-«вирусы», социальные сети, в которых размещается запрещенная информация), предметом преступления (например, цифровые права и активы, такие как криптовалюты) и даже субъектом

преступления в некоторой степени (если речь идет об искусственном интеллекте) [7].

Нормы уголовного права постоянно совершенствуются с учетом меняющейся реальности. Так, например, Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее — УК РФ) [2] новыми составами преступлений, в числе которых мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ) и мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Аналогично п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ описывает состав кражи, ко-

торая совершена в отношении электронных денежных средств.

Однако в квалификации данных преступлений до настоящего времени отмечается ряд вопросов. В ч. 1 ст. 159.3 УК РФ под мошенничеством с использованием платежных карт понимается хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации.

Данный вид мошенничества достаточно сложно разграничить с кражей, совершенной с использованием платежной карты. Кража с использованием платежной карты осуществляется, к примеру, в случае, если потерпевший случайно сообщает данные своей карты третьим лицам, или переходит по «вирусной ссылке», которая запускает списание средств с карты [6].

При этом, возникает и практический вопрос относительно того, как отграничить соответствующее преступление от преступления в сфере компьютерной информации, поскольку различного рода коды, пароли, информация о банковских счетах часто представлена в форме компьютерной информации. Наиболее частая ситуация мошенничества с использованием платежной карты возникает в случае, когда виновное лицо узнает электронную подпись потерпевшего (пару логин-пароль, поступающую из банка) или дает согласие на списание средств со своего счета.

Мошенничество в сфере компьютерной информации, исходя из его формулировки достаточно трудно назвать мошенничеством в прямом смысле слова, исходя из описания данного преступления, как преступления, совершаемого путем обмана или злоупотребления доверием потерпевшего.

Мошенничество в сфере компьютерной информации предполагает, что сама информация выступает объектом действий преступника. Компьютерная информация может являться имуществом (например, криптовалюта, фишки в электронных казино, которые в материальном мире не существуют), но при завладении такими объектами обманом путем речь пойдет скорее о специфическом предмете преступления [5].

В 2020 году Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] ввел понятие цифровых активов и цифровых прав. Это позволяет в полной мере рассматривать такие вещи, как баллы в виртуальных казино, цифровые валюты, интернет-деньги как вещи и включать их в имущественный оборот на основе норм права, а не только на основе сложившейся экономической практики. Виртуальное имущество, существующее только в «цифровом формате» обладает экономической ценностью. Это относится к криптовалюте, а также к фишкам в виртуальных казино и даже объектам в онлайн-играх. Например, известны случаи продажи игровых артефактов,

которые заработали участники онлайн-игры за крайне высокую стоимость, при том, что в реальности виртуальных вещей, фактически, не существует, однако они могут незаконно перейти в незаконное чужое владение. Интересно, что в УК РФ на современном этапе не предусмотрен такой состав, как кража компьютерной информации, имеющей экономическую ценность, например, кража криптовалюты или денежных средств с электронного кошелька (Яндекс-деньги, Qiwi и др.). При мошенничестве в области компьютерной информации в большей степени можно говорить о том, что различные электронные и цифровые средства используются как средство совершения преступления.

Современная технология машиночитаемого права позволяет создавать отдельные вещи — к примеру, генерирующие криптовалюту майнинговые фермы используют технологии распознавания и генерации цифровых алгоритмов. В процессе их деятельности возникают новые вещи — «деньги» криптовалюты, которые могут быть украдены, как и иное «материальное» имущество. В связи с этим в практике сегодня актуально правовое регулирование криптовалют — как их создание, так и фиксации прав на них в случае перевода случайно на некорректный счет или в случае кражи таких криптовалют, которые, по своей правовой сущности, представляют собой цифровые данные. Технологии машиночитаемого права позволяют зафиксировать права владельца криптовалюты, и в дальнейшем обеспечить доказывание его права на вещь (определенную сумму криптовалюты), в случае ее кражи или неправомерной передачи другим лицам, в рамках расследования уголовных преступлений.

Достаточно сложной является и квалификация преступлений более высокого уровня общественной опасности, совершаемых с использованием компьютерной информации, посредством сети Интернет. Так например, ч. 1 ст. 205.2 УК РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к террористической деятельности. Публичным призывом считается в случае, если информация распространена на двух и более лиц, через СМИ и социальные сети. Однако в процессе квалификации не учитывается такой фактор общественной опасности, как то, является ли субъект преступления публичной, медийной, влиятельной личностью, или никому не известным лицом. Безусловно, в первом случае общественная опасность преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.2 УК РФ будет значительно выше.

Отдельные квалифицирующие признаки при совершении преступлений с использованием социальных сетей достаточно сложно определимы в судебной практике. Так, в одном из приговоров по ст. 345.1 УК РФ [8] подсудимый признан виновным по части 1 соответствующей статьи, несмотря на то, что разместил сведения об одобрении деятельности воинских подразделений фашисткой Германии, известных, как «СС» на своей странице в социальной сети «ВКонтакте». Данные действия охватываются п. «в» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ: «с использованием средств массовой инфор-

мации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»». Дополнительно в рамках дела действия подсудимого признаны охватываемыми составом ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти, вражды в отношении социальной группы). В другом приговоре подсудимый признан виновным по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ за размещение в социальной сети «Вконтакте» материалов, свидетельствующих об одобрении со стороны подсудимого геноцида еврейского народа, инициированного А. Гитлером [9]. При этом, несмотря на многочисленные

негативные высказывания о еврейском народе как в период фашистской Германии, так и в современное подсудимому время, его действия дополнительной квалификации по ст. 282 УК РФ не получили, что представляется упущением.

Таким образом, современное уголовное законодательство нуждается в изменениях и дополнениях в части детализации имеющихся составов преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета <https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // СПС Консультант Плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/2ba2a1c7f4543c624328bd19c1c703a7056a3b2f/
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2012 N 207-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138322/
4. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» СПС Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/
5. Сарычев, А. В., Архипцев И. Н. Современное состояние раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий // Проблемы правоохранительной деятельности, №. 1, 2020, с. 36-41.
6. Тарчоков, Б. А., Хитиева А. Ж. Преступления в сфере компьютерной информации: виды и способы совершения // Журнал прикладных исследований, Т. 6, №. 6, 2021, с. 585-589.
7. Шаталов, А. С. Феноменология преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий // Право. Журнал Высшей школы экономики, №. 2, 2018, с. 68-83.
8. Приговор № 1-25/2015 от 30 октября 2015 г. по делу № 1-25/2015 Верховный Суд Республики Крым (Республика Крым) // Суд акт URL: <https://sudact.ru/regular/doc/08z2gDCui9rR/>
9. Приговор № 1-34/2016 от 27 декабря 2016 г. по делу № 1-34/2016 Верховный Суд Республики Бурятия (Республика Бурятия) // Суд акт URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QrZrRA74EU1q/>

Правовая природа объектов цифрового искусства (digital art)

Горбачева Екатерина Олеговна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье предметом исследования являются объекты цифрового искусства как новый, перспективный вид «нетипичных» произведений, созданных с помощью компьютерных программ и цифровых технологий. В статье были проанализированы концепции о представлении объектов цифрового искусства в качестве производных произведений, а также концепция, согласно которой объекты цифрового искусства являются мультимедийным продуктом. Вкладом автора в исследования является анализ правовой природы объектов цифрового искусства, исследование критериев их охраноспособности, выявление юридической специфики рассматриваемых объектов.

Ключевые слова: цифровое искусство, объекты digital art, концепции, мультимедиа, правовая природа, охраноспособность, творческий вклад, сложный объект, цифровизация.

Современные технологии все больше проникают в нашу жизнь и пронизывают все сферы жизнедеятельности человека, исключением не стало и искусство. Сейчас все

больше произведений создается с помощью цифровых и компьютерных технологий, в связи с этим возникает проблема правового регулирования подобных «нетради-

ционных» объектов, созданных человеком лишь посредством использования цифровых инструментов и средств.

В законодательстве отсутствует определение понятия «цифровое искусство» (digital art), но изучив соответствующую доктрину и практику применения можно сформулировать следующее определение: цифровое искусство (digital art) — это мультимедийный продукт, представляющий собой направление в медиаискусстве, создаваемый с помощью компьютерных программ, цифровых технологий, современных технических устройств, результатом являются художественные произведения в цифровой форме. К формам «цифрового искусства» можно отнести: цифровую живопись и иллюстрации, 3D-графику, анимацию, интерактивные инсталляции и многое другое.

Главной чертой цифрового искусства является их форма. Согласно п. 3 ст. 1259 ГК РФ произведения могут быть выражены в любой объективной форме, в том числе в письменной, устной, в форме изображения, звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме. Но в данном перечне не названа цифровая форма, поэтому возникает вопрос: стоит ли вносить изменения в ст. 1259 ГК РФ и добавлять новую объективную форму или же выделить произведения в цифровой форме в самостоятельную группу цифровых произведений?

Объекты в цифровой форме имеют особые признаки: 1) не зависят от внешних носителей, так хранение возможно как на физическом носителе (диск, флешка), так и на виртуальном (облачное хранилище, сайт и т.д.); 2) распространяются в сети Интернет, что обеспечивает доступ сразу большого количества пользователей; 3) являются сложными объектами; 4) особенный способ создания посредством использования компьютерных технологий, но обязателен творческий вклад создателя.

Правовая природа объектов цифрового искусства неоднозначна, одна из концепций заключается в представлении объектов digital art в качестве производных произведений, а именно поскольку они являются произведениями искусства, созданными с помощью технических средств, то есть они созданы автором (художником) посредством использования программ для ЭВМ, которые в свою очередь согласно ГК РФ приравниваются к литературным произведениям. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что объекты digital art являются производными произведениями (ст. 1260 ГК РФ), но в данном случае программа для ЭВМ является основой для создания объекта цифрового искусства, она предоставляет необходимые средства и инструменты (цветовая палитра, фильтры, ретушь, линии, кисти и т.д.) и только за счет их использования получается новый и уникальный объект, то есть происходит создание одного произведения на основе использования другого уже существующего произведения. Но более правильной является концепция, согласно которой объекты цифрового искусства являются мультимедийным продуктом [1, с. 21], то есть представляет собой сложный объект, включающий в себя одновременно несколько самостоятельных результатов интеллектуальной деятельности, которые охра-

няются законом. Так, например, цифровое произведение может представлять собой цифровое 3D-изображение с оригинальными, индивидуальными персонажами, каждый из которых получит правовую охрану (п. 7 ст. 1259 ГК РФ) и является полноценным творческим произведением, с использованием музыкального сопровождения, графики и все это создается в цифровой форме с использованием программы для ЭВМ и базы данных.

Мультимедиа рассматриваются как информационное содержание, которое транслируется в разных форматах (видео, аудио, анимированная компьютерная графика и т.д.), также возможно применение интерактивного взаимодействия с графической информацией, применения VR и AR технологий. Исходя из вышеизложенного становится понятно, что мультимедийные объекты являются многослойными и многоэлементными произведениями, сочетающие в себе разные результаты творческого труда автора и различные варианты их проекции во внешний мир, таким образом выделяется мультимедийная форма объектов авторского права в цифровой среде, объединяющая в себе статичные объекты в виде текста и графики, а также динамичные в форме музыки, видеоряда, анимации и т.д.

Для объектов цифрового искусства помимо характерной для них формы выражения при помощи компьютерных технологий важен ещё и способ их распространения, а именно размещение их в сети Интернет, зачастую такой способ размещения преследует не только удовлетворение духовных целей создателя, но и желание извлечь коммерческую выгоду, используя цифровые произведения для рекламы товаров/услуг, вовлекая их в реализацию полномасштабных медиа-проектов и многое другое.

Объект цифрового искусства имеет особую правовую природу и известные гражданскому праву критерии охраноспособности в недостаточной мере способны охватить весь объем и подчеркнуть всю специфику данного объекта, а значит и обеспечить полную их охрану.

Все результаты интеллектуальной деятельности должны быть выражены вовне в любой объективной форме. Цифровая форма также является способом объективизации задуманной автором идеи, образа. Также существует возможность повторно воспроизвести произведение, создать копию оригинала и перенести её, к примеру, на другую платформу или использовать в коммерческих целях для оформления сайтов.

Частым примером дискуссии становится критерий наличия творческого вклада автора (художника) в цифровых произведениях. Поскольку под творческим трудом понимается любая самостоятельная интеллектуальная (умственная) деятельность автора, то проанализировав роль и участие автора в процессе создания цифровых произведений становится понятно, что творческая составляющая является значительной и проявляется в создании и реализации замысла автора относительно образов персонажей, выбора и настройки цветовой гаммы, обозначения границ и линий, расположения элементов и композиции и т.д. Но тут встает вопрос о степени самостоятельности

авторского труда, поскольку цифровое произведение создается при помощи технических средств и на основе заданного алгоритма, выставленных настроек и параметров программа способна сама создавать произведения.

Технологии не стоят на месте и сейчас существует нейросети, которые способны к творчеству, обучены рисованию, могут генерировать текстовую информацию и т. д. Так, искусственный интеллект способен одной своей частью рисовать графические иллюстрации, а другой контролировать данный процесс, внося при этом изменения для создания эффекта реалистичности. Цымбалова Я. Ю. различает два типа программ: одни используются человеком лишь в качестве технического инструмента для создания своего произведения с целью облегчения работы, достижения определенного эффекта, фактуры, объема и т. п., а другие программы способны самостоятельно генерировать и создавать графические изображения, анимационные произведения, видеоконтент без творческого вклада автора, человек в данном случае будет выступать в качестве пользователя, наблюдателя [2, с. 622-623]. Поэтому правовую охрану должны получить только те цифровые произведения, в которых роль автора была существенна, и он вносил в произведение свой интеллектуальный, творческий вклад, а программа играла только вспомогательную роль в виде технического инструмента.

В связи с этим перечень критериев охраноспособности относительно объектов цифрового искусства необходимо дополнить таким критерием как механизм создания, отражающая конкретный способ создания, использованные

компьютерные средства/инструменты и роль человека в данном процессе.

Поскольку произведение цифрового искусства является сложным объектом, то и при определении субъектного состава можно обнаружить сразу два субъекта: автора цифрового произведения и автора/разработчика программы для ЭВМ, благодаря цифровым инструментам которой произведение было создано. После того как объект digital art был произведен на основе определенной программы и в дальнейшем размещен в сети Интернет на сайте, цифровой платформе, то необходимо оставлять ссылку или указывать название программы с помощью которой было создано то или иное произведение цифровой живописи, графики, анимации, фотографии и т. д., так авторские права будут соблюдаться в отношении двух авторов.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что активная «цифровизация» общества способствует появлению новых результатов интеллектуальной деятельности, которые требуют отдельного, более детально правового регулирования и поэтому возникает необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство. Для того, чтобы объекты, созданные современными компьютерными технологиями и программами подлежали охране авторским правом и отсутствовали споры среди правоприменителей нужно юридически закрепить в ст. 1259 ГК РФ отдельную группу произведений цифрового искусства, созданные с помощью технических средств и компьютерных программ.

Литература:

1. Котенко, Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: Автореф. Дис....канд. юрид. наук/МГЮА им. Кутафина М., 2012. 26 с.
2. Цымбалова, Я. Ю. Интеллектуальные права: Сборник работ выпускников Российской школы частного права, посвященный 90-летию со дня рождения Виктора Абрамовича Дозорцева/Сост. и отв. Ред. Е. А. Павлова и М. В. Радецкая. — Москва: Статут, 2020. (ст. «Авторское право на произведения, созданные компьютерными программами». с. 622-623).

К вопросу об истории возникновения коррупции в России

Гуцан Диана Валерьевна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье исследуется исторический аспект возникновения и развития коррупции в России. Представлены различные подходы к периодизации возникновения и развития взяточничества и коррупции. Проведен анализ форм борьбы с данным негативным явлением в различные периоды развития российского общества и государства.

Ключевые слова: взятка, коррупция, законодательство об ответственности, борьба с коррупцией, государственная служба.

Методология исследования: историко-правовой анализ научной литературы и практического отечественного опыта по заданной проблеме.

Метод исследования: историко-генетический. Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет коррупцию как «моральное разложение должностных

лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами» [15]. Данное негативное явление пронизывает все сферы общества, его институты и ведет к многочисленным нежелательным последствиям, деформирует экономические отношения, ломает политическую систему, духовно-нравственные ценности и в целом угрожает национальной безопасности страны.

Исследования исторического прошлого любого явления или процесса позволяют лучше понять условия и предпосылки произошедшего, соотнести их с соответствующей тому времени и современной социально-экономической и исторической ситуациями и, исходя из этого, сделать объективные выводы и дать более точные прогнозы развития явления или процесса в будущем. Данные знания помогут избежать ошибок, допущенных в прошлом и использовать наработанный опыт в современной практической борьбе с коррупцией. Таким образом, исследование истории возникновения и развития коррупции сохраняет актуальность на любом этапе развития общества и государства.

История возникновения коррупции в России восходит к истокам возникновения общества и становления государства как управленческой машины. Первые упоминания историки относят к периоду существования Древней Руси. В научной литературе по данной проблематике представлены различные варианты периодизации истории коррупции в России. Общепринятой является периодизация, предложенная исследователями Басецким И. И. и Башаном А. В.:

- 1) древний (развитие ранней государственности в российских княжествах и Российской империи IX-XV вв.);
- 2) дореформенный и пореформенный периоды (XVI-XIX вв.);
- 3) советский период (большая часть XX в. — 1917-1991 гг.);
- 4) постсоветский период (с 1992 г. по настоящее время) [14].

Традиции общества Древней Руси в период становления государственности легли в основу появления такого понятия, как «кормление». Связано это с тем, что государственные служащие того времени не получали жалованье от власти, а содержались исключительно за счет населения по нормам, установленным главой государства. Представители князя объезжали подданных и собирали дары и подношения. Часть собранного сдавалась в казну государства, часть оставалась у воевод и наместников. Таким образом, «кормление» было узаконенным взяточничеством. Однако, уже в то время проявлялись факты корыстного поведения служивых людей в виде взяток и иных злоупотреблений, на что государство начинало уже тогда предпринимать ограничительные меры и устанавливать нормы. Так, в Русской Правде был обнародован список должностных лиц и установлены определенные нормы повинности за злоупотребления.

К XV веку нарушения и злоупотребления приобрели характер системы и в 1555-1556 гг. «кормления» официально были отменены, однако традиция обогащаться за счет подарков и подношений прочно укрепилась в менталитете населения и продолжает существовать в настоящее время. В то же время появились такие понятия как «мздоимство» и «лихоимство». «Мздоимство» подразумевало выполнение чиновником за плату какого-либо действия, входящего в его должностные обязанности и не нарушающего закон, в то время как «лихоимство» заключалось в выполнении за плату противозаконных действий. И если мздоимство не считалось противозаконным, то с лихоимством государство пыталось бороться.

Первые попытки пресечения распространения коррупции были предприняты Иваном III: судьям было запрещено брать взятки (посулы). Тех, кто нарушал запрет, жестоко наказывали. В 1561 году его внук Иван IV (Грозный) ввел Судную грамоту, устанавливающую за взятки смертную казнь [12, с. 89]. Как форма коррупции взяточничество было отражено в Судебнике 1497 года, однако более детально коррупция рассматривается в Судебнике 1550 года. В данном Судебнике впервые введено понятие должностного преступления судей, как вынесения неправильного решения в результате получения взятки.

Уголовным правом в тот период сделан заметный шаг в борьбе с коррупцией: в Соборном Уложении 1649 года впервые введена классификация преступлений и были предусмотрены более жесткие наказания за коррупционные преступления, такие, как сокрытие пошлин при регистрации дел, притеснение населения, подлог при переписке судебного дела и др. [8, с. 57].

В период XVII-XVIII вв. коррупция в стране достигла больших размахов [3, с. 46]. Следует отметить, что уже в то время поиски мотивов и причин столь масштабного распространения взяточничества привели к выводу о крайне низком жаловании чиновников, однако попытки решить данную проблему к желаемым результатам не привели.

Активным борцом с коррупцией в системе государственного управления выступил Петр I, увидевший в этом явлении серьезную угрозу для государства и общества. Для борьбы с этим злом Петр I в декабре 1714 г. своим указом ужесточил наказания за злоупотребления чиновниками своим положением путем введения смертной казни не только за получение, но и за дачу взятки, ввел уголовную ответственность за пособничество, а также за недонесение о совершении корыстных преступлений. В исследованиях Ключевского В. О. приведена норма, применяемая во времена правления Петра I: «...кто украдет у казны лишь столько, чтобы купить веревку, будет на ней повешен» [5].

Петром I был введен «Табель о рангах», утверждающий новую систему градации государственных служащих, и введена фиксированная сумма денежного довольствия для чиновников. Сделано это в целях искоренения взяточничества, однако, скромное жалованье, в особенности

для низших чинов, выплачивалось нерегулярно, государственный аппарат разрастался и взяточничество продолжало процветать [4, с. 397].

Только при Екатерине II было введено твердое жалованье для чиновников всех уровней, которое выплачивалось постоянно. Проблему взяточничества, в частности, среди судей, императрица предлагала решать следующим образом: «Все судебные места наполнить достойными в знании и честными людьми; а чтоб прямо таковых иметь, но необходимо нужно дать им к безбедному пропитанию по мере каждого довольное жалованье» [7, с. 458]. Екатерина издала манифест о судах, к манифесту прилагался реестр должностей и жалованья, которое было существенно повышено. Это должно было решить проблему не только в суде, но и в других областях государственной службы. В этот период все приношения и подарки от населения государственным чинам были отменены, ознаменовав окончание законного статуса взяточничества. Однако данные меры не позволили истребить коррупцию в одночасье. Интересные факты о борьбе с коррупцией во времена Екатерины II приведены в исследованиях В. А. Коновалова: «...в 1766 году особым указом было вынесено наказание 39 чиновникам Белгородской губернии, «оказавшихся в преступлениях»: во взятках «от неуказного винного курия» в размерах 1.315 рублей за три года был признан виновным губернатор князь Григорий Шаховской; он был сослан в деревню на четыре года, с вечным запретом на въезд в Белгородскую губернию, оштрафован на сумму, вдвое превышающую полученную, в пользу сиротского дома [11]. Другие чиновники были наказаны различным образом: штрафами, лишением на время чинов. При этом мнение Сената о наказании было более строгим, императрица же своим решением его смягчала» [7, с. 61-68]. Таким образом, в период правления Екатерины II взяточничество продолжило расцветать и распространяться еще и потому, что ведущим принципом в борьбе с коррупцией стало не ужесточение наказания, а его неотвратимость. Чиновники жили в постоянном страхе, но продолжали воровать и лихоимствовать.

В XIX веке ситуация с коррупцией в стране принципиально не претерпела изменений вплоть до революции 1917 года. Ответственность за злоимство и лихоимство устанавливалась Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), в котором была специальная глава. Наказание за данные деяния выражалось в денежном взыскании, превышающем сумму взятки вдвое. Очевидно, что данный фактор позволил злоупотреблять чиновникам практически всех рангов своим положением и всякие попытки борьбы с коррупцией были безрезультатными.

Октябрьская революция 1917 года привела к смене государственного строя и формы правления Российским государством, в котором взятка рассматривалась как наследие «прогнившего» режима, и бороться со взяточничеством необходимо в рамках общей стратегии борьбы с частной собственностью с позиций классового подхода. Термин «коррупция» в советском праве не использовался.

Применялись такие понятия, как «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство». Но отсутствие термина не означало отсутствие самого явления. Несмотря на то, что в числе первых советских документов был издан Декрет СНК «О взяточничестве» от 8 мая 1918 года, предусматривающий такие виды наказания, как лишение свободы на срок не менее пяти лет с принудительными работами на тот же срок, конфискацию имущества и др., полностью коррупцию в молодом советском государстве искоренить не удалось. [7, с. 74].

А. Н. Симоненко в своих исследованиях приводит данные о должностных преступлениях в Москве и Московской губернии: только в Москве в 1919-1922 гг. дела о должностных преступлениях и взяточничестве составили 10% дел, рассмотренных судами. Согласно данным исследователей, с 1928 по 1932 год количество осужденных за должностные преступления увеличилось в 5 раз [13].

В период правления И. В. Сталина и Н. С. Хрущева в социальной структуре общества образовался, развился и укрепился новый слой — номенклатура, представители которой были практически недостижимы для правосудия и не особо боялись наказаний, в то время как меры за коррупцию были ужесточены вплоть до расстрела [3, с. 46]. С появлением номенклатуры коррупция на государственной службе не только не была искоренена, но и дополнилась новыми видами. Так, попытки предпринимательской деятельности реализовывались через подкуп сотрудников госаппарата; создавались элитные магазины для номенклатуры, куда доступ простым гражданам был невозможен; принцип «самоснабжения» позволял работнику номенклатуры получать массу дополнительных льгот и привилегий. Считалось, что в советском государстве причины для коррупции отсутствуют, а случаи проявления взяточничества — результат недоработок в воспитательной работе. Однако, несмотря на громкие дела того времени («ленинградское», «московское», «менгфельдское» в 1940-1950 гг.), раннесоветский период отличался высоким уровнем контроля со стороны правоохранительных органов за коррупционными явлениями в стране.

Со второй половины 60-х до конца 80-х гг. взяточничество в стране стремительно развивалось. «В 1980 году было выявлено более 6000 случаев, что составило на 50% больше, чем в 1975 г. [6]. В. А. Коновалов в своих исследованиях отмечает, что именно в этот период «появились первые организованные коррумпируемые группы: в частности, группа в Минрыбхозе СССР во главе с заместителем министра насчитывала более 100 человек» [7, с. 77]. В конце 1980-х гг. термин «коррупция» получил широкое употребление. В органах власти процветало кумовство, многие распоряжались государственной собственностью, как личной, круг преступлений расширился: подтасовка плановых заданий, сокрытие махинаций, назначение на важные должности нужных людей, продажа дефицитной продукции и т. д. Нередко дела по взяточничеству, если они касались высоких чиновников, сворачивались.

Широкомасштабная борьба со взяточничеством в торговле и промышленности проводилась под руководством Ю.А. Андропова. В тот период была проведена «чистка» коррумпированных элементов в Грузинской и Азербайджанской ССР; в уголовный Кодекс были введены новые виды наказаний — отказ в праве занимать некоторые должности и вести определенную деятельность.

Распространение и развитие коррупции в СССР, а также безуспешная борьба с этим явлением стали одними из основных причин, приведших к распаду страны. Распад СССР и становление новой государственности проходили в крайне сложных, порой экстремальных социально-экономических условиях. На фоне борьбы за власть и бездействия правоохранительных органов происходила криминализация общества. Рост коррупции в эти годы был обусловлен не только приватизацией, из которой огромную выгоду получили близкие к органам власти чины, но и безработицей, невыплатой зарплат, ростом бюрократического аппарата, сращиванием криминала с властью. Высокий уровень коррумпированности власти привел к необходимости развития нормативно-правовой базы по противодействию коррупции. С 1992 г. принят ряд указов Президента России: «Указ Президента России от 4 апреля 1992 года № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», Указ от 8 апреля 1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продуктов для государственных нужд». Появились законодательные акты, посвященные коррупции в таможенной службе, МВД, ГАИ. В 2003 году создан национальный антикоррупционный комитет — Совет при Президенте России по борьбе с коррупцией. В 2006 году Государственная Дума ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, а также Конвенцию Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию». Несмотря на принятие перечисленных нормативно-правовых актов, этого было недостаточно: стремительный переход к новой экономической системе, недостаточный централизованный контроль, неразвитость системы правового обеспечения привели к тотальной многоуровневой коррумпированности в стране.

Соответствующее законодательство по борьбе с коррупцией стало формироваться только со второго десятилетия XXI века. Так, особое внимание стало уделяться

декларированию чиновниками доходов своих и близких родственников; наряду с контролем над доходами государство стало вести контроль над расходами и крупными приобретениями чиновников, руководителей госкомпаний и их родственников. Введен ряд запретов, в том числе запрет для государственных служащих заниматься предпринимательской деятельностью и принимать участие в управлении хозяйствующими субъектами. Появилось право изъятия имущества по требованию прокуратуры и решению суда, если оно было приобретено путем незаконного обогащения [2].

В настоящее время в Российской Федерации разработана значительная правовая база, созданы различные организационные структуры, занимающиеся вопросами противодействия коррупции. Большую роль играют общественные институты, представляющие гражданское общество, сотрудничающие с публичной властью. По данным международной неправительственной организации Transparency International, Россия по индексу восприятия коррупции поднялась с 154 строки в 2010 году до 136 в 2021 году (согласно методике подсчета, чем выше позиция, тем лучше показатель).

Вместе с тем, следует отметить, что многие положения из указов Президента России и других нормативно-правовых актов до сих пор не получили полноценную реализацию. Население все чаще демонстрирует уверенность в коррумпированности органов государственной власти, проявляя к ней недоверие.

Таким образом, в настоящее время, как и на протяжении всей истории России, коррупция продолжает оставаться наиболее распространенным негативным явлением, особенно четко проявляющимся во времена государственных реформ. Анализ истории развития коррупции показал, что одними карательными мерами, т.е. борьбой с последствиями, невозможно добиться положительных результатов. Важна масштабная профилактика, устранение причин, порождающих условия для коррупции. С учетом многоплановости и широкомасштабности данного феномена подходить к решению проблемы противодействия коррупции необходимо комплексно, учитывая негативный опыт борьбы с коррупцией в Древней Руси, а затем в Российской империи, когда коррупционная деятельность имела недостаточную отрицательную окраску и рассматривалась только в кругах представителей чиновничества.

Литература:

1. Басецкий, И. И. Коррупция: теория и практика противодействия. // Монография. — 2005. Минск.: Академия МВД республики Беларусь. 567 с.
2. Векленко, С. В., Соколов А. Н. Философия права. 2013. № 3 (58). с. 81-90.
3. Григорьева, Т. В. Коррупция в России: история и современность. // Экономика. 2009. № 1 с. 46-50.
4. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 446 с. с. 441-446.
5. Двинская уставная грамота 1397-1398 гг. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. — М.: Юридическая литература, 1985. — Т. 3. — с. 181, 185.

6. Записка Отдела административных органов ЦК КПСС и КПК при ЦК КПСС от 21 мая 1981 г. об усилении борьбы со взяточничеством в 1975-1980 гг.
7. Коновалов, В. А. Коррупция в российской истории и праве // «Белые пятна» российской и мировой истории. — 2014. — № 6. — с. 61-83.
8. Маньков, А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. СПб.: печатное дело, 1212. 218 с.
9. Озерная, М. С. «Российская бюрократия как перпетуум мобиле реформ»/Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. — М., 1995. с. 358.
10. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. — СПб, 1830. — Т. VI, 458 с.
11. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. — СПб, 1830. — Т. VII. — 1136 с.
12. Пономарев, Е. Г. Коррупция в России: истоки и условия преодоления. //Общество и право. 2012.; № 4 с. 174.
13. Симоненко, А. Н. Об истории правового регулирования предупреждения коррупции при исполнении наказаний по российскому законодательству. // Журнал Человек. Преступление и наказание. — 2009. № 3. С. 36-41.

Теоретические и практические вопросы стадии возбуждения уголовного дела

Дубинин Вячеслав Александрович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

Данная статья посвящена анализу стадии возбуждения уголовного дела, её сущности и значению. Основное внимание уделяется вопросу о теоретическом и практическом назначении стадии возбуждения уголовного дела с учетом материалов судебной практики.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, сообщение о преступлении, явка с повинной.

Возбуждение уголовного дела является одной из важнейших стадий уголовного процесса. Именно стадия возбуждения уголовного дела является началом предварительного расследования. Также на данной стадии решается вопрос о преступности или не преступности деяния, поскольку в результате анализа фактически совершенного деяния субъект правоприменения (следователь, дознаватель) делает вывод о том, признаки какого состава преступления содержатся в содеянном. А согласно ст. 8 Уголовного кодекса РФ совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, является основанием возникновения уголовной ответственности.

По итогам квалификации деяния принимается процессуальное решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела.

Таким образом стадия возбуждения уголовного дела в определенном смысле имеет не только процессуальное, но и уголовно-правовое значение.

Согласно данным Генпрокуратуры РФ, число отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с дальнейшим его возбуждением в 2019 г. уменьшилось на 1,9% и составило 162,4 тыс., в 2020 г., наоборот, отмечен рост на 1,6% и количество возбужденных дел, соответственно, составило 165,1 тыс. В 2021 г. процент вновь упал на 6%, и доля возбужденных дел составила 155,1 тыс. А в 2022 вновь наблюдался незначительный на 1,8% (157, 9 тыс.) рост возбужденных уголовных дел по результатам отмены постановлений об отказе [1].

Необходимо отметить, что имеется обширный объем научной и учебной литературы, посвященной анализу стадии возбуждения уголовного дела.

Так, один из основных вопросов, вызывающих массу дискуссий в научной среде, касается самостоятельности или несамостоятельности стадии возбуждения уголовного дела.

Например, В. Ю. Миллер, считая возбуждение уголовного дела самостоятельной стадией уголовного дела, обосновывая её значение тем, что она «выступает необходимой процессуальной гарантией разделения властей и баланса сил компетентных государственных органов в смешанном типе уголовного процесса. Она создает важнейшую гарантию законности уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности. Назначением стадии является и недопущение беспредметного предварительного расследования, то есть бесполезной деятельности уголовной юстиции, приводящей к трате времени и ресурсов» [2, с. 25].

В свою очередь высказываются мнения об исключении из российского уголовно-процессуального законодательства норм, регламентирующих возбуждение уголовного дела и отказ в его возбуждении [3, с. 18-21].

Обращаясь к положениям законодательства, необходимо отметить, что в ч. 1 ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) установлено, что уголовное дело возбуждается при наличии повода и основания. УПК РФ не содержит понятие повода для возбуждения уголовного дела, в ч. 1 ст. 140 приведен лишь исчерпывающий перечень таких поводов.

По своему содержанию повод для возбуждения уголовного дела представляет собой оформленную надлежащим образом информацию, содержащую определенные сведения о наличии признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, поступившую от установленного источника в правоохранительный орган.

Уголовно-процессуальная деятельность начинается не с момента совершения преступления и даже не с момента, когда о преступлении стало известно, а с момента трансформации поступившей в правоохранительные органы информации о преступлении в законный повод для возбуждения уголовного дела.

В главе 19 УПК РФ названы поводы для возбуждения уголовного дела и регламентированы процессуальные требования к ним.

В зависимости от содержания поступившей информации, источника и формы поступления (обнаружения) в УПК РФ содержится следующий перечень поводов для возбуждения уголовного дела:

- заявление о преступлении;
- явка с повинной;
- сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;
- постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании;
- материалы проверки налоговых органов по выявлению признаков преступлений, предусмотренных ст. ст. 198-199.2 УК РФ.

Анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить требования, соблюдение которых обязательно при подаче заявления:

- личное присутствие заявителя;
- удостоверение личности заявителя;
- наличие подписи заявителя в заявлении;
- факт предупреждения заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, подтвержденный его подписью.

Иных предписаний и требований по содержанию заявления УПК РФ не содержит, однако предполагается, что оно должно содержать указание на факт совершения общественно опасного противоправного деяния, запрещенного Уголовным кодексом РФ (либо приготовления к такому деянию).

Литература:

1. Основные результаты прокурорской деятельности за 2019, 2020, 2021, 2022 гг. URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 06.03.2022).
2. Миллер, В. Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника: автореф. дисс... канд. юр. наук. Нижний Новгород. 2019.
3. Гаврилов, Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1.

Понятие явки с повинной дается в п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58. Это добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде [4].

Как отмечается в Определении Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 г. № 2213-О, перечень сообщений о совершенном или готовящемся преступлении, полученных из иных источников, является открытым [5]. При этом подобного рода сообщения согласно ст. 143 УК РФ фиксируются в рапорте об обнаружении признаков преступления.

Необходимо отметить, что до 2019 года существовало противоречие между нормами п. 43 ч. 1 ст. 5 УПК РФ и п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ в части отнесения постановления прокурора к одному из поводов возбуждения уголовного дела. Это противоречие было устранено Федеральным законом от 27.12.2019 г. № 499-ФЗ за счет уточнения определения «сообщение о преступлении», даваемого в п. 43 ч. 1 ст. 43 УПК РФ.

Положения п. 1.3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ о материалах налоговых органов как поводе возбуждения уголовного дела, включенные Федеральным законом от 09.03.2022 г. № 51-ФЗ, это возврат к той модели возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, которая существовала до 2014 года.

Основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Оценивая приведенное положение, следует отметить, что «достаточность» данных — категория субъективная, оценочная, в каждом конкретном случае следователь и дознаватель устанавливают необходимую именно в данной ситуации совокупность признаков конкретного преступления.

Таким образом, в заключении необходимо отметить, что возбуждение уголовного дела одна из тех стадий уголовного процесса, которая вызывает наибольшее количество споров в научной среде. Также зачастую уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела являются предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ. Это обусловлено тем, что с момента возбуждения уголовного дела возникают процессуальные отношения, связанные, в частности, с существенным ограничением прав и свобод граждан, подозреваемых в совершении преступления (применением к ним мер процессуального принуждения).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 г. № 2213-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клишиной Виктории Васильевны на нарушение ее конституционных прав статьей 143 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

Национальные ценности и идеалы как важнейшие составляющие национальной безопасности государства

Зинченко Яна Игоревна, студент

Научный руководитель: Коженко Яна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена анализу значения духовно-нравственных ценностей и идеалов в системе национальной безопасности государства. Анализируются факторы, оказывающие влияние на духовную безопасность России как основу национальной безопасности. Рассматриваются особенности развития нормативно-правовой регламентации в сфере государственной политики по защите традиционных нравственных ценностей. Выявляются проблемы и угрозы в сфере духовной безопасности.

Ключевые слова: традиционные ценности, духовно-нравственные идеалы, деструктивная идеология, ценностные приоритеты, национальная идея, духовная безопасность.

В ходе развития государства и общества все большую значимость обретают вопросы, связанные с духовно-нравственным развитием и духовной безопасностью. Отчасти это происходит в связи с изменениями в социокультурной, социоэкономической и политической сферах. Исторически сложилось так, что основным фактором, восстанавливающим духовный, культурный, нравственный потенциал общества, является не что иное, как восстановление системы духовно-нравственного воспитания. Данный феномен включает в себя базис, нравственные ценности, о которых и пойдет речь в данной статье.

Проанализируем знаменитую фразу Аристотеля: «Природа не терпит пустоты». Смысл высказывания заключается в том, что отсутствие постоянного совершенствования и применения, как основополагающего фактора, духовно-нравственного воспитания, повлечет его спад в развитии — регресс. А этим, в свою очередь, будут пользоваться лица, преследующие корыстные цели и задачи. [1] В связи с этим может возникнуть масса проблем в современном обществе, в числе которых: полное или частичное обесценивание издавна сложившихся человеческих ценностей — составляющих нравственности. (доброта, уважение, трудолюбие, крепкая семья, доверие, воспитанность и т. д.); неправильное понимание молодежью нравственно значимых категорий, восприятие их как развлечений; культ потребления и т. п.

Вопросам духовной безопасности во все времена уделялось особое внимание. Особое внимание вопросам национальных ценностей и их защите уделяли в своих трудах А. В. Опалев, В. К. Сенчагов, С. В. Петров, В. А. Ма-

кашев, Саидов А. Х., Кашинская Л. Ф., Гольяпина И. Ю., Жаглин А. В. и многие другие. Однако, в связи с регулярно изменяющейся законодательной базой и нестабильной геополитической обстановкой, данная тема не перестанет быть актуальной и в настоящее время.

Двадцать первый век можно смело считать переломным этапом в определении приоритетов в сфере образования и воспитания молодежи. Распространение либеральных ценностей в виде навязчивой деструктивной идеологии приводит к пагубным социальным процессам, которые негативно сказываются и отражаются на национальной безопасности [2].

Либеральная деструктивная идеология формирует у населения преимущественно потребительское понимание жизненного процесса, отказ от традиционных ценностей, формирует стремление к узкой специализации, проецирует отсутствие нравственных корней в поведенческой деятельности, формирует запрос на разрушение семьи в традиционном ее понимании, обесценивании материнства и детства. К числу наиболее опасных тенденций (представляющих угрозу духовной безопасности), доминирующих в современном обществе, относятся: настрой граждан только лишь на материальное благополучие, неограниченное богатство, стремительный карьерный рост с игнорированием при этом духовной составляющей; потеря интереса у молодежи к семейным ценностям, игнорирование устоявшейся тенденции уважения к родителям; утрата многими людьми традиционных представлений о совести, чести, личном достоинстве, цели и смысла жизни, веры в будущее; снижение в целом понимания понятий, связанных с нравственностью, необходимостью

соблюдения этических принципов и норм поведения, обращения с другими людьми.

В настоящее время духовно-нравственный кризис считается максимально актуальной и глобальной проблемой, следствием которой становится подрыв не только духовного уровня развития страны, но и национальной безопасности в целом. Еще Наполеон Бонапарт говорил: «Упадок нравов — это гибель государства как политического целого». [3] Именно наличие сформированной и устоявшейся системы нравственных ориентиров позволит решать масштабные национальные задачи государства.

О необходимости реанимации масштабного восстановления духовно-нравственных ценностей и традиций России неоднократно в своих выступлениях указывал Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, — дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение». Все это позволит решить задачи модернизации государства.

9 ноября 2022 года президент своим указом утвердил основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. Документ определяет цели, задачи, а также инструменты по защите государством этих ценностей. Так, под традиционными ценностями сегодня понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны. Считаем целесообразным согласиться с В. В. Путиным в том, что ситуация в мире требует мер защиты традиционных ценностей, поскольку они являются основой российского общества. В документе сказано, что угроза традиционным ценностям исходит от деятельности террористических и экстремистских организаций, а также от деятельности США и других недружественных стран. В этой связи, среди серьезных угроз духовной безопасности выделяется деструктивное идеологическое воздействие оказываемое на россиян (в том числе пропаганда нетрадиционных отношений, которая угрожает демографии, но органично вписывается в сервисную архитектуру либеральных систем государственного управления) [4].

Формирование образа России, как государства, которое хранит и защищает традиционные общечеловеческие ценности, является одной из целей российской государственной политики. Кроме того, считаем важным отметить в данной связи роль Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. К ранее существовавшим ценностям была добавлена необходимость воспитания человеколюбия, воли, справед-

ливости, совести, стремления к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством. Анализ названной Стратегии позволяет выразить ее основную идею — приоритет духовного над материальным. В документе также указывается, что одной из стратегических целей обеспечения национальной безопасности является «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности». [5]

Таким образом, основной причиной проблем современного общества является бездуховность. Печально, что в настоящее время мы с восторгом вспоминаем, изучаем и гордимся в основном гениями и героями прошлого. Сегодня в СМИ практически невозможно увидеть людей, на которых прежде равнялась вся страна — ученых, космонавтов, инженеров, писателей, сельских тружеников, офицеров. Напротив, наблюдается насаждение правового нигилизма, вседозволенности, культ насилия и морального уродства. Как следствие — увеличение числа сирот, обесценивание института семьи и брака, частые случаи самоубийства, аборт, криминала, коррупции, насилия и т. д. Малая часть вышеперечисленных феноменов — результат духовного кризиса, разрушения традиционных ценностей. Исходя из изложенного можно сделать вывод, что фундаментом социальной справедливости в обществе, а вместе с ней, нравственности и духовности, служат адекватные границы личного потребления для каждого гражданина в государстве. Как неотъемлемое, сюда же относится: существование надежной системы медицинского обеспечения и качественного образования. Причем, важно отсутствие деления людей в данной связи на уровни материальной обеспеченности, зависимость от места жительства и профессии и т. д. Вся политическая деятельность на всех уровнях в стране должна быть мысленно и в практических действиях четко направлена на достижение реальной и справедливой социальной системы [6].

Мировой опыт демонстрирует, что ставка государства в XXI в. только на экономическую мощь и военное превосходство все в большей мере показывает свою ошибочность и бесперспективность. Ведь основной работающий метод в данной связи, главный инструмент воздействия, который способен в значительной мере остановить процесс дальнейшего раскола цивилизаций, сблизить народы и страны, отличающиеся самыми различными политическими, религиозными, социальными убеждениями — нравственные, духовные ценности и приоритеты. Следовательно, необходимо сосредоточение внимания государства и общества на духовно-нравственном развитии нашего народа, защиты населения страны от развивающейся в мире русофобии. Считаем, что духовная безопасность представляет собой ядро национальной безопасности России, требующая объединения общественных и государственных институтов, ресурсов и средств в противостоянии деструктивной либеральной идеологии.

Литература:

1. Зеленков, М. Ю. Основы теории национальной безопасности. — М.: 2015. — с. 232-233.
2. Мордовцев, А. Ю., Апольский Е. А. Советское право в национальной правовой истории: преемственность и новизна // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. — С. 48-55.
3. Бонапарт, Н. Путь к империи // М. Терещина. — М.: ЭКСМО, 2014. — С. 320-322.
4. Мельников, В. Ю. Теория правовой нравственности // Российский судья. 2020. № 1. — С. 34-39.
5. Ирошников, Д. В. Система национальной безопасности в действующем законодательстве Российской Федерации // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. № 4 (20). — С. 43-47.
6. Коженко, Я. В., Лихолетова Н. В. Особенности развития и трансформации некоммерческих организаций как социально-экономического и политического инструмента моделирования сервисной архитектуры государственного управления в XXI веке // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 6 (186). — с. 56-61.

Некоторые аспекты осуществления наследственных прав несовершеннолетними

Каблахова Алина Мухадиновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бекирова Фатима Султановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

Статья посвящена некоторым аспектам осуществления наследственных прав несовершеннолетними. В данной статье дается общая характеристика осуществления наследственных прав несовершеннолетними, рассматриваются способы осуществления наследственных прав несовершеннолетними в гражданском и семейном законодательстве.

Ключевые слова: несовершеннолетний, проблемы осуществления наследственных прав, завещание, органы опеки и попечительства, обязательная доля в наследстве.

На сегодняшний день важное значение для всего гражданского общества имеют проблемы правового просвещения несовершеннолетних, от того, насколько они точно и беспрекословно будут соблюдать и применять законы. В современном законодательстве наряду с уже проработанными вопросами общего статуса несовершеннолетних, существуют явные проблемы с определением его правосубъектности в определенных видах правоотношений, одним из таких видов правоотношений являются наследственные правоотношения.

Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без их попечения [1].

Право наследования гарантируется частью 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации, что обеспечивает переход имущества наследодателя к другим лицам в порядке, определяемом гражданским законодательством [2].

Осуществление наследственных прав несовершеннолетних характеризуется следующими особенностями: только в определенных наследственных правоотношениях ребенок может участвовать самостоятельно; наряду с ребенком в правоотношениях, связанных с наследством, принимают участие законные представители ребенка (родители, опекуны, попечители и другие).

Кроме того, несовершеннолетние дети умершего гражданина имеют право на обязательную долю в наследстве. Это право имеют не только родные, но и усыновленные несовершеннолетние или нетрудоспособные дети (п. 1 ст. 1147, п. 1 ст. 1149 ГК РФ). Ребенок является обязательным участником наследственных правоотношений, несмотря на ограничение его недееспособности. Статья 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что дети входят в категорию «обязательных наследников», то есть вне зависимости от наличия и содержания завещания, доля, которая должна принадлежать ребенку по закону, будет унаследована им в любом случае [3].

Одним из оснований осуществления наследственных правоотношений является завещание. Несмотря на различия, существующие между такими основаниями, цивилистика предусматривает возможность для наследника, заключающуюся в его вступление в наследство как по одному, так и по нескольким (и даже всем) основаниям.

Завещание как одно из оснований наследования представляет собой распоряжение наследодателя, который здесь становится завещателем, относящееся к переходу права собственности принадлежащего ему имущества после своей смерти, а также возложение на наследника обязанности по совершению определенного действия, не противоречащего закону. Разновидностями завещания мы можем назвать закрытое завещание, совместное завещание супругов, а также завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах, для которого характерна более

простая процедура приобретения юридической силы. В любом случае, завещатель всегда обладает правом выбора наследника/наследников, а также лиц, кто не будет наследовать его имущество [4].

Имеет особенности и порядок принятия наследства несовершеннолетними. Так, пунктом 5 статьи 333.38 Налогового кодекса Российской Федерации установлено, что наследники, не достигшие совершеннолетия ко дню открытия наследства, освобождаются от уплаты государственной пошлины при получении свидетельства о праве на наследство во всех случаях независимо от вида наследственного имущества [5].

В целом следует отметить, что права несовершеннолетних детей как наследников детально урегулированы в российском законодательстве. Это связано с необходимостью эффективной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в достаточно сложной процедуре перехода имущества от умершего лица к его наследникам [6].

Несовершеннолетний наследник в возрасте от 14 лет и ограниченно дееспособный наследник может отказаться от наследства сам, но необходимо согласие его законного представителя, а он должен получить согласие органа опеки и попечительства на отказ от наследства или на дачу согласия на наследство, на наш взгляд данное обстоятельство является гарантом прав несовершенно-

летнего наследника, так как ребенок, переживший утрату родственника, может в эмоциональном порыве совершить необдуманный поступок, не думая о будущем.

В силу положений статьи 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации наследование осуществляется по завещанию и по закону. Наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием, а также в иных случаях, установленных Гражданским Кодексом РФ.

Наследование по закону осуществляется в общем порядке. В то время как согласно статье 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации завещание может составить только полностью дееспособный на данный момент гражданин. Лица моложе восемнадцати лет могут составить завещание только в том случае, если они признаны эмансипированными или вступившими в брак до достижения совершеннолетия [3].

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что как в теории так и на практике возникает большое количество проблем, связанных с участием несовершеннолетних в отношениях наследственного характера, правовые нормы, регулирующие осуществление наследственных прав ребенка в Российской Федерации, требуют современного осмысления в целях выработки рекомендаций по совершенствованию законодательства в этой сфере.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 N. 1ФКЗ).Режим. доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании». Режим. доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (с изм. от 01.07.2021) Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
4. Гражданское право России. Особенная часть в 2 т. Том 2: учебник для вузов/А.П. Анисимов, М.Ю. Козлова, А.Я. Рыженков, С.А. Чаркин; под общей редакцией А.Я. Рыженкова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М., 2023.
5. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 17.02.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023)
6. Корнеева, И. Л. Наследственное право: учебник и практикум для вузов/И. Л. Корнеева. — 6-е изд., испр. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 282 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15982-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/516905>

Защита частной собственности: проблемы и перспективы развития законодательства

Кононенко Евгений Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Шварц Лариса Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Настоящая статья посвящена исследованию проблем правового регулирования защиты частной собственности и перспективам развития законодательства в данной сфере.

Цель статьи — провести анализ теоретических и практических аспектов защиты права частной собственности с целью определения перспектив развития законодательства.

Автор приходит к выводу о том, что нормы, регулирующие отношения собственности, нуждаются в совершенствовании. В настоящее время требуется комплексный подход к данной проблеме, так как недоработки и пробелы имеются практически во всех законодательных актах. На современном этапе очевидным представляется то, что защита прав человека в целом и его собственности в частности должна являться приоритетной задачей государства, соответственно, законодательные органы должны бросать немалую часть своего потенциала на устранение пробелов в механизме защиты права собственности.

Ключевые слова: право собственности, защита права собственности, развитие законодательства, частная собственность.

Protection of private property: problems and prospects of development of legislation

This article is devoted to the study of the problems of legal regulation of the protection of private property and the prospects for the development of legislation in this area.

The purpose of the article is to analyze the theoretical and practical aspects of the protection of private property rights in order to determine the prospects for the development of legislation.

The author comes to the conclusion that the rules governing property relations need to be improved. Currently, a comprehensive approach to this problem is required, since there are flaws and gaps in almost all legislative acts. At the present stage, it seems obvious that the protection of human rights in general and his property in particular should be a priority task of the state, accordingly, legislative bodies should throw a considerable part of their potential to eliminate gaps in the mechanism of protection of property rights.

Keywords: property right, protection of property rights, development of legislation, private property.

В самом общем виде собственность — это распределение (присвоение) вещей как составляющих элементов материального благополучия общества между отдельными индивидуумами, социальными группами или государством. Российское законодательство сейчас имеет целый ряд недочетов правового регулирования частной собственности, что снижает его эффективность, создает ряд проблем для субъектов, порождает множество судебных споров.

Право собственности, как и любое гражданское право, подлежит защите определенными в законодательстве способами. Под защитой права собственности предлагаем понимать возможность собственника самостоятельно либо при помощи государственных органов осуществлять меры, направленные на обеспечение осуществления правомочий собственника.

Современные направления развития правового регулирования права собственности определены в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [3]. Концепция выделяет следующие направ-

ления развития правового регулирования приобретения и прекращения права собственности в России:

1. Реформирование раздела II ГК «Вещное право». Здесь предполагается выделить подразделы в соответствии с существующими видами вещных прав. Сейчас положения о вещных правах в данном разделе ГК РФ несправедливо отодвигаются на второй план. Положения Концепции основаны на идее создать полноценную и эффективную систему ограниченных вещных прав, которая должна соответствовать потребностям участвующих в гражданском обороте лиц, которые основываются на необходимости удовлетворения их потребностей при помощи вещных прав по пользованию чужим имуществом. В результате указанные изменения должны привести к тому, что указанный раздел ГК РФ обретет более богатое содержание, так как права на чужие вещи будут урегулированы более подробно.

Для реализации данных положений предлагается переименовать второй раздел ГК РФ и назвать его «Вещное право». В нем представляется необходимым выделить следующие разделы:

- Владение,
- Общие положения о вещных правах,
- Право собственности,
- Ограниченные вещные права.

В разделе 3, посвященному праву собственности представляется верным выделить следующие главы:

- общие положения о праве собственности;
- приобретение права собственности;
- прекращение права собственности;
- общая собственность;
- право собственности на земельные участки и иные природные объекты;
- право собственности на здания и сооружения;
- право собственности на жилые и нежилые помещения [3].

2. Совершенствование правил приобретения права собственности. Для совершенствования гражданского законодательства в этом направлении представляется необходимым дополнить положения ГК РФ о приобретении права частной собственности на недвижимость такими нормами, которые бы предусматривали приобретение права собственности на общее имущество в многоквартирном доме. В случае приобретения помещения в многоквартирном доме лицо также становится обладателем доли общего имущества этого дома, а также доли земельного участка, на котором расположен дом, наравне с иными собственниками жилых помещений. Если многоквартирный дом располагается на муниципальной либо государственной земле, то применяется аналогичное правило. Если в момент регистрации права собственности на жилое помещение земельный участок еще не прошел кадастровый учет, то есть является еще не сформированным, то право собственности на долю этого участка будет получено собственником с момента его формирования, то есть с момента постановки земельного участка на кадастровый учет [7, с. 323].

В качестве мер по совершенствованию законодательства следовало бы предложить следующее.

В ГК РФ и иных актах определить, что конфискация может быть осуществлена только по решению суда. Сейчас кроме решения суда закон допускает и иные основания. Это представляется неверным, поскольку противоречит Конституции РФ.

В случае реквизиции представляется верным установить, что стоимость имущества компенсируется собственнику по рыночной цене. Это обуславливается тем, что покупная цена имущества как правило значительно ниже рыночной и его собственник в дальнейшем не сможет приобрести себе аналогичную вещь за эту цену. В особенности данное правило касается объектов недвижимости.

Представляется, что в настоящее время правительство должно принять ряд мер, направленных на:

- защиту права частной собственности граждан и юридических лиц. Хотя в действующем законодательстве и охраняется право собственности, государство создало для этого ряд механизмов, но фактически гарантий защиты права нет. Если собственность нужна го-

сударству, то ее собственник может лишиться своего имущества сразу и не сможет защитить свои права даже в суде.

— борьбу с бюрократией. В настоящее время основным препятствием создания и развития предприятий в России является именно бюрократия. Частный сектор не может развиваться из-за больших временных и финансовых издержек. Кроме того, негативным фактором здесь является коррупция, которая имеет место быть во всех государственных учреждениях, в особенности тех, которые контролируют предпринимателей.

— партнерство бизнеса и власти. Здесь речь идет о государственно-частном партнёрстве и о механизмах его функционирования и развития. Оно весьма важно для развития экономики нашего государства. При грамотной организации государственно-частного партнерства государство для развития своей собственности может привлекать частных лиц и их капитал. Причем выгоду от такого сотрудничества получает и государство, и частный бизнес. Подобная система в России уже действует, но соответствующие нормы регулируют еще далеко не все связанные с партнерством. Опять же, развитие партнерства тормозится из-за бюрократии и коррупции, в результате чего соответствующие контракты могут получить только крупные частные предприятия, а малый бизнес такой возможности не имеет. Поэтому в данной сфере необходима большая законодательная работа.

— для развития частной собственности требуется бороться с криминалом в данной сфере. Наличие преступных элементов в сфере собственности является сильным тормозом в развитии данной области, в особенности если речь идет о недвижимом имуществе. Сейчас различные формы криминального поведения, обман являются обязательными спутниками развития частного бизнеса, собственности. Это и рейдерские захваты, это обман своих потенциальных и действующих клиентов и пр. Наиболее опасно сращивание криминала и власти, когда отношения строятся не на законе, а на обмане, насилии, коррупции и пр., что в итоге разрушает рынок, нивелирует принцип неприкосновенности собственности.

— развитие системы государственной поддержки малого и среднего бизнеса. Он имеет в собственности очень много совершенно разных объектов, формирует большую часть ВВП страны. Развитие малых предприятий, развитие института самозанятых очень важно для развития частной собственности. Указанные субъекты должны получать помощь от государства на развитие. В настоящее время такие меры в законодательстве предусмотрены, но получить их может очень малый процент субъектов, в результате чего эффективность этих мер низкая, практически нулевая [8, с. 283].

Для защиты добросовестного владельца, получившего владение вещью, не основанное на договоре, видится необходимым дополнить ст. 302, 218 и 235 ГК РФ положениями о том, что право собственности прекращается у прежнего титульного владельца и переходит к добросовестному приобретателю с момента отказа судом в удовлетворении виндикационного иска.

Можно отметить, что достаточно остро стоит вопрос о защите собственника при изъятии земельных участков

для государственных и муниципальных нужд, в том числе при введении чрезвычайного и военного положения. В главе 7.1 ЗК РФ содержатся положения о процедуре изъятия. Однако, эффективность механизма защиты собственников изъятых земель, если государство не соблюдает указанный порядок, представляется довольно спорной. В таких случаях налицо очень грубое нарушение прав собственников, однако на практике суды нередко ставят интересы государства превыше интересов частных лиц [6, с. 55].

Например, в одном из дел было установлено, что земельный участок был изъят у юридического лица для нужд государства. Суд при этом подтвердил правомерность изъятия. Апелляционная инстанция также указала на правомерность изъятия земли. Собственник данного участка при этом

указывал на неправильную его оценку, так как некоторые расположенные на нем объекты вообще оценены не были.

Суд при этом сослался на то, что эти объекты собственник возвел уже после того, как был уведомлен о предстоящем изъятии. Поэтому суды указали, что данные объекты не подлежат оценке [4].

В связи со сказанным можно сделать вывод, что нормы, регулирующие отношения собственности, нуждаются в совершенствовании. В настоящее время требуется комплексный подход к данной проблеме, так как недоработки и пробелы имеются практически во всех законодательных актах. Все предлагаемые изменения потребуют большой правовой работы, внесения изменений в большое количество нормативных актов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] Официальный текст Конституции РФ опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения — 06.03.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации от 07.10.2009 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.
4. Апелляционное определение Московского областного суда от 14.03.2016 по делу № 33-6388/2016 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» — 06.03.2023.
5. Белова, Н. И. Характеристика понятия права собственности // Студенческий вестник. — 2022. — № 3-2 (195). — с. 60-61.
6. Бухонова, Л. Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 1 (62). — с. 50-57.
7. Филиппова, Е. А. Актуальные проблемы защиты частной собственности в системе защиты гражданских прав // Молодой ученый. — 2021. — № 47 (389). — с. 321-324.
8. Ярыгина, Т. Н. Развитие теории прав собственности // Экономическое развитие общества в современных кризисных условиях. Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 3-х частях. — 2017. — с. 281-284.

Уголовная ответственность за похищение человека по действующему российскому законодательству

Кучеров Никита Сергеевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье автором проводится анализ одного из самых распространенных и опасных преступлений против физической свободы личности Главы 18 Раздела 7 Уголовного кодекса РФ, похищении человека. При этом основной акцент сделан на основных проблемах квалификации данного деяния.

Ключевые слова: похищение, незаконное лишение свободы, захват, перемещение.

Ответственность за похищение человека была известна дореволюционному законодательству. В частности, широкий перечень составов преступлений, связанных с похищением человека, был представлен в Уголовном Уложении 1845 г.

Так, в ст. ст. 1526, 1530, 2072-2073 Уголовного Уложения 1845 г. предусматривалась уголовная ответственность за различные действия, связанные с похищением специального потерпевшего — женщин. А в ст. ст. 1407-1409 Уголовного Уложения 1845 г. речь шла о похищении

другой категории специальных потерпевших — несовершеннолетних.

В Уголовном Уложении 1903 г. также содержалось несколько статей, предусматривающих ответственность за похищение человека.

В первом советском Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. была одна статья (ст. 162) о похищении человека. Касалась она только такой категории потерпевших как дети. При этом обязательным признаком субъективной стороны данного преступления являлись специальный мотив (низменные побуждения (месть или иные личные виды) либо специальная цель — корысть).

Следующий Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. изначально повторял положения Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в части установления ответственности за похищение ребёнка (ст. 149). Однако в 1928 году данный нормативно-правовой акт был дополнен ещё одной статьёй, в которой предусматривалась ответственность за похищение женщины для вступления с ней в брак (ст. 197).

В УК РСФСР 1960 г. были закреплены аналогичные нормы об ответственности за похищение детей (ст. 125) и женщины для вступления с ней в брак (ст. 233).

В таком «ограниченном» виде уголовная ответственность за похищение человека сохранялась вплоть до 1993 года.

Распад СССР и становление рыночных отношений в начале 90-х годов прошлого столетия привел к формированию нового социального «пласта» российского общества — предпринимателей. Они стали ассоциироваться с большими деньгами и богатством, что неизбежно привлекло внимание представителей преступного мира. В частности, резко возросло количество похищений предпринимателей и членов их семей с целью получения выкупа. Подобные факторы не могли не отразиться на уголовном законодательстве. В 1993 году в Уголовный кодекс РСФСР впервые была включена ст. 125.1, в которой предусматривалась ответственность за похищение человека независимо от пола и возраста. Эта норма стала основой для последующего формирования ответственности за похищение человека в ст. 126 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ).

Об опасности и распространенности похищений человека свидетельствует тот факт, что в официальных статистических данных всегда фигурируют сведения о количестве этих посягательств наряду с цифрами о числе убийств, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и изнасилований.

Так, в 2022 году было выявлено 393 случая похищения человека, что на 2,9% выше по сравнению с 2021 годом [1].

Один из основных вопросов, касающихся квалификации преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, связан с отграничением данного деяния от преступления, закреплённого в ст. 127 УК РФ.

Сходство обоих составов преступлений заключается в том, что как при похищении человека, так и при незаконном лишении свободы виновное лицо посягает на фи-

зическую (личную) свободу потерпевшего путем лишения и (или) ограничения его свободы передвижения.

Основные отличия прописаны в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 58). Они заключаются в признаках объективной стороны, а конкретно, в сущности, противоправного действия (единственной формы выражения общественно опасного деяния составов по ст. ст. 126, 127 УК РФ) [2].

Если при незаконном лишении свободы потерпевший добровольно оказывается в месте совершения преступления (месте, где он незаконно удерживается), то при похищении началом совершения деяния является момент захвата потерпевшего, а окончанием — начало его перемещения (совпадает с моментом окончания преступления).

Также из разъяснения, содержащегося в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 58, следует, что норма ст. 127 УК РФ является общей, а норма ст. 126 УК РФ — специальной [2]. Соответственно, при конкуренции общей и специальной нормы предпочтение отдается специальной норме, то есть ст. 126 УК РФ. Действия в виде «незаконно лишения свободы» являются частью действий при похищении человека, то есть положения ст. 127 УК РФ «более узкие» по сравнению с положениями ст. 126 УК РФ.

Отсутствуют разъяснения в Постановлении Пленума ВС РФ № 58 относительно квалификации похищения человека, сопряженного с совершением преступлений, предусмотренных ст. ст. 131, 132 УК РФ.

Если ориентироваться на позицию Верховного Суда относительно квалификации похищения человека, сопряженного с другим преступлением, вымогательством, то в вышерассмотренной ситуации содеянное должно квалифицироваться по совокупности ст. 126 УК РФ и ст. 131 (132) УК РФ.

Так, по мнению Е.Г. Быковой, С.А. Яшкова «захват и доставление потерпевшего к месту совершения насильственного полового преступления требуют квалификации содеянного по совокупности ст. 131 или 132 УК РФ и....по ст. 126 УК РФ» [3, с. 26].

В судебной практике этот вопрос ставится в зависимость от цели, с которой совершается похищение человека. Если похищение является способ совершения преступления, предусмотренных ст. ст. 131 (132) УК РФ, то в таком случае содеянное рекомендуется квалифицировать только по ст. 131 или 132 УК РФ [4].

Иными словами, похищение здесь является частью способа совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера.

Следовательно, если потерпевшее лицо вначале похищают, а затем совершают с ним добровольный половой акт в естественной или противоестественной форме, то содеянное в таком случае образует только состав преступления, предусмотренный ст. 126 УК РФ, поскольку для преступлений, предусмотренных ст. 131 (132) УК РФ обязательным признаком объективной стороны является

применение насилия для подавления сопротивления потерпевшего лица (за исключением совершения полового акта с лицом, находящимся в беспомощном состоянии).

Остро актуально на сегодняшний день стоит вопрос о борьбе с похищением несовершеннолетних детей со стороны одного из родителей. Дело в том, что в настоящее время родители не несут уголовной ответственности за похищение своих детей по законодательству РФ, в отличие, к примеру, от уголовного законодательства многих зарубежных стран [5, с. 98; 6, с. 336].

При этом, как отмечает Е. П. Сергеева, из-за несовершенства российского законодательства количество фактов похищения собственных детей растет год от года [5, с. 98].

Основная причина непризнания родителей субъектами преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, кроется

в положениях ст. 19 Конституции РФ и ст. ст. 61-65 Семейного кодекса РФ, согласно которым оба родителя имеют равные права на воспитание и общение со своими детьми.

Однако, О. Н. Городнова, проанализировав факты таких похищений, указывает на несправедливое нарушение прав матери на общение со своим ребёнком (поскольк в подавляющем числе случаев похитителями являются отцы), а сами похищенные дети лишаются полноценной семьи, родного языка, быта и православной культуры [6, с. 336].

В этой связи следует согласиться с предложением О. Н. Городновой о необходимости дополнения Главы 17 УК РФ составом преступления о похищении несовершеннолетнего ребёнка (детей) со стороны одного из родителей.

Литература:

1. Статистика и аналитика // Состояние преступности за январь-декабрь 2022 г. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.03.2023).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.
3. Быкова, Е. Г., Яшков С. А. К вопросу о квалификации изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера, сопряженных с похищением человека или незаконным лишением свободы // Русский следователь. 2017. № 10.
4. Обобщение практики рассмотрения судами Челябинской области уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности (глава 18 УК РФ) (утв. Президиумом Челябинского областного суда 11.06.2014) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Сергеева, Е. П. Семейный киднеппинг в доктрине уголовного права // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: материалы международной научной конференции. Том Часть 1. Отв. за выпуск В. Л. Бопп, Е. А. Ерахтина. Красноярск, 2020.
6. Городнова, О. Н. Похищение ребенка одним из родителей как уголовно наказуемое деяние: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: Сборник материалов научно-практической конференции (Чебоксары, 2 декабря 2011 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011.

Возможности использования сократического метода в служебной деятельности сотрудника ОВД

Лукашова Елена Александровна, курсант
Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)

В статье автор пытается выяснить возможность использования метода Сократа в деятельности сотрудника ОВД.

Ключевые слова: РФ, расследование преступлений, знание, индукция.

В современном мире мы часто сталкиваемся с проблемой, которая присутствует на протяжении всего существования человечества — это преступность. Задачей каждого государства является борьба с ней. Для этого создаются специальные органы, деятельность которых направлена, как раз, на противодействие преступности,

но для должного функционирования специально созданных структур должны параллельно существовать и определенные способы, позволяющие повысить эффективность в расследовании преступлений.

Например, для эффективного ведения допросов можно прибегнуть к использованию метода, предложенным Со-

кратом ещё более 2000 лет назад, который называется майевтика. Под майевтикой понимают способ получения истинных данных от человека путем ведения диалога с помощью искусно подобранных наводящих вопросов. Сократовская майевтика — это подаренный человечеству метод коммуникации, который состоит из трех структурных элементов: 1) диалог; 2) ирония; 3) индукция. Под диалогом понимается разговор между двумя и более лицами для обмена информацией. Ирония — употребление слова или выражения в смысле обратном буквальному, с целью насмешки. Под индукцией в широком смысле понимается способ умозаключения, позволяющий обеспечить возможность перехода от частного к общему, от простого к сложному. А в узком смысле индукция — это система наводящих вопросов, отвечая на которые собеседник постепенно убеждается в неправильности ранее высказанного суждения.

Внедрение данного метода в уголовно-процессуальную, оперативно-розыскную и административную деятельность для сотрудников позволит улучшить и ускорить процесс получения истинных доказательств для скорейшего раскрытия и расследования преступлений и административных правонарушений. Но сразу же нужно отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ содержится норма, согласно которой: «Задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса» (ч. 2 ст. 189 УПК РФ) [1].

В данной статье мы разберемся являются ли индукция Сократа и «наводящий вопрос», содержащийся в УПК РФ, тождественными.

Анализируя ч. 2 ст. 189 УПК РФ, нужно раскрыть, что понимается под наводящим вопросом. В комментарии к данной статье говорится следующее: Наводящим признается вопрос, который содержит в себе ответ. Например, — «А не синий ли был костюм у обвиняемого?» Судебная практика к наводящим приравнивает вопросы с элементами внушения, а также оглашение показаний других лиц в не предусмотренных законом случаях.

Часто такой вопрос построен таким образом, что ответом на него будет являться информация, которая необходима органу, производящему предварительное расследование. Такие вопросы уже содержат ответ и требуют ваше формальное согласие с ответом, навязанным вам в самом вопросе. Это не будет являться допросом по фактическим обстоятельствам, которые помнит допрашиваемый, а подгонка того, что знает следователь к тому, что скажет сам подозреваемый. Это не расследование, а фактически фабрикация. Вот что понимается под «наводящим вопросом» в УПК РФ.

Теперь стоит обратиться к Сократу и его индукции.

Как отмечено в научной литературе, майевтика — это метод извлекать скрытое в человеке знание с помощью искусных наводящих вопросов. Это метафора, которой Сократ прояснял сущность своего метода философствования и его отличия от софистического метода. Софизм, в свою очередь, — это уловка; рассуждение, имеющее

видимость правильного, но содержащее в себе логическую ошибку. Софисты считали, что если ты можешь аргументировано доказывать свою точку зрения, при этом убеждая остальных, тогда это мнение и можно считать истинным. В свою очередь Сократ действует согласно законам логики; результатом сократической беседы становится не новое знание, полученное в готовом виде, а новое стремление дальше осмысливать исследуемый предмет, так как на каждом предыдущем этапе не удалось достичь правды. Поэтому только совместными усилиями Сократа и участников диалога в ходе диалога можно добиться объективной истины.

В своей работе Ф.Е. Василюк отмечает, что майевтические реплики фокусируют внимание человека не на его переживаниях, действиях или предметах, которые он описывает, а на внутренних аксиомах (убеждениях, предпосылках), которые субъективно определяют именно эти переживания, намерения или образы. Субъективные аксиомы, выявляемые майевтикой, не осознаются клиентом, но не потому, что являются бессознательными, а потому, что они слишком самоочевидны, чтобы быть замеченными [2]. Функция майевтики состоит в стимуляции процесса обращения к самому себе, т.е. рефлексии. Откликом «клиента» на майевтическую реплику может быть либо теперь уже осознанная солидарность со сформулированным убеждением, либо отказ от него, либо его уточнение, но в любом случае это потребует включения рефлексивного отношения к предпосылкам своих мыслей, действий и переживаний. Человек с помощью заданных ему вопросов сталкивается с пересмотром уже устоявшихся внутренних убеждений, с которыми он в конечном исходе соглашается, или же опровергает, но подкрепляет это определенными знаниями, полученными в ходе беседы.

Майевтика Сократа — это умение ставить грамотные вопросы в диалоге. Философ был убежден, что к истинному знанию можно прийти лишь через самопознание другого человека. И для этого необходима процедура очищения, осуществляемая путем постановки вопросов о сущности того или иного феномена. В целом, Сократ в своей жизни только то и делал, что задавал вопросы. Ему очень нравилось беседовать с самоуверенным человеком, наблюдать за тем, как он, запутавшись в его каверзных вопросах, моментально утрачивал всю свою спесь и уверенность. Обычно в беседах он притворялся наивным простачком, заманивая оппонента в свои коварные сети. Сохранилась запись разговора мудреца с неким Меноном.

Для начала Менон спросил Сократа о том, можно ли научиться добродетели. Не подозревая никаких подвохов, Менон начинает поучать философа и утверждает, что «добродетель — это знание и ей можно выучиться» [3]. Однако очень скоро, вследствие грамотно поставленных вопросов Сократа, собеседник окончательно теряется. Сократ же, в свою очередь, продолжает иронизировать над своим оппонентом. Когда последний лишился своей самоуверенности, он был готов к совместному поиску ис-

тины. В конце диалога Менон совместными усилиями с Сократом «установили, что добродетели нельзя научиться и что она вовсе не разум» [3].

Искусство беседы, по Сократу, требует исходить из того, что уже известно собеседнику, а не ошарашивать его сразу некоей неизвестной ему и непонятной истиной, потому что это искусство «состоит не только в том, чтобы отвечать правду: надо еще исходить из того, что известно вопрошающему, по его собственному признанию» [3]. Поэтому следует путем наводящих вопросов выяснить границы знания и незнания собеседника, помочь ему «вспомнить» то, что известно его душе. В этом состоит сущность индукции Сократа.

Обобщив полученную информацию, можно сделать вывод, что индукция Сократа и «наводящий вопрос» не имеют между собой сходства, поэтому майевтика с точки

зрения юриспруденции может быть применима в рамках закона. Её можно использовать как способ для ведения допросов в практической деятельности ОВД. Правильно построенная тактика допроса позволит получить истинные доказательства для дальнейшего их применения в служебной деятельности, ведь ложные знания могут завести дело в тупик, а в некоторых случаях расследования преступления любое промедление может привести к неизбежным последствиям, поэтому от четкой и грамотной беседы следователя или дознавателя с лицом, обладающим важной информацией, зависит очень многое. Майевтика, в свою очередь, является альтернативным способом для получения данных, и может очень облегчить процесс дознания или предварительного следствия, на которых происходит сбор доказательств, который является одним из главных этапов в расследовании и раскрытии преступлений.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
2. Василюк, Ф. Е. Майевтика как метод понимающей психотерапии / Ф. Е. Василюк. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 2008. — № 5. — с. 32.
3. Платон Собрание сочинений в 4 т.: Том I/Платон. — Москва: Мысль, 1990. — 863 с. — Текст: непосредственный.

Дети и защита семьи как приоритет государственной политики России

Метальникова Марина Константиновна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Понятия демографической и семейной политики. Целевая направленность демографической политики исходя из конкретной демографической ситуации, связанной с демографическим кризисом и вытекаемым из него негативным экономическим и социальным последствиям. Дети и защита семьи — приоритет государственной политики России. Расширение комплекса основных мер социальной поддержки граждан и семей, имеющих детей. Реализуемые меры социальной защиты граждан и семей, имеющих детей, не лишены упущений, и могут быть дополнены новыми мерами поддержки. Гражданам приходится быстро перестраиваться под постоянные изменения государственной политики и установление новых мер поддержки. Актуальность государственной политики в сфере защиты граждан, имеющих детей, способствует появлению новых нормативных правовых актов, новых мер поддержки ежегодно.

Ключевые слова: демографическая политика, семейная политика, дефицит населения, защита семьи и детей, меры социальной защиты поддержки.

В рамках настоящей статьи под демографической политикой понимается адресно-ориентированная деятельность органов государственной власти и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения. Указанная политика направлена в том числе на сохранение и изменение численности структуры и качества населения. [10, с. 47].

Одновременно с термином «демографическая политика» все чаще как самостоятельный термин используется термин «семейная политика». Семейную политику, как и демографическую, можно определить как адресно-ориентированную деятельность органов государственной

власти и иных социальных институтов, которая призвана создавать оптимальные условия для выполнения семьей ее функций, гармонизировать отношения между личностью, семьей и обществом. [10, с. 49].

По мнению некоторых авторов, на протяжении нескольких последних лет в России сложилась негативная ситуация в области воспроизводства населения, связанная с затянувшимся демографическим кризисом и вытекаемым из него негативным экономическим и социальным последствиям. [10, с. 9]. Одним из таких последствий считается дефицит населения, который в обязательном порядке необходимо учитывать при определении основных

направлений государственной политики. Именно поэтому с точки зрения государственных интересов современное социально-экономическое развитие Российской Федерации осуществляется в условиях недостаточного демографического потенциала населения. [9, с. 11].

Основной задел на преодоление демографического кризиса в долгосрочной перспективе был сделан совсем недавно. Так, поправками в Конституцию Российской Федерации, принятыми в 2020 году, приоритетом государственной политики определены дети, защита семьи, создание условий для достойного воспитания детей в семье.

Меры социальной поддержки, вводимые в последние годы, в том числе направлены на достижение целей, установленных Конституцией Российской Федерации и Национальными целями развития России (сохранение населения, здоровье и благополучие людей, цифровая трансформация).

До 2018 года из всех мер социальной поддержки действовали только программа материнского капитала, поддержка семей с детьми в возрасте до 1,5 лет, а также при рождении третьего или последующих детей.

Начиная с 2018 года Правительством Российской Федерации предпринимались последовательные шаги по наращиванию объема поддержки семей с детьми:

Так, в 2018 году были введены:

- ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого и второго ребенка до достижения ими возраста 3 лет [1] в размере регионального прожиточного минимума для детей;

- начата реализация программы «Семейная ипотека» со сниженной процентной ставкой по ипотечному жилищному кредиту для семей с детьми.

С 2019 года предоставляется дополнительная выплата на погашение ипотечного кредита в размере 450 тыс. рублей семьям при рождении третьего ребенка или последующих детей.

В 2020 году после оглашения Президентом Российской Федерации ежегодного послания Федеральному Собранию Российской Федерации:

- появилась ежемесячная денежная выплата на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно [2];

- право на материнский капитал предоставлено при рождении первого ребенка [3].

В 2021 году:

- введен дифференцированный размер 50, 75 или 100% регионального прожиточного минимума на ребенка при назначении ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет;

- появилась ежемесячная выплата женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности (до 12 недель) [4];

- введено ежемесячное пособие одиноким родителям на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет [4];

- установлен новый порядок оплаты больничного по уходу за больным ребенком в возрасте до 8 лет — независимо от страхового стажа родителя в размере 100% среднего заработка;

- программа «Семейная ипотека» распространена на семьи с первым и (или) последующими детьми, средства ипотечного кредита по льготной процентной ставке стало возможно направлять на строительство частного дома и приобретение земельного участка;

- изменен подход к индексации размера материнского капитала — по фактическому уровню инфляции (ранее — по прогнозному);

- социальный контракт, как один из инструментов по снижению бедности семей с детьми, заработал во всех субъектах Российской Федерации с софинансированием из федерального бюджета.

В 2022 году:

- введена ежемесячная денежная выплата на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет включительно в дифференцированном размере 50, 75 или 100% регионального прожиточного минимума на ребенка [5];

- продлено до 31 декабря 2023 года действие программы «Семейная ипотека» и дополнительной выплаты на погашение ипотечного кредита в размере 450 тыс. рублей при рождении третьего ребенка или последующих детей;

В 2023 году введено ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка, которое объединило имеющиеся в настоящее время ежемесячные выплаты беременным женщинам и семьям с детьми до 17 лет [6].

Особое внимание при предоставлении мер социальной поддержки и социальных услуг уделяется обеспечению комплексного подхода. Поддержка семей с детьми не должна ограничиваться монетизированными мерами. Еще одной важной стороной комплексного подхода является цифровая трансформация процесса взаимодействия человека с государством.

Начиная с 2020 года сертификат на материнский капитал стал выдаваться проактивно, по факту рождения ребенка. Данное направление стало одним из первых, на котором были отработаны принципы Социального казначейства.

Все вводимые меры социальной поддержки также предоставляются на принципах Социального казначейства: по одному заявлению с минимизацией предоставляемых гражданином документов и справок.

Начиная с 2021 года осуществляется проактивное персонализированное информирование о мерах социальной поддержки, право на которые возникает в связи с наступлением жизненных событий «Рождение ребенка», «Установление инвалидности», «Наступление пенсионного возраста».

Перечень жизненных событий постоянно расширяется, планируется дополнить их жизненными событиями «Беременность», «Получение статуса многодетной семьи», «Создание молодой семьи», «Достижение ребенком определенного возраста». Например, в связи с рождением ребенка семью проинформируют о возможности оформления материнского капитала, единовременных выплат и льгот, в том числе в регионе проживания. Для получения такого информирования в личном кабинете на Едином портале государственных и муниципальных услуг необходимо дать согласие.

Также с 2021 года свою работу начал Единый контакт-центр, благодаря которому по единому номеру гражданин может получать консультацию по всем мерам поддержки в круглосуточном режиме.

Повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях — одна из основных задач государственной семейной политики.

На протяжении последних лет в рамках документов стратегического планирования реализуются мероприятия, направленные на выполнение этой задачи.

В числе таких документов планы по реализации Десятилетия детства, в рамках которых также обеспечивается выполнение Концепции государственной семейной политики до 2025 года [7], планы по реализации Концепции демографической политики до 2025 года [8].

Данные документы предусматривают не только проведение ежегодных информационных кампаний, но и обобщение и распространение лучших региональных практик по реализации проектов и программ родительского просвещения и семейного воспитания, поддержку некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на формирование ответственного родительства, популяризацию традиционных семейных ценностей и многодетной семьи.

Результатами проводимой семейной политики стали:

В 2021 году:

— установление Дня отца (третье воскресенье октября);

В 2022 году:

— утверждение почётного звания «Мать-героиня» и установление единовременное денежное поощрение к нему в размере 1 млн. рублей;

— увеличение размера единовременного денежного поощрения при награждении орденом «Родительская слава» (со 100 тыс. рублей до 500 тыс. рублей), установление выплаты при награждении медалью ордена «Родительская слава» в размере 200 тыс. рублей.

Вместе с тем реализуемые на сегодняшний день меры социальной защиты (поддержки) семей с детьми не лишены упущений, и могут быть дополнены новыми мерами поддержки.

Так, в настоящее время активно продвигается вопрос установления возможности направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на покупку автомобиля. Кроме того, рассматривается вопрос об утверждении отдельного нормативного правового акта (возможно, в виде отдельного федерального закона), который будет регулировать вопросы защиты и поддержки многодетных семей.

При этом текущая государственная политика в области защиты семей с детьми характеризуется быстрой сменой (многие меры поддержки существуют на протяжении очень короткого времени — иногда меньше года, — а затем сменяются другими), а значит гражданам приходится быстро перестраиваться под действующие тенденции.

Актуальность государственной политики в сфере защиты граждан, имеющих детей, способствует появлению новых нормативных правовых актов, новых мер поддержки ежегодно, что в долгосрочной перспективе должно привести к преодолению текущего демографического кризиса.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ, 01.01.2018, № 1 (часть I), ст. 2.
2. Указ Президента РФ от 20.03.2020 № 199 (ред. от 10.03.2021) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ, 23.03.2020, № 12, ст. 1745.
3. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ, 01.01.2007, № 1 (1 ч.), ст. 19.
4. Федеральный закон от 26.05.2021 № 151-ФЗ (ред. от 30.04.2022) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.05.2021, № 22, ст. 3686.
5. Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 175 «О ежемесячной денежной выплате семьям, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ, 04.04.2022, № 14, ст. 2245.
6. Федеральный закон от 21.11.2022 № 455-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ, 28.11.2022, № 48, ст. 8322.
7. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // Собрание законодательства РФ, 01.09.2014, № 35, ст. 4811.
8. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 15.10.2007, № 42, ст. 5009
9. Демография: практикум/составители О. В. Симен-Северская. — Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2019. — 91 с.
10. Соловарова, Ю. Н. Демография: учебно-методическое пособие/Ю. Н. Соловарова. — Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2019. — 108 с.

Договор выкупного лизинга: о некоторых аспектах обеспечительной функции права собственности лизингодателя

Муратшин Адель Ильшатович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматривается обеспечительная функция права собственности лизингополучателя в договоре выкупного лизинга, а также проблемы, возникающие при ее реализации. В настоящей статье проанализированы взгляды видных деятелей науки, а также актуальные позиции ВАС РФ и ВС РФ по вопросам обеспечительной собственности лизингодателя и непосредственно связанной с ней обеспечительной функцией.

Ключевые слова: договор выкупного лизинга, обеспечительная собственность, обеспечительная функция, возврат имущества лизингодателю.

Договор финансовой аренды (договор лизинга) представляет собой гражданско-правовой договор, закрепленный в главе 34 ГК РФ, посвященной аренде (имущественному найму). Согласно данному договору арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование (п. 1 ст. 665 ГК РФ).

Хотя отношения, складывающиеся между сторонами договора лизинга, и имеют правовую форму разновидности аренды, но, тем не менее, наполняются именно кредитным содержанием [4]. Рассмотрение лизинга в качестве «обеспечительной сделки» в отношении интересов лизингодателя, как отмечает Е.А. Сухановым, касается именно договора выкупного лизинга, по условиям которого по окончании договора имущество поступает в собственность лизингополучателя, а не остается у него в аренде [7, с. 412]. Как следствие такого подхода усматривается переход в рассмотрении природы договора выкупного лизинга от арендной концепции к кредитной концепции, нашедшей отражение, как в работе многих авторов, так и в практике судов.

Таким образом, наряду с неотъемлемой финансовой функцией, заключающейся в оказании кредита (приобретение и оплата имущества), рассматриваемым договором, в том числе, реализуется и обеспечительная функция, о которой и пойдет речь.

Механизм возникновения обеспечительной собственности лизингодателя сводится к тому, что имущество, приобретается им для лизингополучателя (в конечном счете, должно поступить в собственность последнего), но право собственности не переходит, а «задерживается» у лизингодателя в качестве обеспечения. И завершает свой переход только в связи с уплатой лизингополучателем полной суммы обусловленной договором, что, в свою очередь, приводит к прекращению обеспечительной собственности лизингодателя, необходимость в которой попросту отпадает [3]. Таким образом, выкупной лизинг и приобретает «обеспечительную функцию», тем самым, становясь одним из непоименованных способов обеспечения исполнения договорных обязательств [7, с. 412].

В то же время следует указать и на то, что обеспечительная собственность лизингодателя наделяется свойством публичности (п. 3 ст. 10 Закона о лизинге). Публичное раскрытие информации о наличии такого договора направлено на гарантирование интересов как минимум лизингодателя, т.к. лизингополучатель, владеющий движимым имуществом, являющимся предметом лизинга, для третьих лиц становится неотличим от собственника.

Реализация обеспечительной функции договора выкупного лизинга выступает реакцией на нарушение лизингополучателем обязательств по уплате предусмотренных договором платежей. Ввиду нарушения условий оплаты лизингополучателем, лизингодатель наделяется правом отказа от договора (п. 2 ст. 13 Закона о лизинге), выражающегося в одностороннем волеизъявлении, влекущем досрочное расторжение договора и возврат имущества [9].

Вместе с тем, С.А. Громовым подчеркивается, что «возврат имущества кредитору, т.е. предоставление ему фактической возможности распорядиться предметом лизинга, с тем, чтобы из вырученных от его реализации средств покрыть убытки, связанные с расторжением договора лизинга является ключевым в деле реализации обеспечительной функции рассматриваемой конструкции» [4]. Между тем отказ от договора необходим лизингодателю для исключения правовой возможности приобретения лизингополучателем права собственности на имущество.

При этом, как отмечает А.А. Ивановым, возврат имущества упрощается тем, что право собственности сохранилось за лизингодателем, в связи с чем, отпадает необходимость в обращении на него взыскания [6, с. 30].

Тем не менее, по сей день законодательство не содержит упрощенных способов защиты для лизингодателя, требующего возврата имущества. Поэтому в отсутствие предмета лизинга после расторжения договора лизингодатель в любом случае будет вынужден инициировать тяжбу. Что как следствие затягивает и усложняет возврат имущества.

К тому же в таком деле именно на лизингодателе будет лежать обязанность по доказыванию значительности нарушения обязательства и соразмерности размера тре-

бований лизингодателя размеру предоставленного лизингополучателю финансирования. При этом, оценивая допустимость изъятия предмета лизинга, судом может быть учтена и возможность наступления для лизингополучателя значительных имущественных потерь, в случае лишения его возможности владеть и пользоваться предметом лизинга (п. 13 Обзора судебной практики) [10].

Как отмечается в п. 2 Постановления Пленума ВАС № 17 со ссылкой на ст. 329 ГК РФ вышеуказанное обеспечение в виде права собственности лизингодателя на предмет лизинга прекращается в связи с исполнением основного обязательства по уплате обусловленных договором платежей.

При этом на прекращение обеспечения не влияют ни новации долга, ни его перевод. Обеспечение не прекращается и при прекращении основного долга по любым иным основаниям, кроме надлежащего исполнения.

Таким образом, подытоживая, следует сказать, что имеет смысл законодательно установить оперативный механизм внесудебной защиты интересов лизингодателя, заключающегося в скорейшем возврате имущества в случае нарушения обязательств лизингополучателем. Также при этом не стоит упускать интересы надлежаще исполняющего свои обязанности лизингодателя, чтобы такая защита попросту не превратилась в способ изъятия имущества недобросовестным лизингодателем.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 01.09.2022) // СЗ РФ. — 05.12.1994. — N 32, ст. 3301;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.01.2022) // СЗ РФ. — 29.01.1996. — N 5. — ст. 410;
3. Федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О финансовой аренде (лизинге)» // СЗ РФ. — 02.11.1998. — N 44. — ст. 5394;
4. Бевзенко, Р.С. Очерк теории титульного обеспечения // «Вестник гражданского права», 2021, N 2 // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 08.03.2023);
5. Громов, С.А. Обеспечительная функция права собственности лизингодателя на предмет лизинга // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сб. ст./Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2010 // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 08.03.2023);
6. Егоров, А.В. Лизинг: аренда или финансирование? // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3;
7. Иванов, А.А. Договор финансовой аренды (лизинга). Учебно-практическое пособие. — М.: «Проспект», 2001. — 64 с.;
8. Гражданское право: учебник. В 4 т. // отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 3-2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2020. — 480 с.;
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 08.03.2023);
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.05.2010 N 1059/10 по делу N А45-4646/2009 // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 08.03.2023);
11. «Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 08.03.2023).

Особенности правового режима имущества государственных унитарных предприятий

Пасечник Светлана Николаевна, студент магистратуры
Московский экономический институт

В статье проанализированы нормативные особенности управления государственным имуществом, которое передано государственным унитарным предприятиям в хозяйственное ведение.

Ключевые слова: правовой режим, государственное имущество, государственное унитарное предприятие, государство.

Унитарным предприятием является коммерческая организация, у которой на праве собственности находится закрепленное имущество и главной особенностью,

которой является реализация деятельности (как производственной, так и иной хозяйственной) в качестве государственного предприятия.

Уполномоченными на создание (учреждение) унитарных предприятий в соответствии с положениями законодательства Российской Федерации является государство в широком смысле слова. Полномочия собственника в отношении государственного имущества, которое находится у рассматриваемых юридических лиц, осуществляют органы государственной власти РФ, в отношении регионального имущества — органы государственной власти субъектов РФ в рамках своей компетенции.

В ходе предоставления имущества государственному унитарному предприятию, собственник данного имущества (государство или муниципалитет) часто действует в определенных, как правило, социально значимых, целях. Также сам собственник устанавливает цели и ключевые направления работы государственных унитарных предприятий, определяя эти положения в учредительных документах.

История существования государственных предприятий в нашей стране насчитывает уже более 400 лет. Изначально они существовали в форме казенных учреждений, которые создавались в целях производства вооружения для армии страны. В период существования СССР передача имущества государственным унитарным предприятиям осуществлялась в рамках оперативного управления, где такие предприятия наделялись правом пользования и распоряжения предоставленным имуществом в соответствии с порядком, определенным в законодательстве. После развала СССР стал происходить в нашей стране процесс приватизации, в рамках которого за первые 2 года в частную собственность перешло больше 47000 предприятий, в связи с чем само существование унитарных предприятий было под угрозой.

Принятие ГК РФ привело к официальному признанию унитарных предприятий на государственном уровне. В нормах ГК РФ были впервые закреплены такие понятия как хозяйственное ведение, ограниченное вещное право, оперативное управление. В ГК РФ была обозначена цель установления ограниченного вещного права — это сохранение государственного имущества, недопущение его продажи по заниженной цене.

На данном этапе развития государства правовой статус государственных унитарных предприятий определен во многих нормативно-правовых актах. Тут конечно стоит обозначить ГК РФ [1], где определены общие положения о данном юридическом лице, а ключевым, специальным нормативным актом в данной области является Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных государственных унитарных предприятиях» [2], нормативных актах, издаваемых Правительством РФ, Минэкономразвития РФ, а также в иных законах, принимаемых субъектами РФ.

В 2018 г. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации выдвинула инициативу об исклю-

чении с товарного рынка большей части унитарных предприятий путем их реорганизации, так как хозяйственная деятельность данных предприятий отрицательно сказывается на состоянии конкуренции на рынке товаров. Планируется большую часть существующих государственных предприятий преобразовать в акционерные общества, со 100% пакетом акций, находящимися в собственности РФ либо субъекта РФ как единственного акционера [3].

Согласно сведениям, находящимся на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, в 2005 г. в РФ функционировало порядка 18000 государственных унитарных предприятий, в 2020 г. около 2600. Вместе с тем, в городе Москве в настоящее время насчитывается всего лишь около 45 государственных унитарных (казенных) предприятий города Москвы. В этой связи, можно сделать вывод, что количество государственных унитарных предприятий в течение 15 лет сократилось более чем на 85% [4].

В качестве основных причин для отхода от такой организационно-правовой формы можно обозначить следующее:

- в таких организациях непрозрачные хозяйственные операции для собственника имущества, его инвесторов и кредиторов;
- в законодательстве не установлены легальные и эффективные меры по контролю текущей деятельности;
- откровенная неактуальность данной организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта и вида права потребностям развития экономики;
- слабая конкурентоспособность.

В статье 294 ГК РФ определено легальная дефиниция государственного унитарного предприятия, под которым следует понимать коммерческую организацию, самостоятельно с согласия собственника распоряжающуюся имуществом, которое передано ей на праве хозяйственного ведения.

Изучив положения п. 3 ст. 18 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ, следует отметить, что государственное унитарное предприятие наделяется ограниченным правом распоряжения имуществом. Для того, чтобы вовлечь имущество в хозяйственный оборот рассматриваемому предприятию необходимо в обязательном порядке получить на это согласие с собственником с указанием в распорядительном документе всех существенных условий сделки. В противном случае данная сделка считается недействительной (ничтожной).

Исследование судебной практики позволяет сделать вывод, что недействительными (мнимыми) сделками в том числе могут быть признаны сделки по передаче городского имущества в ведение предприятия с последующей продажей при отсутствии реального владения имуществом и намерении сразу его реализовать. Из положений постановления Федерального Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.09.2009 следует, что нахож-

дение имущества в хозяйственном ведении свыше трех месяцев минимизирует риск признания сделок по закреплению имущества и его последующей продажи государственным унитарным предприятием мнимыми.

Полагаем необходимо акцентировать внимание на то, что реализация государственного имущества, продавцом которого выступает государственное унитарное предприятие, осуществляется на электронных торгах, за исключением случаев прямо предусмотренных законом, по цене, установленной не ниже рыночной стоимости такого имущества, по истечении пяти месяцев с момента регистрации права хозяйственного ведения (с учетом трехмесячного моратория на отчуждение имущества после его закрепления, и комплекса мероприятий по оценке помещений, согласованию совершения сделки с собственником имущества, подготовке лотовой документации, проведению заявочной компании).

В положениях п. 3 ст. 299 ГК РФ установлены основные способы прекращения права хозяйственного ведения: по инициативе самого предприятия по основаниям, установленных законодательством Российской Федерации, а также по решению собственника такого имущества.

В случае несогласия государственного унитарного предприятия с решением собственника об изъятии у него

имущества, оно вправе подать в суд заявление об отмене сделки по изъятию собственником имущества из управления.

Также необходимо отметить, что публичное образование (РФ, субъект РФ, муниципальное образование) выступая в качестве собственника и учредителя государственного унитарного предприятия осуществляет постоянный мониторинг и контроль за текущей деятельностью государственного унитарного предприятия, его финансовым состоянием, в том числе за сохранностью и использованием имущества в соответствии с его функциональным назначением, а также уполномочен на получение определенной части прибыли от имущества.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод, что государственное унитарное предприятие относится к несамостоятельным видам юридических лиц, которые находятся под прямым контролем государства. Любое распоряжение имуществом может осуществляться лишь с согласия на то собственника данного имущества (Российской Федерации). В целом государственные унитарные предприятия можно рассматривать как определенных государственных механизм, орудие, посредством которого государство имеет возможность участвовать в гражданском обороте.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=OL6h5Q&base=LAW&n=418167&cacheid=CFAA35FACDA087F4BF98C528A104296B&mode=rubr#ZCu7vXTte8fMEPN1>
2. Федеральный закон от 14.11.2002 N 161-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=h7n7vXTU8gbWMTs&cacheid=6F154ABD409B97F71EDEC586E06B8555&mode=splus&rnd=0Ym7vXT6lomklSwP1&base=LAW&n=389867&dst=100000001#7Yn7vXT8zGDFGoVU>
3. ФАС в СМИ: Унитарные предприятия уйдут с конкурентного рынка к 2021 году. А ограничить их деятельность планируют уже в ближайшее время [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://fas.gov.ru/publications/16640>
4. Гражданское право: Учеб.: В 2 т. Т. 1./Отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статус, 2019. 412 с.

Опыт зарубежных стран в вопросе ресоциализации осужденных

Печенин Артём Владимирович, курсант

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В статье даётся обобщённый обзор опыта зарубежных стран в вопросе ресоциализации осуждённых. Отмечается, что такой опыт некоторых иностранных государств представляется полезным в достижении целей пенитенциарной системы. В связи с этим автор статьи полагает целесообразным проанализировать направления работы с осуждёнными в зарубежных странах на этапе подготовки их к освобождению и выявить положительные черты с целью возможного применения в российской уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: ресоциализация, уголовно-исполнительная система, зарубежные страны, осужденные, отбывание наказания.

Ресоциализация осужденных представляет собой завершающий этап процесса исполнения наказания

и исправления осужденных, которому в последнее время во всём мире уделяется особое внимание. Именно

на данный институт возлагаются задачи, направленные на повышение эффективности постадаптационного периода, выраженного в реинтеграции бывших осужденных в общество.

Необходимость ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, регламентирована международными законодательными актами. Так, в Правилах Нельсона Манделы говорится, что процесс исправления осужденных считается эффективным только в том случае, если он обеспечивает их реинтеграцию в общество, в котором они, освободившись из заключения, соблюдают законы и способны вести самостоятельный образ жизни.

Как мы видим, основная цель ресоциализации осужденных — это возвращение их в социум полноправными гражданами с сформированными навыками и умениями, необходимыми для решения различных проблем психологического, бытового, нормативно-правового характера.

В Конвенции ООН по правам человека говорится, что одной из целей ресоциализации должно быть восстановление осужденных в правах, присущих человеку вне мест заключения, к которым относятся право на достойное существование, образование и труд.

В зарубежных странах ресоциализация осужденных осуществляется учреждениями, входящими в пенитенциарную систему и именуемыми органами пробации и надзора. Так, например, в США каждое такое учреждение относится к ведению муниципальных властей и имеет свой индивидуальный уровень безопасности, общее число которых четыре. Пенитенциарные учреждения 1-го и 2-го уровня подчиняются местным органам власти. У них свои условия содержания осужденных, характеризующиеся определенными послаблениями, свободным графиком отбывания наказания, а также возможностью без сопровождения выходить за охраняемую территорию с целью поиска будущей работы или места учебы. Учреждения 3-го и 4-го уровня не предусматривают подобные послабления, поскольку в них содержатся осужденные, совершившие более тяжелые преступления [3, с. 129-131].

В США существуют Центры реституции, которые посещают осужденные, готовящиеся к освобождению. Однако в их число входят только трудоспособные и психически здоровые люди, впервые совершившие преступление. Сюда же относятся лица, характеризующиеся с положительной стороны за период отбывания наказания, срок которого подходит к концу. В таких Центрах осужденные проходят специальные курсы по социализации личности, посещают учебные занятия, трудятся и выполняют общественные работы [4, с. 216].

Критерием успешности института ресоциализации осужденных является статистика рецидива совершения преступлений лицами, освободившимися из мест лишения свободы. Наименьший процент данного показателя мы можем увидеть в таком государстве, как Норвегия.

Стоит отметить, что тюрьмы Норвегии особое внимание уделяют именно процессу ресоциализации осужденных. Основная цель, которую преследуют власти в Норвегии, — обучить осужденных обеспечивать себя материально. Так, в период отбывания наказания осужденные учатся ведению бизнеса (производству товара и последующей его реализации).

Стоит также обратить внимание на то, что к процессу ресоциализации осужденных привлекаются лица, уже выбывшие из мест лишения свободы и начавшие новую жизнь. С их участием проводятся беседы о социально-правовой помощи: они делятся своим положительным опытом, позволившим им стать законопослушными гражданами. Для такого взаимодействия в Норвегии при участии тюремной службы созданы общественные организации.

Рассматривая институт ресоциализации Канады, стоит отметить особый подход к исправлению осужденных. Так, прежде чем наметить программу ресоциализации осужденных, в Канаде проводится оценка уровня риска возвращения их на путь прежней преступной жизни. На основании полученных результатов разрабатываются соответствующие планы и стратегии программ по исправлению осужденных. Особое внимание уделяется таким моментам, как обучение умению справляться с отрицательными эмоциями, самостоятельно решать проблемы, устранять конфликты, устанавливать межличностные связи, обладать самоконтролем.

В число коррекционных направлений входят социальные программы, которые побуждают осужденных к постановке правильных жизненных целей, обучают вести повседневную жизнь в обществе, способствуют решению проблем в области трудоустройства, поиска места жительства. Основная задача таких программ — побуждение осужденных к возвращению в социум и ведению здорового, позитивного образа жизни. Кроме того, в Канаде осуществляется активная работа по истреблению губительных привычек осужденных: алкоголизма, наркозависимости и др.

В Канаде процессом ресоциализации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, занимаются Исправительные службы, однако разработанные ими программы являются добровольными, не требующими обязательного участия всех осужденных, в связи с чем их значительная часть возвращается в социум без соответствующей подготовки. Тем не менее, как показывает практика, участие осужденных в таких программах способствует положительному решению об их условно-досрочном освобождении [2, с. 133].

Стоит особо отметить, что, по опыту многих зарубежных стран, успешность процесса ресоциализации зависит, в первую очередь, от поддержания осужденными связей с внешним миром [1, с. 254].

Так, например, в Англии им предоставлена возможность покидать исправительное учреждение в целях осу-

ществления трудовой деятельности. К числу поддержания связей с внешним миром относятся и свидания осуждённых с близкими и родственниками, предоставляемые в период отбывания наказания.

Покидание расположения исправительного учреждения допустимо и в Финляндии. Кроме того, в данной стране нет ограничений в отношении свидания с родственниками.

В Таиланде для поддержания связей осуждённых с родными и близкими организованы дни «открытых дверей», когда осужденным предоставляется право на проведение свиданий в течение недели без ограничений во времени.

Для реализации других направлений, связанных с оказанием помощи осужденным при последующем пребывании их в социуме, в Англии организован институт менторства, суть которого заключается в оказании им содействия в решении возникающих проблем. В данной работе активное участие принимают также волонтерские и социальные службы.

Во Франции бремя оказания помощи осужденным несут на себе общественные организации при содействии государства. В основе их программ лежат два направления: обеспечение бывших осужденных жильем и работой. Проблеме отсутствия жилья у осужденных уделяется особое внимание и в таких странах, как ФРГ, Япония, Азербайджанская республика.

Так, в ФРГ бывшим осуждённым предоставляются так называемые переходные дома или съёмные квартиры, оплачиваемые государством, в которых они могут проживать после освобождения в течение полутора лет. Предоставление временного жилья на законодательном уровне закреплено и в Азербайджанской республике.

Литература:

1. Денисов, А. Д. Опыт некоторых зарубежных стран в ресоциализации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы // Вестник Университета. — 2014. — № 12.
2. Ежова, О. Н. Зарубежный опыт организации процесса ресоциализации осужденных к лишению свободы // Юридический вестник Самарского университета. — 2018. — Т. 4. — № 2.
3. Молчанова, Т. Ю. Зарубежный опыт ресоциализации осужденных // Молодой ученый. — 2020. — № 2 (292).
4. Морохова, О. А., Краюшкин И. В. Опыт Исправительной службы Канады в организации программ ресоциализации правонарушителей // Молодой ученый. — 2020. — № 15 (305).

А в Японии для этих целей выделяются специальные общежития.

В Швейцарии особое внимание уделяется трудоустройству лиц, готовящихся к освобождению из тюрем. Для них организуются специальные предприятия на территории исправительного учреждения. По мнению ученых, именно данное направление ресоциализации способствует формированию у осуждённых законопослушного поведения, повышению самооценки, снижению уровня тревожности.

Власти многих стран видят необходимость в обучении финансовой грамотности осужденных, готовящихся к освобождению. Данные программы имеют успех в США, Англии, Эфиопии. Осуществляются они путем проведения тренингов, онлайн-курсов, телефонных консультаций.

Подводя некоторые итоги, хочется отметить, что, на наш взгляд, наиболее эффективный опыт ресоциализации осуждённых представлен в Канаде, где проводится регулярная оценка фактора риска совершения осужденными повторного преступления. Кроме того, данный подход позволяет оценивать каждого осужденного индивидуально, выявлять слабые стороны его личности, а также оценивать эффективность применяемых программ и методик с целью достижения целей ресоциализации.

Как мы видим, большая часть зарубежных стран реализует дифференцированный подход к ресоциализации осужденных, позволяя тем самым выбрать наиболее эффективные методы и формы данного направления для каждого из них. На наш взгляд, подобный опыт требует дальнейшего изучения с целью возможного применения в российской уголовно-исполнительной системе.

Проблемы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства

Рахимова Елена Вячеславовна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Плясунова Анастасия Александровна, кандидат юридических наук, доцент
 Оренбургский государственный университет

В работе анализируются проблемные аспекты законодательной регламентации процессуальной деятельности в сфере международного сотрудничества по уголовным делам.

Ключевые слова: международное сотрудничество, уголовное судопроизводство, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принцип взаимности.

Problems of international cooperation in the field of criminal justice

Rakhimova Yelena Vyacheslavovna, student master's degree
 Scientific adviser: Plyasunova Anastasiya Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor
 Orenburg State University

In work problematic aspects of legislative regulation of remedial activity in the sphere of international cooperation in criminal cases are analyzed.

Keywords: the international cooperation, the criminal trial, the Code of criminal procedure of the Russian Federation, reciprocity principle.

Правовые основы правовой помощи кроются в необходимости осуществления уголовного преследования, а также раскрытия преступлений, совершенных иностранными гражданами, гражданами РФ, скрывшимися от органов дознания, следствия или суда на территории иностранного государства, или в которых иностранные граждане являются свидетелями, потерпевшими или иными участниками уголовного процесса, или расследования преступлений, совершенных на территории иностранного государства. Однако, исходя из принципа государственного суверенитета, правоохранительные органы РФ не могут непосредственно осуществить уголовно-правовые функции на территории иностранного государства, просто потому что их компетенция на нее не распространяется. Органы и лица, уполномоченные на ведение производства по уголовному делу каким-либо государством, вправе осуществлять свои полномочия лишь на территории этого государства. Второе государство, в свою очередь, не может осуществить уголовное преследование лица по причине неосведомленности о преступлении и отсутствия практической возможности сбора доказательств.

Поэтому необходимость международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства для преследования лиц за уголовно наказуемые деяния очевидна.

Особенностью института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является ее смешанная отраслевая принадлежность, подразумевающая регулирования различными отраслями права: как уголовным, уголовно-процессуальным, так и международным правом.

Частью пятой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) регулируются только те направления международного сотрудничества, которые связаны с оказанием международной правовой помощи по уголовным делам. Другие виды международного сотрудничества (осуществление по запросам иностранных государств оперативно-розыскных мероприятий, информационное обеспечение, координация деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, затрагивающих интересы нескольких государств, и т.п.) не являются предметом уголовно-процессуального законодательства.

Одним из аспектов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является тот факт, что оказание правовой помощи по уголовным делам возможно только в отношении преступлений, наказание за которые на момент получения запроса о правовой помощи подпадает под юрисдикцию правомочных органов запрашивающего государства.

Одним из общих принципов международных отношений является принцип сотрудничества, согласно которому государства обязаны «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера», а также в сфере уголовного судопроизводства государства обязаны «поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры». Развивая положения Устава, Декларация о принципах международного права 1970 года следующим образом определяет содержание принципа сотрудничества государств:

а) государства обязаны сотрудничать друг с другом в различных областях международных отношений с целью поддержания международного мира и безопасности, развития международного сотрудничества и прогресса;

б) сотрудничество между государствами должно осуществляться независимо от различий их политических, экономических и социальных систем;

в) государства должны сотрудничать в деле содействия экономическому росту во всем мире, особенно в развивающихся странах [1].

В условиях нестабильности международных отношений все большее значение принимает принцип взаимности, на основе которого Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество в сфере выдачи лиц для уголовного преследования.

Принцип взаимности в сфере международного судопроизводства предполагает сотрудничество государств по признанию и защите прав и интересов частных лиц от уголовных посягательств (п. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации: каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод).

Отсутствие международных договоров в вопросах международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, порождает возможность сокрытия лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, от органов следствия и суда в тех зарубежных странах, с которыми Российская Федерация не имеет двусторонних договоров о выдаче для уголовного преследования. Подобная практика приводит к нарушению прав потерпевших на справедливое судебное разбирательство в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ), на возмещение (компенсацию) имущественного и иного вреда, причиненного преступлением, в соответствии с национальным законодательством (ст. 52 Конституции Российской Федерации, ст. ст. 42, 44 УПК РФ).

В свою очередь отсутствие у Российской Федерации соответствующих двусторонних международных договоров с рядом стран, тем не менее, позволяет наладить сотрудничество при оказании о правовой помощи по уголовным делам; выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора; передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является; передаче судопроизводства по уголовным делам.

В случае отсутствия двусторонних или многосторонних международных договоров, во взаимодействии государственных структур преобладающим является принцип взаимности. Однако для того, чтобы стать нормативно-правовой основой взаимодействия компетентных органов государств, принцип взаимности должен быть закреплен в договоре сотрудничающих сторон либо в национальном законодательстве, регулирующем принципы, основания и механизмы оказания о правовой помощи по уголовным делам.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства заключается в исполнении органами одного государства по запросу компетентных органов другого

государства поручений о производстве на своей территории процессуальных действий (и оперативно-розыскных мероприятий) по расследуемому преступлению или рассматриваемому делу запрашивающего государства, а также осуществление других действий в целях обеспечения возможности расследования или рассмотрения такого дела.

Рассматриваемый алгоритм схож с дачей поручений о производстве отдельных процессуальных действий на территории Российской Федерации, однако глобальным различием является несоответствие законодательств различных государств, в соответствии с которым осуществляется исполнение запроса правовой помощи, так как при его исполнении могут быть применены процессуальные нормы законодательства иностранного государства в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, если это не противоречит законодательству и международным обязательствам Российской Федерации.

Основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями закреплены в главе 53 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Можно выделить три основные формы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: исполнение запросов (поручений) о производстве следственных и иных процессуальных действий (например, производство допросов, обысков и других действий, направленных на собирание доказательств, осуществление задержания, вручение процессуальных документов, вызовов и извещений и др); выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора (экстрадиция); передача осужденных к лишению свободы лиц для отбывания наказания.

Таким образом, сотрудничество по уголовным делам невозможно без взаимного признания и приведения в исполнение судебных решений по уголовным делам.

При этом в отношении каждой из форм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства всегда можно рассматривать две ситуации: оказание той или иной помощи Россией по запросу иностранного государства и, наоборот, оказание помощи нашей стране другим государствам.

При изучении вопросов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства наибольшие трудности на практике возникают в связи с отсутствием четкого перечня оснований для отказа в оказании международной правовой помощи, что порождает, с одной стороны злоупотребление правом запрашивающей стороны. Так, в направляемом запросе указывается необходимость предоставления информации или совершения процессуальных действий, объективная необходимость которых не обоснована, и исполнение которых не принесет юридически значимого факта или доказательства по рассле-

дуемому уголовному делу. С другой стороны, при отсутствии четкого перечня оснований для отказа в оказании международной правовой помощи, исполняющая сторона при наличии любых, в том числе и преодолемых, затруднений в его исполнении, имеет право возратить запрос о правовой помощи без исполнения, сославшись на невозможность его исполнения.

Второй, наиболее значимой проблемой, с которой сталкиваются на практике сотрудники правоохранительных и судебных органов, является отсутствие законодательного закрепления конкретных сроков исполнения запросов иностранных государств.

Срок производства процессуальных действий по запросу о правовой помощи имеет огромное значение при расследовании преступлений, поскольку соблюдение установленных законодателем сроков в уголовном судопроизводстве является важной гарантией реализации прав и законных интересов граждан.

В части международно-правового сотрудничества несовершенство правовой регламентации сроков исполнения запросов о правовой помощи (международных следственных поручений) отрицательно сказывается на соблюдении сроков предварительного расследования. В процессе осуществления международно-правовой помощи, в частности при ожидании ответа на запрос о правовой помощи, процессуальные сроки расследования приходится неоднократно продлевать, что ведет к затягиванию расследования и существенно затрагивает

Не смотря на правовую регламентацию права продления сроков уголовного судопроизводства на период исполнения запроса правовой помощи, сам факт отсутствия возможности установить разумный срок его исполнения влечет не только нарушение прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц (особенно потерпевших), но и влечет утрату большинства доказательств, вследствие забывания свидетелями, потерпевшими, подробностей, имеющих значение для уголовного дела, уничтожения доказательств ввиду краткосрочности их существования, сокрытия разыскиваемых лиц и объектов.

Литература:

1. Устав Организации Объединенных Наций (с изм. от 20.12.1971) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Высшая Школа: правовые док. для студентов юрид., финансовых и экон. специальностей. — [Москва]: КонсультантПлюс, 2022. — Вып. 2: Осень 2022. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 01 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2020. — № 11 — Ст. 1416. — ISSN 1560-0580.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 22.11.2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2022. — № 48 — Ст. 8313. — ISSN 1560-0580.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 22.11.2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2022. — № 48. — Ст. 8314. — ISSN 1560-0580.
5. Есина, А. С., Жамкова О. Е. Международные поручения следователя: проблемные вопросы направления и исполнения поручений/А. С., Есина// Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 2. — с. 122-124. — ISSN 2414-3995.

Таким образом, отсутствие указания в уголовно-процессуальном законе и также в двусторонних и многосторонних международных договорах сроков исполнения запросов о правовой помощи в ряде случаев влечет не возможность расследования уголовного дела, установления виновных лиц, постановление справедливого приговора.

Целесообразность законодательного закрепления сроков исполнения запросов о правовой помощи обусловлена тем, что сроки, закрепленные в тексте закона, всегда дисциплинируют субъектов уголовно-процессуальной деятельности. В то же время следует учитывать, что заранее определить период времени, который будет оптимальным для исполнения каждого конкретного запроса о правовой помощи. Срок исполнения подобного запроса зависит от многих факторов, которые нельзя не учитывать. Так, например, срок исполнения запроса зависит от следующих обстоятельств: объема и перечня процессуальных действий, указанных для исполнения; удаленности государств друг от друга; климатических условий; политической ситуации, в которой страны взаимодействия находятся между собой; состояния правового регулирования деятельности по взаимодействию между странами по вопросам о правовой помощи по уголовным делам и от многих других факторов [5, с. 124].

Принципиально важной является необходимость сохранить заключенные договоры международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а также наладить международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства с иными государствами. При определении срока исполнения запросов о правовой помощи важно найти баланс между возможностью установления запрашивающей стороной сроков исполнения запросов о правовой помощи, принятие обозначенных сроков всеми сторонами договора, а также определение контролирующих органов запрашиваемой стороны, на которые необходимо возложить полномочия по контролю исполнения и доставления ответа по запросу о правовой помощи в адрес запрашивающей стороны.

Формы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного и муниципального контроля

Сидорцов Роман Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент;

Танюхина Виктория Викторовна, студент магистратуры

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье рассмотрены правовые аспекты защиты прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей Российской Федерации в сфере государственного и муниципального контроля.

Ключевые слова: форма защиты, судебная защита, государственный контроль, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, административная форма защиты, общественная форма защиты.

Осуществление государственного и муниципального контроля за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей имеет строгую законодательную закрепленность, так, например, согласно положениям Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» действия и решения контрольного (надзорного) органа и его должностных лиц должны быть законными и обоснованными [5].

Но на практике осуществление административных полномочий часто допускает серьезные нарушения закона, что сказывается на репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а иногда делает невозможным осуществление субъектом своей деятельности без помех в будущем.

Защиту прав субъектов предпринимательской деятельности следует понимать как ряд юридических мер по восстановлению или признанию нарушенных или оспариваемых прав, которые осуществляются законодательно установленными способами и в определенных формах.

Объектами такого рода защиты являются права и законные интересы юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В научной юридической литературе под формами защиты подразумевается деятельность уполномоченных государством органов по защите нарушенных и (или) оспариваемых прав. Её суть заключается в том, что лицо, права и законные интересы которого нарушены неправомерными действиями, может обратиться за защитой к государственным или иным компетентным органам, которые уполномочены принять необходимые меры для восстановления нарушенного права либо пресечения правонарушения [7].

Форма защиты прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей определяется исходя из специфики субъекта, осуществляющего защиту таких прав и законных интересов.

Закон указывает нам на существование трех форм защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Согласно положениям Федерального закона 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и му-

ниципальном контроле в Российской Федерации» защита прав юридических лиц, индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля осуществляется путем обжалования решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц в досудебном и (или) судебном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации [5].

Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» выделяет также третью форму защиты, именуемую общественной, находит свое отражение в отдельной статье означенного закона, сущность её заключается в том, что деятельность объединений юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, саморегулируемых организаций, может быть направлена на обеспечение защиты нарушенных прав, что говорит о том, что указанная форма защиты доступна для использования только специальными «коллективными» субъектами права [4].

Так, к примеру, согласно положениям статьи 123.8 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) в организационно-правовой форме ассоциации (союза) создаются, в частности, объединения лиц, имеющие целью координацию их предпринимательской деятельности, представление и защиту общих имущественных интересов, профессиональные объединения граждан, не имеющие целью защиту трудовых прав и интересов своих членов, профессиональные объединения граждан, не связанные с их участием в трудовых отношениях (объединения оценщиков, лиц творческих профессий и другие), саморегулируемые организации и их объединения [2].

Астахова М.А. выделяет также разновидностью общественной формы защиты возможность участия в проверке Уполномоченного при Президенте России по защите прав предпринимателей либо Уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте России [7].

Частью 2 статьи 39 Федерального закона 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» установлено, что обжалование в судебном порядке решений кон-

трольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц возможно только после их досудебного обжалования, за исключением случаев их судебного обжалования гражданами, не осуществляющими предпринимательской деятельности [5].

Досудебная (административная) форма защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей исходя из вышеуказанного положения закона выдвигается законодателем на передний план из чего можно сделать вывод о том, что судебная форма защиты прав, скорее рассматривается как альтернативная.

Административная защита может быть обязательной и альтернативной. При обязательной процедуре административная защита является обязательным досудебным порядком разрешения спора. Несоблюдение указанного порядка влечет ряд негативных процессуально-правовых последствий, препятствующих рассмотрению спора в дальнейшем в судебном порядке.

Административный порядок реализуется посредством обращения с жалобой в вышестоящий орган государственного контроля (надзора) или орган муниципального контроля либо к вышестоящему должностному лицу.

Законом установлено, что контролируемые лица имеют право на досудебное обжалование:

- 1) решений о проведении контрольных (надзорных) мероприятий;
- 2) актов контрольных (надзорных) мероприятий, предписаний об устранении выявленных нарушений;
- 3) действий (бездействия) должностных лиц контрольного (надзорного) органа в рамках контрольных (надзорных) мероприятий.

Правовой основой реализации административной формы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей выступает положение статья 11 ГК РФ, согласно которому защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом. Решение, принятое в административном порядке, может быть оспорено в суде [2].

Параметры реализации указанной формы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей содержатся в главе 9 Федерального закона 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», в которой регулируются, в том числе основные положения о порядке рассмотрения жалобы, требования к форме и содержанию жалобы, виды обжалуемых решений и действий, сроки подачи жалобы, основания отказа в рассмотрении жалобы, перечень которых является исчерпывающим, сроки рассмотрения жалобы и дачи не нее ответа [5].

Конкретный порядок рассмотрения жалобы определяется соответствующими положениями о виде контроля.

Важно в этой связи отметить тот факт, что органы прокуратуры Российской Федерации в установленном порядке осуществляют контроль за реализацией положений Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предприни-

мателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Неблагоприятное состояние законности в сфере деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей требует усиления повышения эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав ее субъектов.

Так согласно пункту 12 Приказа Генпрокуратуры России от 27.03.2009 № 93 «О реализации Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» в случае выявления нарушений закона органами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля прокурорами у данных органов дополнительно запрашиваются сведения о принятых мерах по устранению нарушений и привлечению к ответственности виновных лиц [6].

Судебный порядок защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного и муниципального контроля обусловлен тем, что означенные субъекты правоотношений часто становятся объектами различного рода контрольных мероприятий, проводимой органами государственной власти и местного самоуправления в рамках осуществляемой ими правоохранительными деятельности. К сожалению, на практике имеют место быть случаи нарушения означенными органами прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, что, несомненно, вызывает необходимость их защиты.

В судебном порядке защита осуществляется посредством обращения с соответствующим заявлением в суд общей юрисдикции или арбитражный суд.

Судебный порядок защиты предусматривает разрешение споров путем его рассмотрения в судах общей юрисдикции, арбитражных судах, Верховном и Конституционном судах.

Исковое заявление, смотря от категории спора, может быть подано как в порядке Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), так и в порядке Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ).

Основное бремя по восстановлению нарушений или признанию оспариваемых прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей лежит на арбитражных судах. Это неудивительно, ведь эти суды представляют собой государственный орган, который был создан специально для рассмотрения и разрешения хозяйственных споров между организациями, являющимися юридическими лицами, гражданами, которые занимаются предпринимательской деятельностью без образования юридического лица и имеет статус индивидуального предпринимателя.

Так согласно части 1 статьи 198 АПК РФ граждане, организации и иные лица вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными

решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если полагают, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности [1].

В случае КАС РФ формой обращения выступает административное исковое заявление.

В рамках своих полномочий Конституционный Суд Российской Федерации дает юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям право оспаривать неконституционные акты федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов и обращаться с жалобами в случае нарушения их конституционных прав и свобод.

Исходя из чего отметим, что судебный порядок защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей предусматривает специальный порядок их реализации и соответствующие правовые последствия.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что первоочередными препятствиями в осуществлении деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей нередко являются неправомерные действия должностных лиц государственных и муниципальных органов при осуществлении ими полномочий контроля

(надзора) и изданные в этой связи незаконные правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления, устанавливающие определенные ограничения, а также обязанности, не предусмотренные действующим законодательством.

Исходя из означенной проблемы законодателем было предложено три формы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного и муниципального контроля: административная форма, судебная форма и общественная форма.

В отличие от Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» Федеральный закон 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» установил в качестве основной формы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в административном порядке, детально регламентировав ее параметры. Указанные изменения, устанавливая соответствующие требования, по своей сути, усиливают защиту субъектов предпринимательской деятельности в досудебном порядке, не приводя их долгим судебным тяжбам. Такие совершенствования закона, по моему мнению, являются обоснованными, поскольку устраняют пробельность регулирования административной формы защиты.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 10.01.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.02.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.02.2023).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.03.2023).
4. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2023).
5. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.03.2023).
6. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля (вместе с «Порядком согласования в органах прокуратуры проведения внеплановых выездных проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»): Приказ Генпрокуратуры России от 27.03.2009 № 93 (ред. от 20.04.2022) «О реализации Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2023).
7. Астахова, М. А. Формы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) // «Безопасность бизнеса». 2017. № 1.

Применение насилия в отношении представителя органа власти: уголовно-правовые аспекты противодействия

Степченкова Екатерина Валентиновна, студент

Научный руководитель: Бобраков Игорь Александрович, доктор юридических наук, профессор
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Правовой статус сотрудника власти связан с повышенным риском, именно поэтому гарантии, установленные законодательством, подразумевают безопасность и защиту сотрудника органа власти. Данное понятие закреплено в ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации [4] (далее — УК РФ), устанавливается уголовная ответственность за совершение посягательства на жизнь или здоровье представителя власти, как опасного для жизни и здоровья, так и не опасного. Предусмотренные санкции — штраф, принудительные работы, арест и лишение свободы. Вид наказаний определяется совершенным преступлением и его тяжестью.

Актуальность темы заключается в социальном положении представителей власти, в негативном отношении граждан к данным лицам, а особенно представляют опасность преступные личности. Ст. 317 УК РФ предусматривает посягательство на жизнь и здоровье, так же в этой статье имеется мотив преступления — месть. Применение силы органов представителей власти в отношении к преступникам, в целях защиты себя и граждан, пресечения совершения преступления.

Статистика преступлений в отношении сотрудников правоохранительных органов по данным Судебного департамента Российской Федерации [5], за первое полугодие 2022 г. было осуждено 6875 лица за совершение насилия в отношении представителя власти. За 2021 г. за совершение насилия в отношении представителя власти было осуждено 15606 граждан. За 2020 г. за совершение насилия в отношении представителя власти было осуждено 15054 лица. Таким образом, тенденция совершения преступлений, против сотрудников правоохранительных органов, остается примерно на одном уровне, следует отметить, что большая часть преступлений совершается по ст. 319 Оскорбление представителя власти.

Отметим особенности уголовно-правовой характеристики насилия в отношении представителей власти:

— подрывает общественную безопасность особо явно, так как воздействие идет непосредственно на субъекты, которые охраняют порядок;

— потерпевшие — это непосредственно представители правоохранительных органов или их близкие. Нередко с целью воздействия на сотрудников правоохранительных органов применяется насилие к их близким;

— объективная сторона преступления применение физического, психического насилия и иные виды насилия;

— момент окончания преступления признается момента применения насилия к сотрудникам правоохранительных органов.

При совершении преступлений против сотрудников правоохранительных органов используются методы, которые вызывают состояние, угрожающее жизни, которое может закончиться смертью. Дополнительная квалификация по ст. 111-113 УК РФ в случаях совершения преступления разной тяжести не применяется.

Уголовно-правовым значением обладает, прежде всего, характер, интенсивность и вредоносность применяемого насилия, способ применяемого насилия может быть самым разным. В ч. 1 ст. 318 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за насилие в общем смысле понятия, то есть, физическое, механическое, психологическое и иные виды насилия.

Возраст лиц, совершивших преступления против сотрудников правоохранительных органов, такой же, как и при совершении других преступлений:

— ч. 1 ст. 20 УК РФ — лица, достигшие к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

— ч. 2 ст. 20 УК РФ — уголовная ответственность может наступать по достижению четырнадцати лет.

Субъект преступления — умысел, цель которого негативное воздействие на сотрудников правоохранительных органов. Преступник имеет цель насилия в отношении сотрудника правоохранения. Совершение данных преступлений связано с преступлениями, связанными с несанкционированными митингами. Так же значимая доля совершения преступлений совершается в состоянии алкогольного и иного опьянения.

В связи с обострением политической и экономической обстановки внутри страны увеличивается количество массовых беспорядков, проведение митингов, высказывающих недовольство властью, сотрудники правоохранительных органов чаще подвергаются насилию со стороны протестующих, при попытке урегулировать и прекратить противоправное деяние.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод и вынести предложения по уменьшению количества преступлений против сотрудников правоохранительных органов — введение политики против алкогольной составляющей страны, как отмечалось выше, что большая часть преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Алкоголизация населения очень большая проблема нашей страны, решение которой возможно только на государственном уровне.

В теории рассматриваемого противоправного деяния имеются разногласия в понятии «представитель власти». Например, нет конкретизации рода совершаемого преступления, нередко вводит в заблуждения при вынесении наказания, а также квалификации совершенного преступления. На сегодняшний день встала проблема введения дополнительного нормативно-правового акта, который бы регулировал аспекты правоохранительных органов.

Противодействие применения насилия в отношении представителей власти, следует начинать с проведения политики по правосознанию и морали населения. Низкая осведомленность населения об исходе совершаемого преступления, субъекты преступления зачастую и не знают о наличии в Уголовном кодексе Российской Федерации состава, предусматривающего ответственность за совершение насилия в отношении представителей власти.

Наряду с сознательностью общества необходима практика освещения положений УК об ответственности за преступления против правоохранительных ор-

ганов. Опять же выступает фактором совершения преступлений против правоохранительных органов — алкоголь. По статистическим данным, граждане ввиду мало осведомленности положений УК полагают, что состояние алкогольного опьянения является смягчающим обстоятельством или вовсе отстраняющее от ответственности. УК РФ гласит, что наличие каких-либо факторов опьянения не освобождает от ответственности.

Предупреждение совершения преступлений, а также воспитательная функция являются основными целями и задачами УК РФ. Посягание на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов имеет много негативных последствия, например, при совершении преступлений, преступники могут устранить или нанести вред сотрудникам правоохранительных органов, и завершить начатое преступление.

Таким образом, применение насилия против сотрудников правоохранительных органов представляют огромную опасность, как для самих сотрудников, так и для населения. Так как сотрудники правоохранительных органов являются гарантом порядка и безопасности.

Литература:

1. Красковский, Я.Э. Особенности и проблемные аспекты уголовной ответственности за применение насилия // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2018. Т. 6, № 4 (24) <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525
2. Климина, К.А. Особенности применения насилия в отношении представителя власти/К.А. Климина // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по матер. XVI Международ. научн.-практ. конф. Т. 3 (16). — ООО «Международный центр науки и образования» — 2018. — с. 111-118. Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2018. Т. 6, № 4 (24)
3. Козбаненко, В.А. Иные виды государственной службы — правоохранительная служба: закон и доктрина/В.А. Козбаненко // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 9. — с. 92-101.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954
5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>

Некоторые аспекты применения электронных доказательств в арбитражном процессе

Устюжанина Анастасия Витальевна, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В данной работе исследованы некоторые аспекты оценки электронных доказательств в арбитражном процессе. Исследована роль реализации информационно-коммуникационных технологий в арбитражном процессе. Выявлена нормативно-правовая база, регламентирующая перечень электронных доказательств в арбитражном процессе.

Ключевые слова: электронные доказательства, технологии, нормативно-правовая база, носитель информации, процесс, мессенджер.

Some aspects of the application of electronic evidence in the arbitration process

In this paper, some aspects of the evaluation of electronic evidence in the arbitration process are investigated. The role of the use of information and communication technologies in the arbitration process is investigated. The regulatory framework regulating the list of electronic evidence in the arbitration process has been identified.

Keywords: electronic evidence, technology, regulatory framework, information carrier, process, messenger.

В современных реалиях невозможно представить мир без информационных технологий, ибо их колоссальная полезность и доступность предоставляют комфортное существование общественному организму. Цифровые технологии в геометрической прогрессии с каждым годом напрямую переплетаются с реализацией правовых отношений.

Но в то же время, законодательная регламентация информационно-коммуникативных технологий не всегда идет в ногу со временем. На сегодняшний день существует перечень актуальных аспектов, касательно вопросов, затрагивающих нормативно-правовое регулирование цифровых технологий в арбитражном процессе.

Проблема оценки электронных доказательств, их реализации в арбитражном судопроизводстве выступает наиболее актуальной в современных реалиях.

На сегодняшний день происходит перманентная адаптация и внедрение информационных технологий, а именно, информационных систем в арбитражном процессе. В качестве примера можно привести проект «Мой Арбитр». Содержательная основа данного проекта выражается в дистанционном взаимодействии граждан Российской Федерации с арбитражным судом. При анализе данного информационного сервиса можно выявить, что он предоставляет удобную возможность гражданам рассматривать дело без вызова двух сторон, и для подачи иска можно использовать сервис в режиме онлайн.

Если исследовать аспект оценки электронных доказательств в арбитражном судопроизводстве, то он вызывает целый перечень неразрешённых проблем и является масштабным полем для науки в данной сфере.

При исследовании некоторых аспектов применения электронных доказательств в арбитражном судопроиз-

водстве, является необходимым дать определение термину «электронные доказательства».

Электронными доказательствами выступают документы, которые были получены посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», включая документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в соответствии с ч. 3 ст. 75 АПК РФ.

Исходя из данного определения, можно вычленил тот факт, что Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ регламентирует электронные доказательства в качестве письменных доказательств.

Целесообразным является внесение дополнения в вышеуказанное определение, сущность которого будет выражаться в фактах и сведениях, которые формируются или передаются путем применения ЭВМ.

Под электронными доказательствами зачастую подразумевают документацию электронного формата, иными словами, «сканы». К электронным доказательствам можно отнести переписки в мессенджерах [5, с. 283].

Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 N 252 регламентирует понятие документов электронного формата. В соответствии с п. 1.3 ч. 1, электронным документом является документ, который создан в электронном формате с электронной подписью. Документирование электронного документа на бумажном носителе при этом не является обязательным.

Существует иное определение электронного документа. Электронный документ — это документ электронного формата, который переведен из бумажного носителя

в электронный посредством сканирования, заверенный электронной подписью.

При анализе аспектов терминологии электронных документов, электронных доказательств, можно выявить тот факт, что они вызывают проблемы и неоднозначность в применении понятий.

В современных реалиях в определении вышеуказанных терминов наметилась устойчивая перспектива к более чёткому и однозначному подходу. В особенности, ко всем участникам судебного процесса, и судебскому корпусу.

Спектр доказательств в арбитражном судопроизводстве является открытым. Это факт является положительным, касательно реализации электронных доказательств, учитывая быстроту развития и внедрения информационных технологий [4, с. 39].

Исследуя научные труды, существуют различные подходы к определению электронных доказательств, которые в свою очередь разнятся. Одна сторона ученых склоняется к тому, что будет верным их относить письменным доказательствам в соответствии с действующим законодательством. Вторая сторона считает: данный подход может реализоваться в том случае, когда электронные доказательства выступают плодами мыслительной деятельности или какое-либо отражение реальной деятельности.

Но существуют также мнения, которые указывают, что электронные доказательства необходимо отнести в самостоятельный вид, с точки зрения особенностей носителей информации.

Мы полагаем, вышеуказанная позиция является целесообразной с тем учетом, что на сегодняшний день, информационные технологии стремительно развиваются и проникают во все виды общественных отношений. Но касательно данного аспекта, требуется значительная проработка с точки зрения терминологии и законодательства.

Исследую теоретический аспект электронной подписи, то ее содержательная основа выражается в том, что она представляет собой способ, посредством которого является возможным определить подлинность и достоверность документа электронного характера. Федеральным законодательством регламентирована содержательная основа, касательно понятия и реализации электронной цифровой подписи, а именно, ФЗ «Об электронной подписи».

Суд считает допустимым доказательством, если документ электронного формата зафиксирован электронной подписью, исследуя сформированную судебную практику на сегодняшний день.

Также суд может признать допустимым доказательством электронный документ, заверенный нотариусом, даже в том случае, если электронная цифровая подпись отсутствует.

Так, судебной инстанцией подлежало удовлетворению требование, касательно взыскания компенсации за нарушение исключительных прав, так как были установлены факты нарушения прав ответчиком, и принадлежность вышеуказанных прав истцу в Постановлении

Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 ноября 2014 г. № 17АП-13426/2013-ГК по делу № А60-10411/2013 [2].

Апелляционный суд отклонил жалобу заявителя в отношении того, что истец не предоставил изображения в оригинальном исполнении, так как содержательная основа статьи 75 АПК РФ заключает, что в арбитражный суд могут быть предоставлены, как оригиналы, так и правильно заверенные копии письменных доказательств.

Истец предоставил изображения в виде копий в материалы дела, которые были надлежащим образом заверены, и учитывая все имеющиеся обстоятельства, суд признал вышеуказанные доказательства допустимыми.

В современных реалиях, исходя из сложившейся судебной практики, не существует четкого ответа, касательно оценки электронных доказательств в арбитражном процессе, ибо переписка при помощи электронной почты (email) остается все еще неоднозначной, и даже противоречивой, исследуя позиции судебных инстанций. Хотя одна сторона заключается в том, что если данный способ диалога зафиксирован двумя сторонами в содержательной основе договора, то судебные инстанции признают его в качестве допустимого доказательства [3].

Другая сторона гласит, что переписка электронного формата будет признана судами в том случае, если будет установлено, что электронная переписка признана контрагентами способом обеспечения исполнения договора.

Содержательная конструкция ч. 1-2 ст. 71 АПК РФ включает, что оценка доказательств производится арбитражным судом по личному внутреннему убеждению, которое базируется на объективном и всестороннем анализе доказательств в материалах дела. Также арбитражный суд осуществляет оценку относимости, допустимости и достоверности отдельно взятого доказательства [1, ст. 3012].

Таким образом, является необходимым заключить, что оценку электронных доказательств арбитражный суд осуществляет по критериям относимости, допустимости и достоверности каждого доказательства.

Стоит обозначить тот немаловажный факт, который заключается в том, что необходимо установить достоверность происхождения электронных доказательств, а именно, кому они принадлежат. Суд, опираясь на обстоятельства дела, исследует условия отношения сторон, касательно аспектов о возможности и допустимости применения ими электронных документов.

Наиболее надежным способом способов сделать электронное доказательство допустимым и достоверным в суде, это прибегнуть к помощи нотариуса для заверения.

В заключение, необходимо отметить, в современных реалиях оценка электронных доказательств в арбитражном процессе является сложным процессом для анализа их судебной инстанцией, и принятия решения о достоверности, относимости и допустимости. Данные критерии оценивания могут выполнять свою роль, при условии правильной работы сторон процесса и суда.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3012
2. Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 ноября 2014 г. № 17АП-13426/2013-ГК по делу № А60-10411/2013
3. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 05.08.2014 № Ф03-3226/2014 по делу № А73-12821/2013
4. Котлярова, В.В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе/В.В. Котлярова. — Текст: непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 6. — с. 37-42.
5. Мигаль, И. Н. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в арбитражном процессе/И. Н. Мигаль. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 25 (315). — с. 282-284.

Отказ от ребенка: правовой аспект

Черкасова Елена Викторовна, аспирант
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

В данной статье автор пытается выдвинуть свою субъективную позицию, по поводу отказа от ребенка, с правовой точки зрения. На сегодняшний день, проблема отказа от ребенка стоит остро, потому что на это есть много причин и оснований. Автор, изучив данную тему, предлагает пути совершенствования законодательства в сфере гражданско-правовой ответственности родителей за отказ от ребенка.

Ключевые слова: отказ от ребенка, ребенок-инвалид, родильный дом, права ребенка, дети.

Актуальной проблемой современности до сих пор остается защита прав несовершеннолетних, чьи права нарушаются родителями в случае ненадлежащего исполнения, уклонения от выполнения родительских обязанностей или злоупотребления родительскими правами и обязанностями, жестокого обращения или совершения преступления в отношении детей. В данном случае наступает семейно-правовая ответственность родителей, где к ее мера носят лишение или ограничение родительских прав.

По нашему мнению, государственное воспитание нашей страны создано для помощи родителям вырастить полноценно развитого человека. Семья — основная ячейка общества, где ребенок формируется. Сознание ребенка, его предпочтения, правовая культура, которая формируется по отношению к окружающему миру, создает тот необходимый фундамент, который позволит в будущем характеризовать ребенка гражданином. Ориентируясь на поведение своих родителей, у ребенка складываются определенные политические, моральные, духовные и другие предпочтения. Такие предпочтения позволяют ребенку осознавать свои интересы и искать пути их реализации, в конечном счете.

Проблема заключается в том, что число неблагополучных семей, где родители не могут, а часто и не хотят заботиться о естественных потребностях своих детей, воспитывать их в духе моральных и правовых норм, проявляют безразличие, отрицательно влияют на них своим образом жизни и психологией, с каждым годом растет.

Абсолютное большинство из них — «социальные сироты», т.е. дети, брошенные родителями или отобранные у родителей, не выполняющих своих обязанностей по отношению к ним. Причины — падение социального престижа семьи, ее материальные и жилищные трудности, национальные конфликты, рост внебрачной рождаемости, высокий процент родителей, ведущих асоциальный образ жизни.

Наука семейного права располагает неоспоримым утверждением о том, что лишение родительских прав — это крайняя мера ответственности родителей». Она предполагает наступление неблагоприятных последствий для субъекта, допустившего противоправное поведение. То есть, но сути, является наказанием. Однако нередко по факту реализации действующих в этой сфере семейно-правовых норм «крайняя мера ответственности» трансформируется в крайнюю позицию родительской безответственности. При этом характеристика наступивших последствий для добросовестного родителя как «неблагоприятных» представляется спорной, исходя из законов логики и психологии. Прежде всего, родители, не желающие заботиться о своих детях, в том числе под давлением различных органов, на которые законом возложена обязанность по защите интересов детей, наконец, подтверждают такую возможность официально — их больше не беспокоят ни указанные органы, ни дети. Применение лишения родительских прав возможно только за правонарушение. [1, с. 129]

Кроме того, лишение родительских прав — важное средство воспитательного воздействия и имеет preven-

тивное значение. Виды таких противоправных деяний сформулированы в статье 69 Семейного кодекса РФ.

К ним относятся:

- уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов;
- отказ без уважительной причины взять своего ребенка из родильного дома лечебного, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения и других аналогичных учреждений;
- злоупотребление своими правами;
- жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психологического насилия над ними, покушение на их половую неприкосновенность;
- хронический алкоголизм или наркомания родителей. [2]

Проанализировать данное правовое основание для лишения родительских прав представляется возможным, опираясь на труды ученых-цивилистов, занимающихся исследованием проблемы лишения родительских прав. Отказ забрать своего ребенка без уважительных причин из родильного дома и других подобных организаций вызывал интерес у многих ученых-теоретиков, таких, как А.М. Нечаева, А.Н. Левушкин, О.О. Кузеванова, Т.В. Краснова, И.Ю. Кузнецова, А.Я. Ахмедов и др.

На практике встречаются ситуации, когда родители пытаются уйти от ответственности за содержание ребенка-отказника с синдромом Дауна. В большинстве случаев, при наличии оправдывающих их поступки действий родители считают ребенка с синдромом Дауна умственно неполноценным и рассчитывают на то, что в силу данных обстоятельств их ребенка будет содержать государство. Но не во всех случаях при рождении ребенка с такой патологией можно говорить, что он является инвалидом. В какой-то степени — да, но, если родители приложат усилия для развития такого ребенка, можно достичь и определенных улучшений, связанных со здоровьем ребенка.

Например, ситуация характерна, когда родители запланировали второго здорового ребенка, а в итоге рождается ребенок с синдромом Дауна. После долгих раздумий, родители соглашаются оформить отказ, указывая в заявлении причину — генетическое заболевание синдром Дауна, а также, что супруг матери ребенка является ин-

валидом первой группы по зрению в результате травмы на производстве. Далее в заявлении следует мотивация отказа, что супруги не смогут материально содержать ребенка и дать ребенку необходимый медицинский, профессиональный уход. [3]

Автор предлагает изменить законодательную норму ст. 69 СК РФ, убрать слово об уважительных причинах для отказа, т.к. на наш взгляд не может быть уважительных причин для отказа от ребенка, родители просто обязаны забрать новорожденного ребенка. Верховный Суд не уточняет, какие причины являются уважительными для отказа взять своего ребенка из родильного дома или иной организации. На практике к ним обычно относят: тяжелую болезнь родителей, инвалидность, отсутствие средств к существованию, а также жилья и т.п. Тем временем, лишение родительских прав возможно только при доказанности виновного поведения родителя с учетом характера его поведения, личности и других конкретных обстоятельств. Таким образом, признание причины уважительной должно быть основано на наличии необходимой связи между обстоятельством и отказом взять своего ребенка домой. Добросовестный родитель должен стремиться устранить причину невозможности забрать ребенка из родильного дома или иной организации.

Изложенное позволяет нам сделать вывод, что необходимо внести изменения в ст. 69 СК РФ следующим образом: «Отказывается взять или принять своего ребенка из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или аналогичных организаций и возложить ответственность на сотрудников этих учреждений», т.к. женщина находится в послеродовом шоке. Таким образом, уклонение от выполнения обязанностей родителей является неосуществлением родительских прав. Важно то, что неосуществление прав и неисполнение обязанностей родителей является виновным лишь тогда, когда лицо имело возможность надлежащим образом выстроить взаимоотношения с ребенком. При отказе от исполнения своих обязанностей без уважительных причин родители могут быть лишены родительских прав с сохранением обязанности по содержанию ребенка.

Литература:

1. Алексанян, А. А. Порядок и основания лишения и ограничения родительских прав/А. А. Алексанян // Международная торговля и торговая политика. 2014. № 7. с. 129
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16
3. Лишение родителей ребенка-отказника с синдромом Дауна родительских прав. URL: <https://subscribe.ru/archive/law.russia.advice.elawyer/201001/19135641.html> (дата обращения: 09.03.2022).
4. <https://cyberleninka.ru/article/n/otkaz-ot-rebenka-nravstvennyy-i-pravovoy-aspekt>

Специфика обязательств, возникающих из договора коммерческой концессии (франчайзинга)

Шанаев Олег Викторович, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Представленная статья проливает свет на то, что в общем виде являет собой договор коммерческой концессии (франчайзинг) в России. Вместе с тем приводятся и раскрываются доктринальные и легальные понятия указанной договорной формы общественных отношений. Отмечается специфика обязательств, возникающих из договора коммерческой концессии (франчайзинга). В то же время автор подмечает молчание и темноту отечественного гражданского законодательства, имеющего своей целью регулирование вышеуказанной соглашения. Автор выдвигает значимые и перспективные траектории эволюции Гражданского кодекса Российской Федерации в части регулирования правоотношений, порождаемых и развивающихся в рамках договора коммерческой концессии (франчайзинга).

Ключевые слова: коммерческая концессия, договор коммерческой концессии, франчайзинг, предпринимательский договор, товарный знак.

Переход России с плановой экономики на ее альтернативу — рыночную в 90-е годы прошлого столетия повлек за собой появление целого шлейфа различных, до тех пор не существовавших, способов, форм и моделей осуществления хозяйствующей и иной приносящей доход деятельности. Одним из таких способов ведения деловой активности стал франчайзинг, который подразумевал возмездное срочное предоставление дозволения на использование комплекса исключительных прав, а также результатов интеллектуальной деятельности.

Договорная конструкция коммерческой концессии в РФ представляется рентабельной для каждого из контрагентов сделки. По такому договору вытекает, что одна сторона, именуемая правообладателем, масштабирует свое сетевое коммерческое предприятие посредством усилий и деловой активности другой стороны договора, именуемого пользователем, который в свою очередь обретает право на самостоятельное использование комплексного массива исключительных прав в рамках осуществляемой им хозяйственной деятельности.

Вместе с тем потребитель амортизирует, нивелирует, и, если угодно, смягчает риски ввиду того обстоятельства, связанного с отпадением потребности в осуществлении рекламной кампании и маркетинговой стратегии и обусловленного наличием у правообладателя собственной целевой аудитории — потребительской базы.

Историю внедрения в гражданский и экономический оборот Российской Федерации коммерческой концессии можно проследить, начиная с рассвета 90-х годов минувшего столетия. Договор коммерческой концессии (франчайзинга) нашел свое закрепление в отечественном гражданском законодательстве в главе 54 ГК РФ, которая в разные периоды времени подвергалась редакции.

На законодательном уровне было закреплено содержание понятия договора коммерческой концессии. Так, согласно п. 1 ст. 1027 ГК РФ: «По договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется пре-

доставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау)» [1].

Юридическая литература содержит в своей массе различный спектр определений рассматриваемого в настоящей работе контракта. Кроме всего прочего в ученой среде наблюдается консенсус относительно признания тождества между франчайзингом и договором коммерческой концессии. Как видится, франчайзинг и его отечественный аналог — договор коммерческой концессии имеют применение в целях достижения одной цели, а также они наделены схожими признаками.

Между тем зарубежные партнеры не разделяют выше приведенной точки зрения отечественных ученых относительно идентичности франчайзинга и коммерческой концессии.

Представляется интересным замечание А.П. Сергеева относительно характеристики и содержания договора коммерческой концессии, который считал данный договор как консенсуальный, возмездный и взаимный, который опосредует предоставление комплекса исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации для использования в предпринимательской деятельности» [2, с. 730].

Проведя аналитический разбор рассматриваемого в настоящей работе соглашения, представляется допустимым вывести следующие его особенности:

1. По сфере применимости — договор зачастую используется в предпринимательстве, поскольку основными его акторами являются хозяйствующие субъекты: коммерческие организации и ИП;

2. Объект договора образует комплекс исключительных прав;

3. Подлежащие передаче по договору права дозволяются использовать по целевому назначению, а именно — в сфере предпринимательства;

4. Рассматриваемый договор также обладает специфическим содержанием, к примеру: правообладатель обязуется содействовать различными способами пользователю либо контролировать качество продукта, а пользователю в свою очередь вменяется обязанность неукоснительно соблюдать указания контрагента;

5. Извлекая пользу из полученной совокупности дозволений (прав), пользователь, как участник гражданского оборота, действует от своего имени, то есть имеет свою правосубъектность — самостоятельность;

6. Правообладатель имеет право предусмотреть в договоре правила или оговорки, которые могут ограничивать правомочия контрагента с соблюдением того условия, что они не будут исключать допустимость конкурентирования пользователя с правообладателем и третьими лицами.

Между тем следует напомнить, что отечественное антимонопольное законодательство предусматривает правила, преследующие охранительную функцию, выражающуюся в возможности признать такие ограничивающие положения договора недействительными;

7. Договор коммерческой концессии (франчайзинга) подлежит прохождению процедуры по его государственной регистрации, бремя совершения которой возлагается на правообладателя.

Некоторая часть ученых полагает, что договор, не имеющий регистрации, способен в перспективе породить негативные правовые последствия как для одной стороны, так и для другой. К слову, А. А. Еремин полагает, что это является основанием для злоупотребления правами [3, с. 73-83].

Таким образом правоотношения, порождаемые договором коммерческой концессии надлежащим и достаточным способом и не имеют существенных пробелов в регулировании. Вместе с тем гражданское законодательство имеет все же определенные упушения.

Как видится, приоритет в деле реформирования данных правоотношений должно идти по такому пути:

— необходимо уточнить в рамках антимонопольного законодательства ограничения, налагаемые на пользователя в целях охраны прав и законных интересов пользователя;

— важно предоставить наиболее благоприятные условия для создания привлекательного инвестиционного климата в стране в целях привлечения иностранного капитала;

— требуется создать законодательную базу, содержащую сведения о раскрытии информации на преддоговорной ступени взаимоотношений контрагентов, что позволит предупредить неблагоприятные экономические последствия для пользователей. В то же время представляется важным ввести в действие санкцию об ответственности участников договора на случай совершения правонарушения в части соблюдения конфиденциальности раскрытой информации.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022)
2. Сергеев, А. П. Гражданское право. Том 2.2-е издание. Учебник/А. П. Сергеев. — Москва: «Проспект», 2016. — 867 с.
3. Еремин, А. А. Применение и развитие договора коммерческой концессии в российском и зарубежном законодательстве/Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014 № 4. с. 73-83.

Сравнительно-правовой анализ некоторых аспектов конституционно-правового статуса судей конституционных судов Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан

Шишкин Артем Евгеньевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Работа исследует некоторые аспекты конституционно-правового статуса судей конституционных судов Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, используя, преимущественно, сравнительно-правовой метод. Государства для сравнения выбраны исходя из схожести истории и политико-правовых систем. Для выяснения роли судей конституционных судов даётся краткий обзор различий в конституционно-правовом надзоре между государствами континентальной и англо-саксонской правовой традиции. Исследуется вопрос о сроках пребывания в должности судей конституционных судов указанных государств, делаются сравнения с традициями в англо-саксонской

и романо-германской правовых семьях. Проводится сравнение с аналогичными институтами в международном праве в статусе судей международных судов. Исследуется вопрос детализирования принципа неприкосновенности судей конституционных судов указанных государств, проводятся различия. Делаются обобщающие выводы.

Ключевые слова: конституционный надзор, конституционно-правовой статус судей конституционных судов, конституционное правосудие, сравнительное правоведение.

Comparative legal analysis of some aspects of the constitutional and legal status of judges of the constitutional courts of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan

Shishkin Artem Evgenievich, student master's degree
Saratov State Law Academy

The work explores some aspects of the constitutional and legal status of judges of the constitutional courts of the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan, using mainly the comparative legal method. The states for comparison are selected based on the similarity of history and political and legal systems. To clarify the role of judges of constitutional courts, a brief overview of the differences in constitutional and legal supervision between the states of the continental and Anglo-Saxon legal traditions is given. The states for comparison are selected based on the similarity of history and political and legal systems. The issue of the terms of office of judges of the constitutional courts of these states is investigated, comparisons are made with the traditions in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families. Comparisons are made with similar institutions in international law in the status of judges of international courts. The issue of detailing the principle of immunity of judges of the constitutional courts of these states is investigated, differences are made. Generalizing conclusions are made.

Keywords: constitutional supervision, constitutional and legal status of judges of constitutional courts, constitutional justice, comparative law.

Конституционные суды функционируют во многих государствах мира, а в отдельных странах функции конституционных судов исполняют верховные суды. В тех странах, где функционируют отдельные конституционные суды, предусмотрен особый правовой статус лиц, отправляющих конституционное правосудие — судей конституционных судов.

Вопрос компаративистского исследования правового статуса судей конституционных судов различных стран актуален в контексте совершенствования механизмов регулирования правового статуса судей Конституционного Суда Российской Федерации.

Компаративистские исследования всегда обладают актуальностью, так как позволяют отвлечься от правового идеализма и формально-правового догматизма, которые могут быть присущи правоведам, концентрирующимся на внутринациональном праве. Сравнительно-правовое исследование позволяет рассматривать нормы абстрактно и шире.

Для сравнительного исследования были взяты следующие иностранные государства: Республика Беларусь и Республика Казахстан.

Выбор данных стран для сравнительно-правового исследования объясняется общей историей, схожестью политико-правовых традиций, что повышает актуальность исследования данных стран, а также доступностью нормативно-правовых актов и иных материалов на русском языке.

В Республике Беларусь конституционное судопроизводство осуществляется Конституционным Судом Республики Беларусь. В Республике Казахстан конституционное судопроизводство осуществляется Конституционным Судом Республики Казахстан.

Данные государства, как и Российская Федерация, больше склоняются к континентальной правовой семье. В странах, склоняющихся к континентальной правовой семье (Германия, Италия, Российская Федерация, Франция), предусмотрено наличие конституционных судов, как судебных органов, осуществляющих конституционный надзор. Это отличается от тех стран, которые склоняются к англо-саксонской правовой семье (Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Япония). В этих странах функции конституционного надзора «де-факто» лежат на «обычных» судах, в системе которых, как правило, последней инстанцией выступают верховные суды государств, чье решение становится последним. В связи с этим верховные суды в данных странах осуществляют функции конституционного надзора. В определенном смысле, и «обычные» суды в странах романо-германской правовой семьи тоже осуществляют отдельные черты конституционного надзора, ведь они руководствуются конституциями при вынесении решений. Как правило, конституции в государствах романо-германской правовой семьи обладают прямым действием. Это означает, что любые суды, вне зависимости от того, являются ли суды конституционными или нет, обязаны

руководствоваться конституциями своих государств при вынесении решений. Однако, в Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации в Постановлении от 31.10.1995 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [4] установлены рекомендации при применении судами Конституции. Установлен определенный перечень случаев, когда суды применяют Конституцию Российской Федерации непосредственно. Однако, данный перечень случаев узок. Если у суда возникает неопределенность в вопросе о том, соответствует ли нормативно-правовой акт Конституции, то он обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с соответствующим запросом. В этом проявляется как особая значимость Конституционного Суда в Российской Федерации, так и особая роль судей Конституционного Суда Российской Федерации, которые, в отличие от судей остальных судов, занимаются специфической деятельностью по конституционному надзору, который Верховный Суд Российской Федерации в своём Постановлении «выводит» из-под сферы внимания судей федеральных судов общей юрисдикции.

Каким правовым статусом, при таких обстоятельствах, должны обладать судьи конституционных судов? Должен ли их статус отличаться от судей судов общей юрисдикции? В различных странах на это смотрят по-разному, даже в странах, чьи правовые системы похожи на российскую — в Республике Беларусь и в Республике Казахстан.

Регулирование деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь осуществляется следующими нормативно-правовыми актами: Конституция Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, Законом Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве», Регламентом деятельности Конституционного Суда.

Согласно Конституции Республики Беларусь, судьи Конституционного Суда в количестве двенадцати человек избираются сроком на одиннадцать лет из числа высококвалифицированных специалистов в области права, имеющих, как правило, ученую степень [6]. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей [8] дополняет, что судьи могут избираться на новый срок (ст. 74).

Конституция Республики Казахстан содержит мало норм, посвященных непосредственно судьям Конституционного Суда. Основное регулирование осуществляется специальным конституционным законом о Конституционном Суде Республики Казахстан. Согласно данному закону, судьи Конституционного Суда Республики Казахстан в количестве одиннадцать человек избираются на срок в восемь лет и не могут быть избраны снова [7].

Это отличается от статуса судей Конституционного Суда Российской Федерации, которые не имеют ограничения по сроку пребывания, за исключением предельного возраста по старости (до достижения семидесяти лет).

Наиболее в этом отношении выделяется Республика Казахстан, в которой судьи Конституционного Суда не только имеют довольно короткий срок пребывания (восемь лет), но и не могут избираться снова.

Представляется, что такая практика обеспечивает динамизм в деятельности Конституционного Суда Республики Казахстан.

В Конституционном Суде Республики Беларусь Миклашевич П.П., Бойко Т.С., Данилюк С.Е., Козырева Л.Г., Рябцев Л.М., Сергеева О.Г., Тиковенко А.Г., Чигринов С.П., то есть, восемь человек, осуществляют деятельность в Конституционном Суде Республики Беларусь с 2008 года и с более раннего срока. Четыре человека имеют более короткий срок пребывания [13].

Конституционный Суд Российской Федерации раньше тоже было похоже на конституционные суды Республики Беларусь и Республики Казахстан. Изначально, судьи Конституционного Суда Российской Федерации избирались сроком на двенадцать лет и не могли быть избраны вновь (схожесть с Республикой Казахстан), однако, в результате реформ 2001 и 2004 гг. нормы о сроке пребывания в должности судей Конституционного Суда Российской Федерации были приведены в действующий вид [12].

Как пишет Н.В. Витрук: «подобного рода манипуляции законодателя со сроком полномочий действующих судей, назначенных Советом Федерации, были негативно восприняты общественностью и судебским сообществом как некорректные в правовом отношении» [11]. Несмотря на то, что данный динамизм реформ, возможно, был воспринят негативно, сам по себе формат бессрочности пребывания судей высших судебных органов государства не является исключительным, но больше свойственен странам англо-саксонской правовой традиции (Соединенные Штаты Америки, Австралия, Великобритания, Япония — в данных странах судьи верховных судов избираются бессрочно, как правило, даже без предельного возраста пребывания). В странах континентальной традиции больше распространено ограничение по сроку для судей конституционных судов (Конституционный Суд Германии — двенадцать лет, Конституционный Совет Франции — девять лет, без права переизбрания, Конституционный Суд Испании — девять лет, Конституционный Суд Италии — девять лет). Разворот Российской Федерации к англо-саксонской модели определения сроков занятия должности судьями высших судов в контексте Конституционного Суда, действительно, мог вызывать определенные разночтения. Однако, конституционные суды Беларуси и Казахстана остаются верными континентальными традициям. На мой взгляд, и для России более приемлемым представляется континентальный подход.

Интересно в данном контексте рассмотреть подход, согласно которому определяется статус судей международных судов. Международный Суд ООН состоит из пятнадцати членов, которые избираются Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности на срок девять лет [10]. Международный трибунал по морскому праву состоит

из двадцати одного судьи со сроком полномочий в девять лет с правом переизбрания [14]. Срок полномочий в девять лет, таким образом, можно признать устоявшейся практикой для правового статуса судей международных судов. Наиболее близка к этому Республика Казахстан, которая устанавливает срок полномочий в восемь лет для судей Конституционного Суда Республики Казахстан. Вопрос о том, применимы ли нормы о срочности полномочий судей к судьям конституционных судов является дискуссионным и подлежит разработке и изучению в правоведении. Однако, как можно констатировать, в большинстве стран, которые относятся к романо-германской правовой семье и которые имеют отдельные судебные органы для осуществления функций конституционного надзора, устанавливается определенный срок полномочий для судей конституционных судов. Это вовсе не означает что основы правового статуса судей Конституционного Суда Российской Федерации, которые устанавливают бессрочность занятия полномочий судьи Конституционного Суда (за исключением достижения предельного возраста в семьдесят лет), являются не правильными. Вполне вероятно, именно в российских условиях для обеспечения большей стабильности функционирования Конституционного Суда и не подверженности его практики политической атмосфере норма о бессрочности является оправданной и соответствует характеру общественных отношений.

Затронем тему неприкосновенности судей Конституционных Судов.

В Республике Беларусь вопрос о порядке возбуждения уголовного дела в отношении судьи (в том числе, в отношении судьи Конституционного Суда Республики Беларусь) решается согласно уголовно-процессуальному кодексу [9]. Его нормы (ст. 468.2) гласят, что возбуждение уголовного дела в отношении судьи принимается Генеральным прокурором Республики Беларусь, Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, с предварительного согласия должностного лица, назначившего судью (государственного органа, избравшего его) — то есть, в отношении судьи Конституционного Суда Республики Беларусь — Всебелорусским народным собранием.

В Республике Казахстан судьи Конституционного Суда в течении срока своих полномочий не могут быть задержаны, подвергнуты содержанию под стражей, домашнему аресту, приводу, мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, привлечены к уголовной ответственности без согласия Парламента Республики Казахстан, кроме случаев задержания на месте преступления либо совершения тяжких или особо тяжких преступлений. После регистрации повода к началу досудебного расследования в едином реестре досудебных расследований досудебное расследование в отношении судьи Конституционного Суда Республики Казахстан может

быть продолжено только с согласия Генерального Прокурора Республики Казахстан, который вносит в Парламент Республики Казахстан представление о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности судьи Конституционного Суда. В случаях, когда судья Конституционного Суда задержан на месте преступления либо установлен факт приготовления или покушения на совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, либо им совершено тяжкое или особо тяжкое преступление, досудебное расследование в отношении него может быть продолжено до получения согласия Генерального Прокурора Республики Казахстан, но с обязательным его уведомлением в течение суток. Надзор за соблюдением законности в ходе расследования дела осуществляется Генеральным Прокурором Республики Казахстан.

В России решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации принимается Председателем Следственного комитета Российской Федерации с согласия самого Конституционного Суда Российской Федерации [3]. Это интересный подход. Сам Конституционный Суд решает вопрос о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи Конституционного Суда. В таком контексте судьи Конституционного Суда Российской Федерации представляются наиболее «защищенными» от уголовного преследования, в то время, как судьи Конституционного Суда Республики Казахстан наименее из стран, рассматриваемых в рамках данной статьи. Помимо того, что решение о даче согласия на возбуждение уголовного дела в данных странах принимается представительными органами — органами более политизированными и большими по численности (что снижает уровень осознания личной индивидуальной ответственности за решения), так ещё и предусматривается более упрощенный порядок уголовного преследования по подозрению в совершении тяжкого или особо тяжкого преступлений в Казахстане.

Ещё одна интересная особенность — на судей Конституционного Суда Республики Казахстан не могут быть наложены дисциплинарные взыскания (ч. 3 ст. 11 конституционного закона о Конституционном Суде Республики Казахстан). В России и Беларуси на судей конституционных судов могут быть наложены дисциплинарные взыскания (и в той, и в другой стране — предупреждение или прекращение полномочий (освобождение от должности)). И в России, и в Беларуси вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности решают сами конституционные суды.

Подводя итог, следует отметить, что правовые статусы судей конституционных судов России, Беларуси, Казахстана имеют свои особенности. Наиболее интересным представляется то обстоятельство, согласно которому судьи Конституционного Суда Российской Федерации избираются бессрочно, что идёт вразрез с устоявшейся континентальной традицией, и больше напоминает англо-саксонский подход. В целом, правовые статусы судей конституционных судов России и Беларуси более

похожи, а в Республике Казахстан можно отмечать интересные особенности, как те, что касаются более упрощенного порядка производства по уголовному делу по признакам тяжкого или особо тяжкого преступления, так и освобождение судей Конституционного Суда от возможности несения дисциплинарной ответственности. Российские судьи Конституционного Суда Российской Федерации выглядят наиболее «неприкосновенными», «защищёнными». У них нет ограничения по сроку пребывания (за исключением предельного возраста в семьдесят лет), и вопрос о согласии на возбуждение уголовного дела в отношении их решает сам Конституционный Суд Российской Федерации. Судьи Конституционного Суда Республики Казахстан выглядят менее «защищёнными».

Если судьи Конституционного Суда Республики Казахстан подозреваются в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, то согласие Парламента Республики Казахстан на привлечение их к уголовной ответственности не требуется. В таком случае досудебное расследование в отношении судьи может быть продолжено даже до получения согласия Генерального Прокурора Республики Казахстан, но с его обязательным уведомлением в течение суток.

Безусловно, данные оценки являются условными и относительными. Судьи Конституционного Суда Республики Казахстан значительно защищены и Конституцией, и законом, как и судьи Конституционного Суда Республики Беларусь.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, N 0001202210060013
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 13, 25.07.94, ст. 1447
3. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 19.12.2022) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, N 26, ст. 2399; 2001, N 51, ст. 4834; 2004, N 35, ст. 3607
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС Консультант-Плюс.
5. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996 г., № 4, ст. 217
6. Конституция Республики Беларусь (действующая редакция с последними изменениями от 22.02.2022 г.) // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (Дата обращения: 24.02.2023 г.).
7. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 153-VII «О Конституционном Суде Республики Казахстан» // «Ведомости Парламента Республики Казахстан» № 21 (2862), 2022 г.
8. Кодекс Республики Беларусь от 29 июня 2006 года № 139-З «О судоустройстве и статусе судей» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.06.2022 г.) // Включен в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 05 июля 2006 года, № 107, 2/1236
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.07.2022 г.) // «Ведомасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь» от 25 августа 1999 г., № 28-29, ст. 433
10. Афанасьев, М. А., Голубева Т. Ю. Международный Суд ООН // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4-3.
11. Витрук, Н. В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. № 10. с. 119-133. с. 120.
12. Щербакова, И. А. Нормативное регулирование конституционного принципа несменяемости судей // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 4.
13. Состав судей Конституционного Суда Республики Беларусь // Официальный Интернет-портал КС РБ. URL: <http://www.kc.gov.by/%D0%A1%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2> (Дата обращения: 24.02.2023 г.).
14. Состав суда // Официальный Интернет-портал Международного суда по морскому праву. URL: <https://www.itlos.org/en/main/the-tribunal/members/>

Особенности обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество

Шишкина Екатерина Михайловна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Правом распоряжаться своим имуществом в нашей стране обладает каждый дееспособный гражданин. В том числе правом передать в залог свое имущество для получения заемных средств. При непогашении же кредита в установленные соответствующим договором сроки на данное имущество может быть обращено взыскание. Юридически обращение взыскания на заложенное имущество регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Федеральным законом от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

В частности, статьей 349 Гражданского кодекса Российской Федерации регламентирован следующий порядок обращения взыскания на заложенное имущество.

Обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется по решению суда, если соглашением залогодателя и залогодержателя не предусмотрен внесудебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество.

Если соглашением сторон предусмотрен внесудебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество, залогодержатель вправе предъявить в суд требование об обращении взыскания на заложенное имущество. В этом случае дополнительные расходы, связанные с обращением взыскания на заложенное имущество в судебном порядке, возлагаются на залогодержателя, если он не докажет, что обращение взыскания на предмет залога или реализация предмета залога в соответствии с соглашением о внесудебном порядке обращения взыскания не были осуществлены в связи с действиями залогодателя или третьих лиц.

При обращении взыскания и реализации заложенного имущества залогодержателем и иными лицами должны быть приняты меры, необходимые для получения наибольшей выручки от продажи предмета залога. Лицо, которому причинены убытки неисполнением указанной обязанности, вправе потребовать их возмещения.

Удовлетворение требования залогодержателя за счет заложенного имущества без обращения в суд (во внесудебном порядке) допускается на основании соглашения залогодателя с залогодержателем, если иное не предусмотрено законом.

Взыскание на предмет залога может быть обращено только по решению суда в случаях, если:

— предметом залога является единственное жилое помещение, принадлежащее на праве собственности гражданину, за исключением случаев заключения после возникновения оснований для обращения взыскания соглашения об обращении взыскания во внесудебном порядке;

— предметом залога является имущество, имеющее значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества;

— залогодатель — физическое лицо в установленном порядке признано безвестно отсутствующим;

— заложенное имущество является предметом предшествующего и последующего залогов, при которых применяются разный порядок обращения взыскания на предмет залога или разные способы реализации заложенного имущества, если соглашением между предшествующим и последующим залогодержателями не предусмотрено иное;

— имущество заложено в обеспечение исполнения разных обязательств нескольким залогодержателям, за исключением случая, когда соглашением всех созалогодержателей с залогодателем предусмотрен внесудебный порядок обращения взыскания.

Законом могут быть предусмотрены иные случаи, в которых обращение взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке не допускается.

Соглашения, заключенные с нарушением вышеуказанных требований, ничтожны.

Стороны вправе включить условие о внесудебном порядке обращения взыскания в договор залога.

Соглашение об обращении взыскания во внесудебном порядке на заложенное имущество должно быть заключено в той же форме, что и договор залога этого имущества.

Обращение взыскания на предмет залога по исполнительной надписи нотариуса без обращения в суд допускается в порядке, установленном законодательством о нотариате и законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства, если договор залога, содержащий условие об обращении взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке, удостоверен нотариально.

Соглашение об обращении взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке должно содержать указание на один способ или несколько способов реализации заложенного имущества, предусмотренных ГК РФ, а также стоимость (начальную продажную цену) заложенного имущества или порядок ее определения.

В случае, если соглашение об обращении взыскания на заложенное имущество предусматривает несколько способов реализации заложенного имущества, право выбора способа реализации принадлежит залогодержателю при условии, что соглашением не предусмотрено иное.

Если обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется во внесудебном порядке, залогодержатель или нотариус, который производит обращение взыскания на заложенное имущество в порядке, установленном законодательством о нотариате, обязан направить залогодателю, известным им залогодержателям, а также должнику уведомление о начале обращения взыскания на предмет залога.

Реализация заложенного имущества допускается не ранее чем через десять дней с момента получения залогодателем и должником уведомления залогодержателя или нотариуса, если иной срок не предусмотрен законом, а также если больший срок не предусмотрен соглашением между залогодержателем и залогодателем. В случаях, предусмотренных банковским законодательством, реализация заложенного движимого имущества может быть осуществлена до истечения указанного срока при существенном риске значительного снижения стоимости предмета залога по сравнению с ценой реализации (начальной продажной ценой), указанной в уведомлении.

В соответствии со статьей 78 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется по исполнительному документу — судебному акту, исполнительному листу, исполнительной надписи нотариуса.

Судебный пристав-исполнитель на основании исполнительной надписи нотариуса:

1) изымает предмет залога у залогодателя или, если предметом залога является недвижимое имущество, принимает постановление о наложении ареста на предмет залога и направляет это постановление в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, для регистрации ареста в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, в отношении воздушного судна, подлежащего государственной регистрации, в Едином государственном реестре прав на воздушные суда, в отношении морского судна, судна внутреннего плавания, подлежащих государственной регистрации, в соответствующем реестре судов Российской Федерации или судовой книге, принимает меры по охране такого объекта недвижимости либо, если предметом залога являются ценные бумаги, налагает арест в соответствии со статьей 82 Федерального закона «Об исполнительном производстве»;

2) передает соответствующие предмет залога или документы залогодержателю для последующей реализации заложенного имущества в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

На основании ходатайства залогодержателя судебный пристав-исполнитель осуществляет реализацию предмета залога в порядке, установленном Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Если взыскание на имущество обращено для удовлетворения требований залогодержателя, то взыскание

на заложенное имущество обращается в первую очередь независимо от наличия у должника другого имущества. Обращение взыскания в пользу залогодержателя на заложенное имущество может производиться без судебного акта об обращении взыскания.

В случае же обращения взыскания на долю в недвижимом имуществе, находящуюся в залоге, следует обратиться к статьям 250 и 255 Гражданского кодекса Российской Федерации.

При продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях, кроме случая продажи с публичных торгов, а также случаев продажи доли в праве общей собственности на земельный участок собственником части расположенного на таком земельном участке здания или сооружения либо собственником помещения в указанных здании или сооружении.

Публичные торги для продажи доли в праве общей собственности при отсутствии согласия на это всех участников долевой собственности могут проводиться в случаях, предусмотренных частью второй статьи 255 ГК РФ, и в иных случаях, предусмотренных законом.

Продавец доли обязан известить в письменной форме остальных участников долевой собственности о намерении продать свою долю постороннему лицу с указанием цены и других условий, на которых продает ее.

Если остальные участники долевой собственности не приобретут продаваемую долю в праве собственности на недвижимое имущество в течение месяца, а в праве собственности на движимое имущество в течение десяти дней со дня извещения, продавец вправе продать свою долю любому лицу. В случае, если все остальные участники долевой собственности в письменной форме откажутся от реализации преимущественного права покупки продаваемой доли, такая доля может быть продана постороннему лицу ранее указанных сроков.

Кредитор участника долевой или совместной собственности при недостаточности у собственника другого имущества вправе предъявить требование о выделе доли должника в общем имуществе для обращения на нее взыскания.

Если в таких случаях выделение доли в натуре невозможно либо против этого возражают остальные участники долевой или совместной собственности, кредитор вправе требовать продажи должником своей доли остальным участникам общей собственности по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга.

В случае отказа остальных участников общей собственности от приобретения доли должника кредитор вправе требовать по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации
2. Федеральный закон от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»
3. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»

Недействительность сделок по делам о несостоятельности (банкротстве)

Штомпель Юлия Николаевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье автором проводится анализ ключевых направлений гражданско-правового воздействия на общественные отношения в сфере несостоятельности (банкротства), в частности недействительности сделок и особенности их оспаривания.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, оспаривание сделок, недействительность сделок, сделки при банкротстве, сделки при несостоятельности

В 2013 г. нормы о злоупотреблении правом были впервые изменены [4]. Вследствие таких изменений появилось множество судебных решений, развивающих положения законодательства и теории на практике.

Так, например, согласно Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 260 [8] по требованию арбитражного управляющего или кредитора о признании недействительной сделки, совершенной со злоупотреблением правом (ст. ст. 10 и 168 ГК РФ) до или после возбуждения дела о банкротстве, исковая давность в силу п. 1 ст. 181 ГК РФ составляет три года. Отдельные авторы вследствие этого даже отмечают, что в современной судебной практике случаев злоупотребления права как юридического прецедента уже избыток [1].

В целом из ст. 168 ГК РФ, следует, что сделка, не соответствующая требованиям закона, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима. В целях препятствия избыточному применению института недействительности сделок в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» [9] (п. 8) содержится предупреждение, что действия по признанию недействительности сделки тоже могут быть признаны недобросовестными. Таким образом, в механизме правового регулирования гражданское право занимает ключевую позицию, проникая в сферу публичного права, тесно взаимодействуя с другими отраслями системы российского права.

Сделка считается недействительной, если в ней нарушено одно из условий, требуемых законом. Чтобы сделка была признана юридически правильной, необходимо соблюдение нескольких условий: содержание сделки не нарушает требований закона и подзаконных правовых актов (инструкций, положений). Результат сделки также не должен противоречить нормам законодательства.

Согласно п. 1 ст. 166 ГК РФ, недействительная сделка может иметь две характеристики.

Оспоримая сделка, противоправность которой должна быть доказана в судебном порядке. Если одна из сторон или контролирующий орган выявили нарушение требований закона или правовых актов при заключении соглашения, недействительность сделки доказывается в суде. Ничтожная сделка изначально заключается с нарушением правовых норм и на этом основании может быть признана недействительной без судебного разбирательства. Основные квалификации, по которым сделка может быть признана ничтожной, установлены в ст. 167 ГК РФ. Сделка, которая совершена с существенным нарушением норм законодательства, признается недействительной в досудебном порядке. Основное отличие между ничтожностью и оспоримостью в том, что ничтожная сделка является недействительной сразу, так как была заключена с нарушением законодательства.

Недействительность оспоримой сделки устанавливается судом по исковому заявлению одной из сторон.

Согласно ст. 166 ГК РФ, признание сделки недействительной, независимо от того оспорима она или ничтожная, производится по требованию одной из сторон. В случаях, когда сделка оспаривается в интересах третьих лиц, она также может быть признана недействительной в судебном порядке. Для признания недействительности суд должен установить, что в результате сделки нарушаются права или охраняемые интересы третьих лиц. Правовым основанием для рассмотрения дела о недействительности сделки выступают различные законодательные акты.

Любая форма недобросовестного поведения наказуется в равной степени — отказом в защите права. Злоупотребление при банкротстве не исключение. Однако в рамках процедуры несостоятельности множественный

интерес предопределяет необходимость применения иных средств противодействия.

Многие учёные, как В.В. Бирклей [2], Н.А. Шибанов [13] и другие занимались исследованием проблем недействительности сделок должника в процедуре банкротства как механизма защиты прав кредиторов против неправомерных действий по выводу активов должника, предлагались различные способы совершенствования нормативного регулирования этой области права. Анализ норм действующего законодательства РФ показывает наличие двух групп оснований, по которым сделки должника могут быть оспорены:

- содержащиеся в параграфе 2 главы 9 ГК РФ [3];
- закрепленные в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. [12].

К специальным основаниям оспаривания действий должника при его несостоятельности закон относит следующие:

- случаи, когда другая сторона сделки осуществила неравное по цене встречное предоставление по обязательству,
- сделки заключены, чтобы нанести ущерб имущественным правам кредиторов,
- сделка может привести к установлению преимущества одного кредитора перед другими.

Раньше круг лиц, которые могли оспорить сделку должника в процессе банкротства, был ограничен только арбитражными управляющими. Некоторые авторы обращали внимание на недопустимость ограничения прав кредиторов для защиты своих нарушенных прав. В случае, если арбитражный управляющий не предпринимает мер для оспаривания сделок, то кредиторы могут обжаловать его бездействие и потребовать отстранения управляющего от исполнения его обязанностей, однако это является неэффективным способом защиты прав кредиторов.

В настоящее время существенно расширен перечень заявителей, обладающих возможностью подать в суд требование о признании сделок должника, не соответствующими специальному закону. Такое право предоставлено конкурсному кредитору, которому принадлежит более десяти процентов от всего объема кредиторской задолженности должника, а также любому гражданину, наделенному решением кредиторов полномочиями на обращение в суд, если управляющий не исполнит такое решение в положенный срок.

Увеличение числа лиц, обладающих правом обратиться в суд с целью оспорить сделки должника при его несостоятельности, существенно расширяет возможности самостоятельной защиты кредиторами своих прав, снижает их зависимость от добросовестности исполнения обязанностей арбитражными управляющими.

Однако возможность использовать специальные основания признания сделок должника незаконными появляются у арбитражного управляющего, кредиторов и уполномоченных органов только после установления

к должнику внешнего управления или конкурсного производства.

Многие авторы отмечали негативный характер отсутствия законодательного регулирования порядка оспаривания действий должника, совершенных им накануне банкротства, а также в период наблюдения или финансового оздоровления. Возможность оспорить сделки по выведению активов должника только при рассмотрении дела о его несостоятельности существенно уменьшает способы защиты прав кредиторов.

Профессор О.М. Свириденко [11] отмечал безусловную пользу наличия возможностей признания сделок должника незаконными вне рамок банкротства, которая, по его мнению, заключается в том, что появляется вероятность оперативно вернуть недобросовестно выведенные активы еще до признания должника банкротом.

Стоит согласиться с мнением указанных авторов о необходимости четкого законодательного урегулирования порядка оспаривания действий должника до начала его банкротства, чтобы избежать злоупотреблений, как со стороны должника, арбитражного управляющего, так и со стороны кредитора.

Полагаем, до начала процедуры банкротства должника его сделки могут быть оспорены в соответствии с общегражданскими нормами признания сделок недействительными, прежде всего, как сделок, нарушающих требования закона, в том числе принципа добросовестности поведения участников гражданских отношений, а также как мнимые сделки, формально совершенные, но без намерения их исполнять.

В рамках рассмотрения дела о несостоятельности должника при введении в отношении него внешнего управления или при признании его банкротом появляются специальные возможности для признания сделок должника незаконными, при этом сохраняется возможность применения общегражданских оснований недействительности сделок.

Данные выводы подтверждаются разъяснениями высших судебных инстанций. Высший Арбитражный Суд РФ разъяснил [7], что специальные основания недействительности сделок должника и порядок их признания недействительными регулируются Законом о банкротстве, такие сделки являются оспоримыми. Это не лишает суд возможности при наличии соответствующих оснований признавать ничтожной сделку, при совершении которой её участниками было допущено недобросовестное поведение.

При этом суд может применить общие положения о ничтожности к сделкам должника, только в случае если имеются основания, которые выходят за рамки тех злоупотреблений, которые уже есть в Законе о банкротстве [10].

Необходимо отметить, что практически это сделать крайне трудно, поскольку в указанном законе отражены все наиболее возможные признаки злоупотребления со стороны должника.

Поэтому в делах о несостоятельности существуют многочисленные решения судов об отказе в признании ничтожными сделок должника в связи со злоупотреблением правом. Так, при рассмотрении одного из дел кассационный суд отметил, что заявитель просил признать сделку незаконной, одновременно по специальным и общим основаниям, хотя ссылаясь на одни и те же обстоятельства, что недопустимо. Поэтому он признал верными выводы нижестоящих судов о том, что нарушения, на которые ссылался заявитель, относятся к подозрительным сделкам должника, поэтому отсутствуют основания для признания оспариваемого акта взаимозачета ничтожным по общегражданским основаниям [6].

Существуют также судебные акты о признании ничтожными сделок должника при его банкротстве, например, при наличии в них признаков мнимости. При этом суды отмечают, что наличие общих оснований недействительности сделки исключает возможность её оспаривания по специальным основаниям [5].

Несмотря на отсутствие детального законодательного урегулирования некоторых вопросов, затронутых в настоящей статье, следует признать, что сегодня имеется возможность оспаривания сделок должника по общегражданским основаниям вне рамок его несостоятельности, которые в процессе банкротства должника дополняются достаточно широкими специальными основаниями.

Литература:

1. Бабанова, Е. С. Сделка как основная форма злоупотребления правом в делах о банкротстве // Вестник науки. 2019. Вып. 1. № 6 (15). с. 234-236.
2. Бирклей, В. В. Граница между специальными и общими основаниями оспаривания сделок в банкротстве: вопросы теории // Вопросы Российской юстиции. 2022. № 17 (223–234).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гурылева, К. И. Конфликт интересов как причина злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. 2022. № 5 (544). с. 88-95.
5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.09.2022 № Ф06–69099/2020 по делу № А65–38210/2019 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.02.2023)
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.10.2022 № Ф06–23717/2022 по делу № А55–32251/2019 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.02.2023)
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.02.2023)
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 60 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)». [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.02.2023)
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I ч. первой Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.02.2023)
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.06.2014 № 10044/11 по делу № А32–26991/2009 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.02.2023)
11. Свириденко, О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2 (111) февраль (105–112).
12. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
13. Шибанов, Н. А. Правовая природа недействительности сделок должника юридического лица в процедуре банкротства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-4 (212–216).

Практические проблемы защиты и реализации прав и законных интересов граждан, возникающие в ходе доследственной проверки

Шуст Александр Михайлович, студент магистратуры
Севастопольский государственный университет

В статье описываются проблемы защиты и реализации прав и законных интересов лиц, участвующих (привлекаемых) в ходе уголовного судопроизводства на стадии проверки сообщения о преступлении. По мнению автора одной из основных причин, способствующей указанным в статье проблемам, является отсутствие у лиц, участвующих в процессуальных действиях, процессуального статуса и законодательно сформулированных для них прав, в частности лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. В статье указаны на иные пробелы уголовно-процессуального характера, которые позволяют следователю (дознавателю) вполне законно (безнаказанно) создавать трудности по защите и реализации своих прав лицам, участвующим на этой стадии уголовного судопроизводства. В статье описаны проблемы привлечения адвоката на стадии проверки сообщения о преступлении вследствие различных факторов, основным из которых является отсутствие у участников процессуального статуса, и, как следствие, возможность следователя (дознавателя) действовать по «внутреннему убеждению».

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, защита прав и законных интересов, дознаватель, следователь, защитник, адвокат, уголовно-процессуальный кодекс, стадия возбуждения уголовного дела, процессуальный статус, процессуальные действия.

Practical problems of protection and implementation of the rights and legitimate interests of citizens arising during the pre-investigation check

The article describes the problems of protection and realization of the rights and legitimate interests of persons participating (involved) in criminal proceedings at the stage of verification of a crime report. According to the author, one of the main reasons contributing to the problems indicated in the article is the lack of procedural status and legally formulated rights for the persons involved in the procedural actions, in particular the person against whom the crime report is being checked. The article points to other gaps of a criminal procedural nature that allow the investigator (inquirer) to legitimately (with impunity) create difficulties in protecting and exercising their rights to persons participating in this stage of criminal proceedings. The article describes the problems of attracting a lawyer at the stage of checking a crime report due to various factors, the main of which is the lack of procedural status of the participants, and, as a consequence, the ability of the investigator (inquirer) to act on «inner conviction».

Keywords: checking a crime report, protection of rights and legitimate interests, inquirer, investigator, defender, lawyer, Criminal Procedure Code, the stage of initiation of a criminal case, procedural status, procedural actions.

На современном этапе развития России в области уголовной политики одним из приоритетов является защита и реализация прав и свобод лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Начальной стадией уголовного судопроизводства является стадия возбуждения уголовного дела, которая отражена в разделе VII Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) [2]. Первым этапом данной стадии является проведение в порядке статьи 144 УПК РФ проверки сообщения о преступлении. Как указывает Л.Р. Комарова, самостоятельной целью проверки сообщения о преступлении является установление наличия либо отсутствия достаточных данных для возбуждения уголовного дела [9, с. 285-286]. Именно на данном этапе возникают первые правоотношения в рамках уголовного судопроизводства между следователем (дознавателем) и заявителем, очевидцем, лицом, заподозренным в совершении преступления, а также, возможно, и адвокатом. Возникновение начальных правоотношений

одновременно порождают права и обязанности указанных участников. Изначально, в более «привилегированном» положении по отношению к другим участникам данной стадии находится следователь (дознаватель), наделённый определёнными как правами, так и обязанностями. Если не рассматривать порочную практику правоохранительной системы о неограниченном сроке проверки сообщения о преступлении посредством ч. 6 ст. 148 УПК РФ, законодатель предоставляет следователю (дознавателю) согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ всего 3 дня для принятия процессуального решения в рамках ч. 1 ст. 145 УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ срок проверки обоснованно может быть продлён до 10 и до 30 суток.

Однако, довольно ограниченный законодателем срок проверки сообщения о преступлении приводит к тому, что со стороны следователя (дознавателя) на данном этапе нередки случаи полного или частичного неисполнения своих обязанностей по отношению к другим участникам

правоотношений, а также ограничению и не предоставлению этим лицам их законных прав. По мнению большинства экспертов, в том числе и в адвокатском сообществе, одной из основных причин, способствующей такой ситуации, является отсутствие у указанных субъектов правоотношений процессуального статуса и тем самым отсутствие четко сформулированных прав, а также, отсутствие самой возможности приобретения такого процессуального статуса, в частности лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ такового понятия, его определение исходя из ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ сжато можно сформулировать так: лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении — это лицо, с участием которого производятся процессуальные действия, направленные на установление его причастности к совершению преступления.

Возникновение статуса (вне процессуального) у лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, тесно связано с производством процессуальных действий в отношении него, в связи с подозрением в совершении преступления. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 года № 9 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [3], касаясь пункта 17 указано, что в соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции России [1] и на основании п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица.

Однако, так как процессуальный статус лица, в отношении которого проводится проверка, законодателем не определен, то с уголовно-процессуальной точки зрения отсутствует «объект защиты». Как справедливо отмечают Ю.А. Ляхов и Ю.Б. Чупилкин: «в уголовном процессе, как для правоприменителей, так и для лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений, является очень важным точное и четкое определение процессуального положения конкретного участника. И делается это для обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [10, с. 14-16].

В качестве обязательного условия возникновения права на адвоката как защитника законодатель связывает с производством процессуальных действий или принятия процессуального решения, которое затрагивает права, интересы и свободы данного лица. Получается данное право возникает только при производстве процессуальных действий, перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, и только в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают права и свободы лица, заподозренного в преступлении.

Однако, адвокат может представлять интересы не только лица, которого заподозрили в совершении преступления, но и других лиц, с участием которых производятся процессуальные действия, направленные на установление обстоятельств преступления, а принимаемые процессуальные решения затрагивают и их интересы. То есть, адвокат также может представлять интересы:

— заявителя о преступлении, жертвы преступления, потерпевших от предполагаемого преступления.

— гражданского истца — лица, которому причинён материальный ущерб предполагаемым преступлением.

— свидетеля, очевидца преступления — лица, которому могут быть известны сведения о предполагаемом преступлении.

— иных лиц, принимающих участие в стадии проверки сообщения о преступлении, права и свободы которых затрагиваются проводимыми следственными или иными процессуальными действиями.

Следовательно, с началом уголовно-процессуальных отношений адвокат, отстаивая процессуальные права и интересы своих доверителей, в любом случае реализует защитительные функции, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. В этом смысле можно согласиться с мнением М.М. Выдри, который указывал: «защиту следует рассматривать как функцию, призванную ограждать от нарушений не только права обвиняемого (подозреваемого) и того, кто несет за него материальную ответственность, но и потерпевшего, гражданского истца, свидетеля» [11, с. 15].

Как следствие, было бы логично, что, если в ходе проверки сообщения о преступлении предпринимаются меры ограничивающие права и свободы лиц, с участием которых она проводится, законодателю следовало бы предоставить соответствующий механизм защиты (реализации прав) для таких лиц при проведении этих процессуальных действий. Одним из таких механизмов от законодателя для указанных лиц мог бы стать механизм реализации их права на квалифицированную юридическую помощь, посредством участия адвоката, в качестве лица, гарантирующего законность в ходе проведения процессуальных действий.

Адвокат, принимая участие по защите и реализации прав и свобод в интересах представляемого им лица, вправе использовать полномочия, предоставленные ему УПК РФ, а также Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ [4].

Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитник — лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В тоже время адвокат, принимающий участие на стороне лица, заподозренного в совершении преступления, будет являться защитником (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), а значит должны распространяться гарантии, предусмотренные ст. 48 Конституции России, в частности, на получение бесплатной

квалифицированной юридической помощи, предусмотренной Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [5], а именно, на бесплатное участие адвоката-защитника на этой стадии уголовного судопроизводства. К сожалению, законодательно не предусмотрена реализация данного права.

Иногда, в отсутствие адвоката-защитника со стороны заподозренного лица не заинтересованы и сами дознаватели, проводящие проверку сообщения о преступлении, т.к. собранная доказательная база в последующем, с появлением адвоката на стадии предварительного расследования и в суде, может быть признана в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ как недопустимыми доказательствами. В связи с чем, не единичны случаи обращения в Адвокатские палаты субъектов России запросы от следователей (дознавателей) о назначении адвокатов заподозренному на этапе проверки сообщения о преступлении.

Подробно об этом разъяснила Адвокатская палата Ростовской области (далее по тексту — АПРО) в своём решении от 30 октября 2020 года «Разъяснения по вопросу возможности участия адвоката в качестве защитника на стадии проверки сообщения о преступлении по назначению дознавателя или следователя» [8]. В описательной части данного решения АПРО отражено: «Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает возможность участия адвоката в качестве защитника по назначению дознавателя (следователя)», далее указано: «Защитником на стадии досудебного производства является адвокат, осуществляющий в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающий им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (ч. 1 и ч. 2 ст. 49 УПК РФ)».

Следовательно, не обладающее статусом подозреваемого или обвиняемого заподозренное в совершении преступления лицо, в отношении (с участием) которого следователь (дознаватель) может проводить процессуальные действия, предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ, на стадии досудебной проверки не может рассчитывать от Государства на бесплатную квалифицированную юридическую помощь, посредством предоставления адвоката по назначению. В то же время, самостоятельно среднестатистическому гражданину без защитника-адвоката практически невозможно оценить соблюдаются ли в отношении него правоохранительными органами нормы закона, регламентирующие порядок и пределы действий (полномочий) должностных лиц органа дознания, а также, его возможность реализовать свои законные права.

В итоге можно обозначить некоторые практические проблемы реализации права на участие адвоката-защитника в ходе досудебной проверки:

Во-первых, механизм появления защитника на стадии проверки сообщения о преступлении вызывает трудности, поскольку должностные лица, проводящие проверку сообщения о преступлении, не заинтересованы

в участии защитника на стороне лица, которого они изобличают в совершении преступления, тем более, если изначально нет наличия очевидных признаков преступления для формирования доказательной базы.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 506-О [6] указано, что право пользоваться помощью адвоката (защитника), согласно Постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года № 11-П, принадлежит каждому лицу с момента, когда в отношении него в уголовном судопроизводстве начинает осуществляться публичное уголовное преследование в любых его формах, а также когда в целях его изобличения производятся те или иные следственные действия или предпринимаются меры принудительного характера, реально ограничивающие свободу и личную неприкосновенность лица, независимо от его процессуального статуса (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2007 года № 417-О-О и от 17 февраля 2015 года № 415-О).

Несмотря на зафиксированное право участия адвоката-защитника с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в УПК РФ нет механизма приглашения (привлечения) адвоката-защитника лицу, которое изъявило данное желание. Исключением являются случаи приглашения заподозренного лица повесткой с указанием даты и времени. В таком случае заподозренное лицо имеет возможность пригласить адвоката по аналогии с положениями ч. 5 ст. 189 УПК РФ. В иных случаях, к примеру, как задержание и доставление лица без оформления его процессуального статуса или без разъяснения положений ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, а также без предоставления времени для приглашения адвоката-защитника, реализация такового права весьма затруднительна.

Во-вторых, понятие процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, толкуется правоприменительными органами и судами по-разному, из чего возникает неоднозначное толкование того, какие именно процессуальные действия, затрагивающие права и свободы лица, в отношении которого ведется производство по делу, предполагают участие защитника-адвоката.

Согласно п. 35 ст. 5 УПК РФ процессуальное действие — это следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ. При этом, в УПК РФ, к примеру, отсутствует определённый порядок получения объяснений у лица, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении. Более того, вопрос о том, затрагивается ли право лица конкретным проводимым процессуальным действием или нет, зависит от усмотрения дознавателя, который согласно п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ уполномочен самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия и принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом на это требуются со-

гласие начальника органа дознания, согласие прокурора и (или) судебное решение.

В-третьих, на практике, довольно часто правоприменительные органы связывают возможность участия защитника в доследственной проверке с процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, или, ссылаясь на то, что проверка сообщения о преступлении проводится не в отношении конкретного лица, а по факту, необоснованно отказывают в ходатайстве по обеспечению участия защитника на стороне лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Обозначенные проблемы связаны не только с отсутствием закрепленного в УПК РФ процессуального статуса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, но и с отсутствием в нём ссылок на нормы, регулирующие перечень процессуальных действий на стадии доследственной проверки, при проведении которых участие адвоката-защитника должно быть обязательным.

Отдельным вопросом участия защитника-адвоката в стадии проверки сообщения о преступлении связано с материальной возможностью лица, заподозренного в преступлении, пригласить защитника самостоятельно, поскольку его обеспечение за счет средств федерального бюджета не предусмотрено УПК РФ.

В силу ч. 5 ст. 50 УПК РФ, в случае если адвокат участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбирательстве по назначению дознавателя, следователя или суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Как мы видим, положения ч. 5 ст. 50 УПК РФ, не предполагают возмещение расходов на участие адвоката в стадии доследственной проверки, а только в стадии предварительного расследования. Что является ограничением и препятствием для реализации Конституционного права на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в этой стадии уголовного судопроизводства, а также обозначает проблему социального неравенства по доступу к защите и реализации прав и свобод граждан России, ставя его в зависимость от материального положения конкретного лица.

На стадии проверки сообщения о преступлении нередко препятствия реализации своих прав лицам, с участием которых она проводится, в связи с отсутствием у них процессуального статуса, что вызывает для них массу трудностей при реализации конкретных прав. Правовое разъяснение некоторым из них дал Конституционный суд в своём Определении от 20 декабря 2016 года № 2740-О [7], а именно:

1) На получение процессуальных решений в ходе проверки сообщения о преступлении.

Об этом Конституционный суд указал, что положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ, определяющие права и обязанности дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа при рассмотрении сообщения о преступлении, в том числе обязанность разъяснить лицам, участвующим в производстве процессуальных действий

при проверке сообщения о преступлении, их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечить возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, не закрепляют специальный правовой статус информации, содержащейся как в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, так и в постановлении о его отмене, и не устанавливают запрет на ознакомление с такими процессуальными решениями лиц, чьи права и законные интересы ими затрагиваются.

2) На разрешение ходатайств лица, принимающего участие в проверке сообщения о преступлении.

По данным фактам Конституционный суд разъяснил, что в ходе проверки сообщения о преступлении, составляющей начальную стадию досудебного производства, подозреваемый либо те лица, кому должны быть обеспечены права, которыми мог бы пользоваться подозреваемый, не лишены — как и на других стадиях уголовного процесса — права заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания, защищаться всеми иными средствами и способами, не запрещенными законом (пункты 5, 8 и 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

3) На возврат имущества изъятого в ходе проверки сообщения о преступлении.

Конституционный суд указал, что согласно статье 125 УПК РФ по результатам рассмотрения жалобы на решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, судья выносит решение либо о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение, либо об оставлении жалобы без удовлетворения (часть 5 данной статьи). Из содержания данной нормы прямо следует обязанность судьи рассмотреть жалобу на решения и действия (бездействие) должностных лиц и принять одно из указанных решений, что не только не нарушает права и законные интересы лица, в отношении которого вынесено обжалуемое решение, но и, напротив, обеспечивает их защиту.

Следует отметить, положения статей 145 и 148 УПК РФ, не содержат обязанности должностных лиц, разрешать судьбу имущества, изъятого в ходе проверки сообщения о преступлении, в соответствии со ст. 6.1 УПК РФ и по аналогии положений ст. 82 и п. 9 ч. 2 ст. 213 УПК РФ (то есть разрешать вопрос об изъятом имуществе, при принятии процессуального решения по результатам проверки сообщения о преступлении). Однако, о конституционности положений статей 145 и 148 УПК РФ, в этой части, Конституционный суд уклонился.

Дополнительно, следует также отметить пробел в законодательстве о праве лица, в отношении которого про-

изводилась проверка, и в ходе неё были применены меры, ограничивающие его права и свободы, которые повлекли за собой моральный или материальный ущерб, не разрешен в УПК РФ и даже в ГПК РФ.

К сожалению, на практике не единичны случаи порочной практики уголовного судопроизводства на стадии проверки сообщения о преступлении, связанной с действиями (бездействием) «коалиции» правоохранительных органов, нарушающих права и свободы участников уголовного судопроизводства, а также, препятствующих

их реализации, а иногда и покрываемые «судебной коалицией».

Таким образом, правовая неопределенность в понятийном аппарате УПК РФ приводит к возникновению серьезных проблем в реализации обеспечения лиц, в отношении которых проводится проверка о совершении ими преступления, а в дальнейшем, возможно, подозреваемых или обвиняемых, правом на защиту, следствием чего, весьма вероятно, может быть незаконное и необоснованное обвинение, осуждение и ограничения прав и свобод личности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» Федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 года № 9 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».
4. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».
5. Федеральным законом от 21 ноября 2011 года
6. № 324-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 506-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голенко А. П. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2016 года № 2740-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голенко А. П. на нарушение его конституционных прав статьей 50 и частями первой и первой. 1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
9. Решение Адвокатской палаты Ростовской области от 30 октября 2020 года «Разъяснения по вопросу возможности участия адвоката в качестве защитника на стадии проверки сообщения о преступлении по назначению дознавателя или следователя».
10. Комарова, Л. Р. Проверка сообщения о преступлении — первоначальная стадия уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1.
11. Ляхов, Ю. А., Чупилкин Ю. Б. Обоснованно ли Конституционный Суд расширил понятие подозреваемого? // Российская юстиция. 2008. № 12.
12. Выдря, М. М. Функция защиты в советском уголовном процессе: сб. науч. раб. «В помощь адвокату». — Краснодар, 1972.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 10 (457) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 22.03.2023. Дата выхода в свет: 29.03.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.